Журнал по юриспруденции

Вопросы российского и международного права

Том 8, № 4А, 2018.

С. 1-176.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

April 2018, Volume 8, Issue 4A.

Pages 1-176.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»
Том 8, № 4А, 2018

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович, доктор юридических наук (12.00.02), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, Профессор (***Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ***, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Современной гуманитарной академии, Донецкого национального университета) – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна, доктор юридических наук (12.00.15), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, ***Саратовская государственная юридическая академия*** – заместитель главного редактора.

Журкина Ольга Вячеславовна, кандидат юридических наук (12.00.09), доцент кафедры уголовного права, ***Оренбургский государственный университет*** – заместитель главного редактора по направлению «Уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность» (12.00.09)

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права, формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области гражданского, налогового, банковского, авторского, международного, частного и других отраслей права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (12.00.02)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (12.00.15)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность» (12.00.09)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (12.00.09)
Официальный представитель издательства в Литве	Д. Штилис (Вильнюс, Литва)
Ответственный редактор	Л.В. Луковникова
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректор	Л.Л. Куприянчик
Переводчики	В.Н. Ермаков, А.А. Тесленко
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г.
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43675 от 24.01.2011.
ISSN 2222-5129. Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»
Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»:
42394 «Вопросы российского и международного права»
Цена договорная. Подписано к печати 15.04.2018. Печ. л. 35,25. Формат 60x90/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7152.
Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сущевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"
April 2018, Volume 8, Issue 4A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich, Doctor of Law, Professor, member of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Professor of the ***Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*** (RANEPA), the Lomonosov Moscow State University, the Modern University for the Humanities (MUH), the Donetsk National University – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna, Doctor of law, Professor, member of the Scientific (advisory) council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil process, ***Saratov State Law Academy*** (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna, PhD in Law, Associate Professor at the Department of criminal law, ***Orenburg State University*** (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal procedure, criminalistics, special investigative techniques".

The journal publishes articles concerning current problems of theory and practice of Russian, foreign and international law, as well as formulates scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improvement of legislation and law-enforcement practice in the field of civil, tax, banking, copyright, international, private and other branches of law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scientists working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal procedure, criminalistics, special investigative techniques"	O.V. Zhurkina, PhD in Law
The official representative of the publishing house in Lithuania	D. Stitilis (Vilnius, Lithuania)
Executive editor	L.V. Lukovnikova
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik
Translators	V.N. Ermakov, A.A. Teslenko
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Mass media registration certificate: PI No. FS77-43675 of 24.01.2011.
ISSN 2222-5129. Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"
Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia":
42934 " Matters of Russian and International Law ".
Contract price. Passed for printing on 15.04.2018. 35.25 printed sheets. Format 60x90/8.
Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7152.
Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.
P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор кафедры основ гражданственности, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Борисов Геннадий Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ БелГУ).

Дудко Игорь Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва.

Корнев Аркадий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Малько Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии юридических наук, директор Саратовского филиала ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук.

Сорокина Юлия Владимировна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин, Воронежский филиал ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 12.00.02 – Конституционнное право, муниципальное право

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, Профессор (Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Современной гуманитарной академии, Донецкого национального университета).

Либанова Светлана Эдуардовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Шлёер Бернхард – доктор юридических наук, профессор, Мюнхенский университет (Германия).

по направлению: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Рязанский филиал).

Курбанов Рашад Афатович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, завкафедрой гражданского права Института права, Башкирский государственный университет.

по направлению 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

Разгильдиева Маргарита Бяшировна – доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права, Саратовская государственная юридическая академия.

Рождественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Шахмаметьев Алексей Алимович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

по направлению: 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный юридический университет.

Дивеева Нелли Ивановна – доктор юридических наук, профессор кафедры трудового права и охраны труда, Санкт-Петербургский государственный университет.

Лушников Андрей Михайлович – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право

Анисимов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Волгоградский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор по специальности 12.00.06, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Выпханова Галина Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры экологического и природоресурсного права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Злотникова Тамара Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры земельного права и государственной регистрации недвижимости, Московский государственный университет геодезии и картографии.

по направлению: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной и учебной работе, ФБУ Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Гришко Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина.

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, Самарская гуманитарная академия.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, ректорат, Воронежский государственный технический университет.

Пауль Альбина – почётный доктор юридических наук Университета им. Г. Робакидзе (Грузия), доцент по специальностям «Русский юридический язык» и «Введение в Российское право», научный сотрудник на кафедре уголовного права, уголовно-процессуального права, теории права и правовой информатики, Университет Юлиуса-Максимилиана, Вюрцбург (Германия).

Побегайло Эдуард Филиппович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, государственный советник юстиции 3-го класса.

Прозументов Лев Михайлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Хильгендорф Эрик – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Вюрцбургский университет Юлия Максимилиана (Германия).

по направлению: 12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора журнала, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, директор по защите ресурсов компании «РУСАЛ», доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, кандидат биологических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

по направлению: 12.00.10 – Международное право; Европейское право

Батлер Уильям Эллиотт – Заслуженный профессор права им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания (США), Профессор Emeritus сравнительного правоведения (Лондонский Университет), иностранный член Национальной Академии наук Украины и Российской академии естественных наук.

Григориадис Теохарис Н. – PhD, младший профессор, кафедра экономики Восточной Европы, Институт Восточноевропейских исследований, Свободный университет Берлина (Германия).

Егоров Сергей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор (12.00.10 Международное право; Европейское право), профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Садыкова Эльмира Ленаровна – доктор юридических наук, профессор, профессор Высшей школы международных отношений и востоковедения, Казанский федеральный университет.

Хаски Юджин – доктор политических наук, доктор экономических наук, профессор, советолог, Университет Стэтсона, Делэнд, Флорида (США).

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

по направлению 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института, ФГКОУ ВО Университет прокуратуры Российской Федерации.

Отческая Татьяна Ивановна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Халиулин Александр Германович – доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции 3-го класса, Почетный работник прокуратуры РФ, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве, Университет прокуратуры Российской Федерации.

по направлению: 12.00.12 – Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность

Аверьянова Татьяна Витальевна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Михайлов Виктор Александрович – доктор юридических наук (12.00.12; 12.00.09; 12.00.02), профессор, Заслуженный деятель науки РФ, действительный член (академик) Академии педагогических и социальных наук; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета, Российская таможенная академия; профессор кафедры уголовного права, процесса, криминалистики юридического факультета, Московский психолого-социальный университет.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Российский университет дружбы народов.

по направлению: 12.00.14 – Административное право; административный процесс

Кудерская Надежда Ивановна – доктор юридических наук, доцент, Одесский государственный университет внутренних дел (Украина).

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики управления, Уральский государственный юридический университет.

Сынкова Елена Михайловна – доктор юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Донецкий национальный университет.

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного, финансового и информационного права, Нижегородский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

по направлению: 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора журнала, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, профессор, член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Трещёва Евгения Александровна – доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева.

Редакционная коллегия

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал), Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург.

Прокофьев Виктор Федорович – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, Новгородский государственный университет.

Сайгидов Умалат Темирсултанович – кандидат юридических наук, доцент.

Editorial Board

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Civics, Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture named after Ilya Glazunov (Russia).

Anisimov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, Professor at the Department of constitutional and administrative law, Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology, Deputy Director for Research and Academic Affairs, Scientific Centre for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Russia).

Aver'yanova Tat'yana Vital'evna – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist, Professor of the Department of Forensic Expertise and Criminalistics, Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, Professor of the Moscow Witte University, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Assistant Head of Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, associate professor, Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines, Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ryazan branch) (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Branch of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Borisov Gennadii Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of theory and history of state and law of the faculty of law, Belgorod State University (Russia).

Butler William Elliott – the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, the Pennsylvania State University (USA), Emeritus Professor of Comparative Law (the University of London), foreign member of the National Academy of Sciences of Ukraine and the Russian Academy of Natural Sciences.

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of administrative, financial and data protection law, Nizhny Novgorod Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Diveeva Nelli Ivanovna – Doctor of Law, Professor of the Chair of Labor Law and Labor Protection, Saint Petersburg State University (Russia).

Dudko Igor' Gennad'evich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of public and administrative law, Ogarev Mordovia State University (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for scientific work, Samara Academy for the Humanities (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminology, Faculty of law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Egorov Sergei Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Labor Law, Ural State Law University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor at the Department of criminal law, Head of the Criminology Sector of the Centre for Criminal Law and Criminal Procedure of the Research Department of the faculty of law, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of countering illicit drug trafficking, All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Grigoriadis Theocharis N. – PhD, Associate Professor, Department of Economics of Eastern Europe, Institute of Eastern European Studies, Berlin Free University (Germany).

Grishko Aleksandr Yakovlevich – Doctor of Law, Professor, Commissioner for human rights in the Ryazan region, Ryazan State University named after S.A. Yesenin (Russia).

Hilgendorf Eric – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Dean and Head of the Department of criminal law, criminal procedure, legal theory, data protection law and computer science law, Julius-Maximillian University, Wurzburg (Germany).

Huskey Eugene – Doctor of Political Sciences, Doctor of Economics, sovietologist, Professor, Stetson University in Deland, Florida (USA).

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Deputy editor-in-chief, Doctor of law, Professor, member of the Scientific (advisory) council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil process, Saratov State Law Academy (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminology, Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Editor-in-chief, Doctor of Law, Professor, member of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), the Lomonosov Moscow State University, the Modern University for the Humanities (MUH), the Donetsk National University.

Khaliulin Aleksandr Germanovich – Doctor of Law, Professor, State Counselor of Justice (3rd class) of the Russian Federation, Honorary Worker of the prosecutor's office of the Russian Federation, Head of the Department of prosecutor's supervision over the execution of laws in the operational-search activity and the participation of the prosecutor in criminal proceedings, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Kornev Arkadii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and Law Theory, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Russia).

Kuderskaya Nadezhda Ivanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Odessa State University of Internal Affairs (Ukraine).

Kurbanov Rashad Afatovich – Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics (Russia).

Libanova Svetlana Eduardovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Constitutional Law, Ural State Law University (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Associate Professor at the Department of criminal law and criminology, Vice-Rector, Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering (Russia).

Lushnikov Andrei Mikhailovich – Doctor of Law, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Labor and Finance Law, Yaroslavl State University (Russia).

Mal'ko Aleksandr Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Head of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Mikhailov Viktor Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, full member (academician) of the Academy of Pedagogical and Social Sciences; Professor at the Department of criminal law disciplines, Faculty of law, Russian Customs Academy; Professor at the Department of criminal law, process, criminalistics, Faculty of law, Moscow Psychological and Social University (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, PhD in Biology, Professor, Head of the Department of Forensic Expertise and Criminalistics, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor at the Department of criminal law, criminal procedure and criminalistics, Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Management Theory and Practice, Ural State Law University (Russia).

Otcheskaya Tat'yana Ivanovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Russia).

Paul' Al'bina – Doctor of Law honoris causa, Associate Professor in the field "Russian legal language", "Introduction to Russian law", Grigol Robakidze University (Georgia), research fellow at the Department of criminal law, criminal procedure law, legal theory and legal informatics, Julius-Maximilian's University, Wurzburg (Germany).

Pobegailo Eduard Filippovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, State Counselor of Justice (3rd class) of the Russian Federation (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Process and Social Industries, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University) (Russia).

Prozumentov Lev Mikhailovich – Doctor of Law, Professor at the Department of criminology and correctional law, Tomsk State University (Russia).

Razgil'dieva Margarita Byashirovna – Doctor of Law, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law, Saratov State Law Academy (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department of financial law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Higher School of International Relations and Oriental Studies, Kazan Federal University (Russia).

Schleyer Bernhard – Doctor of Law, Bundestag Counsellor for constitutional and administrative law in CIS countries, Professor, Munich University (Germany).

Shakhmamet'ev Aleksei Alimovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department of administrative and financial law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of international law, All-Russian Academy of Foreign Trade (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, member of the expert consultative council under the Committee of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on constitutional legislation and state construction, Professor of the Department of Civil Procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Sorokina Yuliya Vladimirovna – Doctor of Law, Professor at the Department of theory and history of state and law, Voronezh State University (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Acting State Counselor (3rd class) of the Russian Federation, Adviser to the President of the "Tamir" Bar Association of Moscow (Russia).

Synkova Elena Mikhailovna – Doctor of Law, Associate Professor at the Department of administrative and financial law, Donetsk National University (Donetsk).

Treshcheva Evgeniya Aleksandrovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure and Business Law, Korolev Samara National Research University (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of civil law of the Institute of Law, Bashkir State University (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Russia).

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Director of Science at the Research Institute, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Honorary Worker of Higher Professional Education, Docent, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Vypkhanova Galina Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, Russian Academy of Advocacy and Notaries, Moscow (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Director for Resource Protection, RUSAL, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy editor-in-chief, PhD in Law, Associate Professor at the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Zlotnikova Tamara Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Land Law and State Registration of Real Estate, Moscow State University of Geodesy and Cartography (Russia).

Advisory Board

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Associate Professor, Saint Petersburg Law Institute (branch), Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Russia).

Prokof'ev Viktor Fedorovich – PhD in Law, Associate Professor, Dean of the law faculty, Head of the Department of state legal disciplines, Novgorod State University (Russia).

Saigidov Umalat Temirsultanovich – PhD in Law, Associate Professor (Russia).

Содержание

Административное право, финансовое право, информационное право

Агамиров Карэн Владимирович
Значение прогнозирования и профилактики правовых рисков в сфере законотворчества и правового поведения (по результатам социологических исследований) 7

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Чуксина Валентина Валерьевна
Правозащитная деятельность государства в области прав человека в условиях глобальной стандартизации прав человека.....19

Коновалюк Оксана Владимировна
Изменение полномочий органов местного самоуправления в соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом № 136-ФЗ от 27 мая 2014 г. 27

Анисимова Екатерина Александровна
Международная деятельность субъектов Российской Федерации и участие в ней региональных парламентов 36

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Цуканова Елена Юрьевна
Скопенко Олег Романович
Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом 44

Желанова Анна Сергеевна
Особенности заключения арбитражных соглашений в рамках рассмотрения корпоративных споров в Германии 51

Трудовое право; право социального обеспечения

Сурдаева Юлия Николаевна
Борисов Руслан Рафикович
Проблема повышения пенсионного возраста и минимального стажа в пенсионной системе России 61

Аблятипова Наталья Айдеровна
Кравцова Анастасия Алексеевна
Проблемы применения механизма приобретательной давности к бесхозяйным недвижимым вещам 67

Козлова Ирина Валерьевна
Лагутик Елизавета Александровна
Право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь 75

Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

Осколкова Наталья Александровна
История становления и развития института государственного долга в России 81

Сарсембаев Марат Алдангорович
Мурзагалиев Ердос Чарипович
Модернизация общественного налогового сознания, и вопросы сотрудничества государств по борьбе с транснациональными налоговыми преступлениями 90

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Кулакова Мария Николаевна
Эффективность предупреждения коррупционных преступлений.....98

Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность

Атакиши Аббас Муса
Некоторые проблемы реализации принципа состязательности при осуществлении судебного контроля в ходе досудебного производства в уголовном процессе.....110

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Соловьева Полина Викторовна
Судебная экспертиза как средство доказывания по уголовным делам о незаконном предпринимательстве.....125

Ивенин Владимир Олегович
Анализ судебных разъяснений США о необходимости реализации регулятивного направления уголовно-правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности.....132

Мантарджиев Михаил Васильевич
Отдельные проблемы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела.....143

Степырева Альбина Марсовна
Модель дознания по Концепции судебной реформы 1991 года.....152

Подоляк Дмитрий Юрьевич
Круг субъектов теории криминалистического обеспечения реализации прав и законных интересов потерпевшего.....161

Международное право; Европейское право

Проблемы регионального развития Испании.....170

Contents

Administrative law, financial law, information law

Karen V. Agamirov
Importance of forecasting and prevention of legal risks in the field of law-making and legal behavior (according to the sociological research) 7

Constitutional law; constitutional litigation; municipal law

Valentina V. Chuksina
Human rights activities of the state in the field of human rights in the context of global standardisation of human rights 19

Oksana V. Konovalyuk
Changing the powers of local authorities in accordance with the changes made by Federal Law No. 136-FZ of May 27, 2014 27

Ekaterina A. Anisimova
International activities of the constituent entities of the Russian Federation and the participation of regional parliaments in these activities 36

Civil law; business law; family law; international private law

Elena Yu. Tsukanova
Oleg R. Skopenko
Legal aspects of liability for causing damage by a robot with artificial intelligence 44

Anna S. Zhelanova
The features of the conclusion of arbitration agreements in the context of corporate dispute resolution in Germany 51

Labour law; social security law

Yuliya N. Surdaeva
Ruslan R. Borisov
The problem of raising the retirement age and the minimum employment period in the pension system of Russia 61

Natal'ya A. Ablyatipova
Anastasiya A. Kravtsova
Problems of application of the mechanism of prescription to ownerless immovable things 67

Irina V. Kozlova
Elizaveta A. Lagutik
The right of citizens to health protection and medical care 75

Financial law; tax law; budget law

Natalya A. Oskolkova
History of formation and development institute of public debt in Russia 81

Marat A. Sarsembayev
Erdos C. Murzagaliev
Modernization of public tax consciousness and issues of states cooperation against transnational tax crimes 90

Criminal law and criminology; criminal enforcement law

Mariya N. Kulakova
The effectiveness of the prevention of corruption-related crimes 98

Criminal process, criminalistics; operational-search activity

Abbas M. Atakishi
Some problems of implementing the adversarial principle in the exercise of judicial control during pre-trial proceedings in criminal procedure 110

Criminalistics; forensic activities; operational search activities

Polina V. Solov'eva
Forensic examination as a means of proof in criminal cases of illegal entrepreneurship 125

Vladimir O. Ivenin
Analysis of judicial explanations of the USA about the need for implementing the regulatory direction in the criminal legal support for operational-search activities 132

Mikhail V. Mantardzhiev
Some problems of proving at the stage of initiating a criminal case.....143

Al'bina M. Stepyreva
Model of inquiry according to the Concept of judicial reform of 1991 152

Dmitrii Yu. Podolyak
The subjects of the theory of forensic ensuring of the realisation of victims' rights and legitimate interests.....161

International law; European law

Anna V. Shashkova
Problems of regional development of Spain 170

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34

Значение прогнозирования и профилактики правовых рисков в сфере законотворчества и правового поведения (по результатам социологических исследований)

Агамиров Карэн Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник сектора теории права и государства,
Институт государства и права Российской академии наук,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;
e-mail: agamirow@yandex.ru

Аннотация

В статье приводятся результаты социологических исследований, подтверждающих необходимость прогнозирования и профилактики правовых рисков в сфере законотворчества и правового поведения. Представлены теоретические обобщения в области юридического прогнозирования и даны практические рекомендации законотворческим и правоприменительным органам. Автор отмечает, что необходимость комплексного исследования понятия, видов, факторов и механизма определения правовых рисков представляется актуальной как в практическом, так и в теоретическом плане. С целью профилактики и предупреждения отклоняющегося поведения требуется применение комплекса предупредительных мероприятий общего и специального характера, направленных на устранение сопутствующих ему причин и условий. Для повышения эффективности нормативных правовых актов необходим подготовительный этап законотворческого процесса, основанный на выявлении и научном обосновании потребности в правовом регулировании новых общественных отношений, изменении, дополнении или отмене действующих норм, разработке модели проекта нормативного правового акта и оценке его регулирующего воздействия.

Для цитирования в научных исследованиях

Агамиров К.В. Значение прогнозирования и профилактики правовых рисков в сфере законотворчества и правового поведения (по результатам социологических исследований) // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 7-18.

Ключевые слова

Гипотетическая проблема, прогностическая гипотеза, нормативные правовые акты, законотворческая деятельность, эффективность правового регулирования, отклоняющееся поведение.

Введение

В современном мире особую актуальность приобретает возможность прогнозирования общественных явлений, в том числе в правовой сфере. Правоприменительная практика содержит немало примеров неэффективного действия нормативных правовых актов, что не всегда вызвано ошибками законодателя. В ряде случаев невозможно прогнозировать, как будет функционировать новая норма, будет ли достигнут тот эффект, на который рассчитывает законодатель, не повлечет ли ее реализация негативные последствия [Малышева, 2001]. Иными словами, снижение качества нормативных правовых актов обусловлено в том числе объективным существованием риска в законотворчестве.

Необходимость комплексного исследования понятия, видов, факторов и механизма определения правовых рисков представляется актуальной как в практическом, так и в теоретическом плане [Егоров, Тихомиров, 2009]. Для профилактики и предупреждения отклоняющегося поведения требуется применение комплекса предупредительных мероприятий общего и специального характера, направленных на устранение сопутствующих ему причин и условий.

Цели и результаты исследования на тему «Факторы, влияющие на качество нормативных правовых актов»

С целью проведения социологического исследования № 1 в виде опроса экспертов на тему «Факторы, влияющие на качество нормативных правовых актов» была взята гипотетическая проблема качества нормативных правовых актов. В соответствии с ней выдвинуты описательные, объяснительные и прогностические гипотезы.

В качестве описательных гипотез использовались следующие:

1. Качество нормативных правовых актов находится на достаточно высоком уровне.
2. Качество нормативных правовых актов оставляет желать лучшего.
3. Качество нормативных правовых актов неуклонно снижается.

Соответствующие им объяснительные гипотезы звучали так:

1. Качество нормативных правовых актов находится на достаточно высоком уровне благодаря:

а) детальной правовой регламентации законотворческой деятельности;

б) профессионализму законодателей;

в) деятельности экспертных советов, участвующих в подготовке нормативных правовых актов.

2. Качество нормативных правовых актов оставляет желать лучшего по причине:

а) неполного отражения регулируемых общественных отношений;

б) недостаточной квалификации законодателей;

в) слабого общественного контроля за проектами нормативных правовых актов.

3. Качество нормативных правовых актов неуклонно снижается по причине:

а) отсутствия оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов;

б) недостаточного использования арсенала нормотворческой техники;

в) доминирования коррупционной составляющей при разработке и принятии нормативных правовых актов.

К прогностическим гипотезам относились следующие:

1. Поисковая прогностическая гипотеза. Нормативные правовые акты будут и дальше выходить с серьезными изъянами, влекущими за собой:

а) отрыв права от реальности и недостижение цели правового регулирования;

б) разбалансированность законотворческого процесса;

в) правовой нигилизм.

2. Нормативная прогностическая гипотеза. Для повышения качества нормативных правовых актов необходим подготовительный (прогностический) этап законотворчества, который должен быть прописан в федеральном законе о порядке принятия нормативных правовых актов.

Цель исследования состояла в выявлении факторов, влияющих на качество нормативных правовых актов. Объектом исследования являлся законотворческий процесс, предметом исследования – закономерности правового регулирования, субъектами исследования – группа экспертов в количестве двенадцати человек, состоящая из депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (четыре человека), ученых-юристов (четыре человека) и юристов-практиков (четыре человека).

Фракционная принадлежность депутатов Государственной Думы: Единая Россия (ЕР) – 1; Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) – 1; Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) – 1; Справедливая Россия (СР) – 1. Паспорт научных специальностей ученых-юристов: теория и история права и государства; история учений о праве и государстве – 1; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право – 1; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право – 1; уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право – 1. Юристы-практики в области: трудового права – 1; административного права – 1; информационного права – 1; уголовного процесса – 1.

В качестве метода исследования автор использовал индивидуально-групповой опрос экспертов – метод Дельфи, апробированный для проведения прогностического исследования на основе многоуровневой интерполяции, обеспечивающей объективный и разносторонний анализ и формирование сближенного коллективного мнения. Форма опроса – очное косвенное интервьюирование (предполагающее предварительное ознакомление с вопросами), очное прямое интервьюирование (при непосредственном контакте) и опосредованное интервьюирование (по телефону).

На первом этапе исследования перед экспертами были поставлены два вопроса: 1) на каком уровне находится качество нормативных правовых актов; 2) какие факторы влияют на качество нормативных правовых актов.

На первый вопрос были даны следующие ответы: качество нормативных правовых актов оставляет желать лучшего – 9; качество нормативных правовых актов неуклонно снижается – 2; качество нормативных правовых актов находится на достаточно высоком уровне – 2. На второй вопрос эксперты ответили следующим образом: научная обоснованность – 7; тщательная подготовка – 3; квалификация законодателей – 1; финансово-экономическое обоснование – 1.

Далее второй вопрос был разбит на уточняющие вопросы:

1. Что следует понимать под качеством нормативных правовых актов: соответствие созревшим общественным отношениям – 6; соответствие правилам нормотворческой техники – 3; определенность и ясность изложения правовых норм – 2; эффективность действия – 1.

2. Как соотносится качество нормативных правовых актов и эффективность правового регулирования: как частное с общим, эффективность правового регулирования предполагает качество нормативных правовых актов – 7; это одинаковые категории – 3; это пересекающиеся

категории, так как качественный нормативный правовой акт может быть неэффективным в силу недостаточно действенного механизма реализации – 2.

3. Как соотносится качество нормативных правовых актов с использованием арсенала нормотворческой техники: в прямой зависимости – 7; в зависимости от соответствия средств нормотворческой техники современным условиям – 3; в зависимости от профессионализма законодателей, использующих нормотворческую технику – 2.

4. Что следует понимать под соответствием законодательства происходящим в обществе процессам: учет политических, экономических, социальных и духовных процессов, влияющих на правовую систему, – 6; учет глобализационных процессов – 3; нацеленность на реализацию прав и свобод человека и гражданина – 3.

5. Является ли опережающее отражение происходящих в обществе процессов фактором качества нормативных правовых актов: да – 9; нет – 3.

6. В каких отраслях права на современном этапе следует в первую очередь соответственно сокращать и расширять сферу правового регулирования: сокращать в следующих отраслях: административное право – 5; уголовное право – 3; финансовое право – 3; гражданское право – 1; расширять в следующих отраслях: гражданское право – 6; трудовое право – 2; уголовное право – 2; финансовое право – 2; административное право – 1;

7. Какие факторы определяют возникновение качественно новых направлений правового регулирования: возникновение новых общественных отношений – 5; развитие экономических отношений – 3; развитие глобализационных процессов – 2; развитие биотехнологий, ставящих под угрозу существование человека как биологического вида – 2.

8. Какие назрели изменения в применении методов правового регулирования: активнее применять в публичных отраслях права метод убеждения – 5; активнее использовать в публичных отраслях права метод позитивного обязывания – 4; гармоничнее сочетать в частных отраслях права метод дозволения с методом принуждения – 3.

9. Какова роль Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в повышении качества нормативных правовых актов: исключительно высокая как основного законотворческого органа – 7; зависит от квалификации экспертных советов при комитетах – 3; определяется взаимодействием с Администрацией Президента и Правительством Российской Федерации – 1; не играет существенной роли – 1.

10. В каком соотношении находятся качество нормативных правовых актов и правоприменение: мониторинг правоприменения играет ведущую роль в повышении качества нормативных правовых актов – 6; мониторинг правоприменения должен лежать в основе разработки концепции проектов нормативных правовых актов – 3; правоприменительные органы должны представлять заключения на проекты нормативных правовых актов – 3.

11. В каком соотношении находятся качество нормативных правовых актов и правосознание: уровень правосознания находится в прямой зависимости от качества нормативных правовых актов – 7; уровень правосознания определяет качество нормативных правовых актов – 3; это взаимосвязанные категории – 2.

В ходе подготовки ко второму интервью в соответствии с методом Дельфи эксперты были ознакомлены со всеми мнениями и после сближения позиций был предложен новый согласованный перечень уточняющих вопросов:

а) научная обоснованность нормативных правовых актов зависит от следующих факторов: подготовительного этапа законотворческого процесса – 6; их соответствия созревшим общественным отношениям – 2; профессионализма законодателей – 2; их финансово-

экономического обоснования – 2.

б) что следует понимать под созревшими общественными отношениями, учет которых является показателем качества нормативных правовых актов: отношения, нуждающиеся в правовой регламентации в интересах общества – 6; социально-экономические отношения, требующие вмешательства права – 4; информационные отношения, подлежащие правовому урегулированию – 2.

в) какие правила нормотворческой техники являются приоритетными для повышения качества нормативных правовых актов: соответствие мер правового регулирования условиям жизни общества – 5; точность и ясность изложения – 3; отсутствие противоречий – 2; определенность понятий и терминов – 2.

г) эффективность правового регулирования, предполагающая качество нормативных правовых актов, связана с учетом: политических, экономических, социальных и духовных процессов, влияющих на правовую систему – 6; нацеленности на реализацию прав и свобод человека и гражданина – 4; глобализационных процессов – 2.

д) что следует понимать под опережающим отражением происходящих в обществе процессов в качестве фактора качества нормативных правовых актов: отражение возможных изменений в регулируемой сфере общественных отношений – 5; учет факторов, которые могут повлиять на реализацию нормативного правового акта – 4; предвосхищение модернизации методов правового регулирования – 3;

е) какое возможное новое направление правового регулирования следует выделить в качестве приоритетного: правовое обеспечение цифровизации экономики – 5; правовой режим электронного правительства – 3; правовое регулирование в сфере биотехнологий – 2; правовое регулирование криптовалюты – 2.

ж) какие возможны последствия для правовой системы, если нормативные правовые акты будут и дальше выходить с серьезными изъянами: деформация правосознания и правовой нигилизм – 6; недостижение цели правового регулирования – 3; законодательный дисбаланс – 3.

В ходе подготовки к третьему интервью в соответствии с методом Дельфи эксперты были ознакомлены со всеми мнениями и после сближения позиций был предложен окончательный согласованный перечень уточняющих вопросов:

а) что должен включать в себя подготовительный этап законотворческого процесса: выявление и научное обоснование потребности в правовом регулировании новых общественных отношений, изменении, дополнении или отмене действующих норм – 5; разработку модели проекта нормативного правового акта – 4; оценку регулирующего воздействия проекта нормативного правового акта – 3.

б) каков главный критерий эффективности правового регулирования: целевая результативность – 3; минимизация социальных конфликтов – 3; обеспечение правопорядка – 3; обеспечение прав и свобод человека и гражданина – 3;

в) какие первоочередные меры следует предпринять для повышения качества нормативных правовых актов: внедрение подготовительного этапа законотворчества, который должен быть прописан в федеральном законе о порядке принятия нормативных правовых актов – 5; повышение профессионализма законодателей – 4; повышение эффективности деятельности экспертных советов, участвующих в подготовке проектов нормативных правовых актов – 3;

На основе проведенных интервью и полученных ответов можно сделать следующие обобщенные выводы:

1. Качество нормативных правовых актов оставляет желать лучшего. Среди возможных последствий изъянов нормативных правовых актов – деформация правосознания и правовой нигилизм, недостижение цели правового регулирования и законодательный дисбаланс.

2. Качество нормативных правовых актов определяется научной обоснованностью и тщательной подготовкой.

3. Качество нормативных правовых актов должно соответствовать общественным отношениям, то есть учитывать политические, экономические, социальные, духовные, информационные и глобализационные процессы, влияющие на правовую систему [Радченко и др., 2008].

4. Качество нормативных правовых актов должно соответствовать правилам нормотворческой техники, среди которых следует выделить адекватность мер правового регулирования условиям жизни общества, точность и ясность изложения, отсутствие противоречий, определенность понятий и терминов [Тихомиров, 2013].

5. Нормативные правовые акты должны быть направлены на опережающее отражение происходящих в обществе процессов, а именно отражать возможные изменения в регулируемой сфере общественных отношений, учитывать факторы, которые могут повлиять на реализацию нормативного правового акта, предвосхищать модернизацию методов правового регулирования [Тихомиров, 2010]. Среди приоритетных новых направлений правового регулирования – цифровизация экономики, правовой режим электронного правительства, правовое регулирование в сфере биотехнологий, правовое регулирование криптовалюты [Хабриева, Тихомиров, 2013].

6. Эффективность правового регулирования предполагает минимизацию социальных конфликтов, обеспечение правопорядка и реализацию прав и свобод человека, и гражданина.

На основе сделанных обобщенных выводов можно представить следующие рекомендации.

Для повышения эффективности нормативных правовых актов необходим подготовительный этап законотворческого процесса, основанный на выявлении и научном обосновании потребности в правовом регулировании новых общественных отношений, изменении, дополнении или отмене действующих норм, разработке модели проекта нормативного правового акта и оценке его регулирующего воздействия [Сырых, 2002].

Внедрение подготовительного этапа законотворчества следует прописать в федеральном законе о порядке принятия нормативных правовых актов с учетом повышения профессионализма законодателей, эффективности деятельности экспертных советов, участвующих в подготовке проектов нормативных правовых актов, и их финансово-экономического обоснования.

Цели и результаты исследования на тему «Факторы, влияющие на формирование отклоняющегося поведения»

Для проведения социологического исследования № 2 в виде включенного открытого наблюдения на тему «Факторы, влияющие на формирование отклоняющегося поведения», была взята гипотетическая проблема прогнозирования и профилактики отклоняющегося поведения. В соответствии с ней выдвинуты описательные, объяснительные и прогностические гипотезы.

Описательные гипотезы:

1. Отклоняющееся поведение имеет в своей основе несогласие с правовыми нормами (активная сторона).

2. Отклоняющееся поведение является следствием пренебрежения правовыми нормами, их плохого знания или незнания (пассивная сторона);

3. Причины отклоняющегося поведения кроются в стечении жизненных обстоятельств (ситуативная сторона).

4. Отклоняющимся поведением движет стремление к самореализации, которая предполагает выход за рамки морали и права (метамотивационная сторона).

Соответствующие им объяснительные гипотезы:

1. Несогласие с правовыми нормами возникает по причине: стойкой антиобщественной позиции субъекта права; убеждения в их несправедливости.

2. Пренебрежение правовыми нормами является следствием: неуважения законов; уверенности в том, что неисполнение правовых предписаний «сойдет с рук», потому что «все так поступают»; стремления прославиться любой ценой.

3. Несоблюдение правовых норм является результатом: их неверного понимания в силу заблуждения; их плохого знания или незнания из-за недостатка правовой информации.

3. Стечение жизненных обстоятельства включают в себя проблемы: со здоровьем; на работе; в быту; в личной жизни.

Прогностические гипотезы:

1. Поисковая прогностическая гипотеза: а) отклоняющееся поведение влечет за собой негативные правовые последствия; б) отклоняющееся поведение не влечет за собой негативных правовых последствий; в) отклоняющееся поведение влечет за собой как негативные, так и позитивные правовые последствия.

2. Нормативная прогностическая гипотеза. Для профилактики и предупреждения отклоняющегося поведения необходим комплекс предупредительных мероприятий общего и специального характера, направленных на устранение причин и условий, способствующих отклоняющемуся поведению.

Цель исследования – выявление факторов, влияющих на отклоняющееся поведение.

Объект исследования – группа граждан трудоспособного и пенсионного возраста в количестве шести человек. Возраст: от 18 до 35 лет – 2; от 35 до 45 – 1; от 45 до 55 – 2; от 55 до 65 – 1. Пол: мужчины – 3; женщины – 3. Образование: высшее – 3; среднее специальное – 2; основное общее – 1. Социальные слои: пенсионер-инвалид 3 группы А.; медицинский работник Б.; журналист В.; студент магистратуры Г.; предприниматель Д.; временно неработающая Е.

Предмет исследования – закономерности отклоняющегося поведения.

Метод исследования – включенное открытое наблюдение, согласованное со всеми участниками.

В процессе исследования были выявлены следующие фактические обстоятельства.

Пенсионер-инвалид 3 группы А., мужчина, 53 года. Неработающий инвалид 3 группы (наличие одной почки), получает социальную пенсию в размере 4343 рублец за один месяц. Образование высшее техническое (инженер-электрик). Трудовой стаж – 35 лет, уволился по собственному желанию из-за отсутствия взаимопонимания с руководством. Находился на учете в Центре занятости, однако трудоустроиться не удалось, при том, что он был готов на любую работу. Живет в коммунальной квартире, получаемой пенсии едва хватает на оплату жилья и ограниченное питание, на лекарства денег не остается. А. не верит в силу права, так как убежден в несправедливости законов, не обеспечивающих ему, человеку с большим и безупречным трудовым стажем, возможность трудоустроиться и при наличии серьезного заболевания – сносную пенсию, а не ту, которая позволяет лишь сводить концы с концами. При этом А.

является законопослушным гражданином и ранее не преступал закон, однако сейчас он находится на грани отклоняющегося поведения и готов к противоправным действиям, если они принесут заработок и дадут возможность заработать хотя бы на лекарства. Ему, в частности, по Интернету поступают предложения снижать и замораживать показания счетчиков электроэнергии, устанавливать «левые» розетки и пр.

Медицинский работник Б., женщина, 49 лет, образование среднее специальное. Трудовой стаж – 29 лет. Работает в больнице. Заработная плата – 25 тыс. рублей. Проживает в двухкомнатной квартире с дочерью-инвалидом 2 группы (сахарный диабет среднетяжелого течения, пенсия по инвалидности – 4558 рублей). Б. позиционирует себя в качестве гражданина, уважающего и в основном соблюдающего законы. Ее отличает творческая правовая активность, так как она способствует процессу правообразования, направляя предложения по совершенствованию системы здравоохранения в «Медицинскую газету». Между тем состояние здоровья дочери и «дороговизна жизни» вынуждает Б. искать дополнительные заработки, которые носят противозаконный характер. Так, она оказывает в свободное от основной работы время медицинские услуги без соответствующей лицензии и при этом использует лекарственные препараты, к которым имеет доступ на работе. Она занимается также в частном порядке продажей вынесенных из больницы медикаментов. У Б. сложилось стойкое убеждение в том, что ничего постыдного в этом нет, так как сама жизнь вынуждает зарабатывать таким образом, и не она одна так поступает. Б. практикует народное целительство, на занятие которым тоже нужно разрешение, отдавая отчет в том, что не имеет соответствующей подготовки. Б. полагает, что она помогает страждущим победить напасти, и если она прибегает с этой целью к зомбированию, загово́рам и другим апробированным в этом ремесле способам, то итоговый положительный результат является оправданием.

Журналист В., женщина, 41 год, образование высшее. Стаж работы в СМИ – 18 лет. Из обеспеченной семьи, не замужем, без детей, материально независимая. В. ориентирована на постоянное повышение финансового благополучия, поэтому не бывает удовлетворена тем, что имеет. Она ведет экономический блок в газете, общается со многими влиятельными бизнесменами, и некоторые из них заказывают ей за вознаграждение статьи, компрометирующие конкурентов на основе непроверенной и недостоверной информации. В. осознает, что, публикуя подобные материалы, нарушает правовые и этические нормы журналистики, но оправдывает это тем, что почти все ее коллеги в других изданиях занимаются тем же самым, и стремление к обогащению берет вверх. Кроме того, В. панически боится внезапных болезней, одинокой и материально необеспеченной старости, поэтому стремится заработать любым способом впрок.

Студент магистратуры Г., мужчина, 23 года, образование высшее (бакалавриат). Из семьи среднего достатка, проживает с родителями и сестрой, неженат, но есть девушка в другом городе, готовая к переезду и браку. Г. поставил цель перед заключением брака заработать на квартиру, поэтому в свободное от учебы время занимается в составе коммерческой фирмы разработкой компьютерных видеоигр, приносящих хороший доход. Будучи квалифицированным программистом, Г. получает предложения подключаться к деятельности хакерских сообществ, однако страх перед уголовным наказанием за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 Уголовного кодекса) удерживает его от этого шага. При этом Г. не исключает, что рано или поздно займется этим делом, так как заработать действительно большие деньги честным трудом практически нереально, а у него есть цель создать многодетную семью, которую он смог бы обеспечивать. Г. не скрывает также своей

амбициозности, им движется стремление к известности любой ценой, и он планирует в будущем создать собственную политическую организацию для вхождения во властные структуры, чтобы жена и дети могли гордиться «знаменитым папой», и если для достижения этой цели нужно будет переступить через моральные принципы и закон, то он, скорее всего, не остановится.

Предприниматель Д., мужчина, 62 года, образование высшее. В бизнесе 25 лет, сфера деятельности – торговля продуктами питания. Женат, семья материально полностью обеспечена, имеет троих детей и двух внуков, которым оставит нужное для людей и прибыльное дело. Д. считает себя в целом законопослушным гражданином, однако не скрывает, что для успешного ведения бизнеса зачастую приходится прибегать к противозаконным способам, как-то: двойная бухгалтерия, которая применяется в бизнесе практически повсеместно, сокрытие части прибыли от налогообложения, так как налоги слишком высокие, и пр. Д. утверждает, что в бизнес-кругах сложилось негативное отношение к законодательному регулированию предпринимательства, так как законодательная база выстроена таким образом, что допускает неограниченное вмешательство контролирующих органов в предпринимательскую деятельность, подвергая ее постоянным рискам, в особенности в ходе внеплановых выездных проверок, и в этой связи настаивает на модификации Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», а также налогового и страхового законодательства в части снижения налоговой нагрузки и страховых взносов. Публичная власть, отмечает Д., должна способствовать стимулированию бизнеса, а не подавлять его, вынужденного из-за повседневных рисков использовать противозаконные схемы.

Временно неработающая Е., женщина, 32 года, образование основное общее. Трудовой стаж – 16 лет. Рано ушла из семьи, по ее словам, из-за алкоголизма родителей, которые плохо обращались с ней. Жила в гражданских браках с мужчинами значительно старше ее, от одного из которых у нее есть дочь 12 лет, проживающая вместе с ней в съемной комнате коммунальной квартиры. Работала уборщицей, продавцом, кассиром. С последнего места работы (супермаркет) была вынуждена уволиться по собственному желанию, так как, будучи законопослушной, отказывалась, по ее словам, участвовать в мошеннических схемах при проведении расчетных операций на кассовом узле. Е. состоит на учете в Центре занятости, но трудоустроиться не удается. Работодатели отказывают ей в приеме на работу, как она утверждает, по надуманным предлогам, и Е. полагает, что это происходит из-за того, что администрация последнего места работы, с которой они консультируются, не рекомендует принимать ее на работу из-за неуживчивого характера. Заработанные ранее деньги у Е. на исходе, а ей необходимо оплачивать съемное жилье, содержать малолетнюю дочь и себя. Е. зарегистрирована на шести интернет-сайтах, специализирующихся на поисках работы, и с одного из них ей поступило предложение трудоустроиться в «сплоченный женский коллектив», который на деле оказался бригадой девушек по вызову для оказания интим-услуг. После некоторых колебаний Е. согласилась, и таким образом проблема заработка в определенной степени была снята. При этом Е. не знает, что занятие проституцией преследуется в административном порядке. В процессе общения со своим куратором Е. было указано на возможность дополнительного заработка путем сбыта наркосодержащих средств. Она отказывается, однако не отвергает полностью предложение зарабатывать, как ее уверяют, немалые деньги пусть противозаконным и опасным, но проверенным и к тому же распространенным в этих кругах способом, так как у нее практически нет никаких других

шансов поставить на ноги дочь и выжить самой. Об ответственности за торговлю наркосодержащими веществами Е. не задумывается, будучи убежденной, что ее удастся избежать благодаря связям кураторов с правоохранительными органами. К тому же она прониклась отрицательным отношением к действующим законам, которые, как отмечает Е., ставят честных людей на грань выживания, поэтому используемые ею способы заработка должны стимулировать власть

На основе проведенного включенного открытого наблюдения можно сделать следующие обобщенные выводы.

Правовым поведением человека управляют правовые потребности, правовые интересы, мотивы поведения, ориентация поведения, правовая установка, постановка цели, переходящие в принятие правового решения [Власова и др., 2012]. Непрерывный анализ этих взаимосвязанных составляющих индивидуально-правового регулирования и закономерностей перевода одного блока в другой является методологической базой научно обоснованного прогноза индивидуального правового поведения.

Несогласие с правовыми нормами в качестве проявления негативной правовой активности отклоняющегося поведения возникает главным образом из-за убеждения в несправедливости действующих законов, не обеспечивающих право на достойную жизнь, а пренебрежение ими является следствием уверенности в том, что их несоблюдение происходит повсеместно и поэтому останется без последствий [Плюгина и др., 2008]. Среди компонентов отклоняющегося поведения значительную роль играет стечение жизненных условий, доминирует здесь материальная составляющая, связанная с бытовой неустроенностью, отсутствием работы, проблемами со здоровьем; добросовестное заблуждение, основанное на убеждении в том, что неисполнение правовых предписаний может служить позитивным фактором, способствующим совершенствованию действующих законов; правовая неинформированность; желание добиться признания любой ценой; страх перед будущим, толкающий к накоплению денег впрок [Малышева, 2007].

Заключение

На основе проведенных социологических можно представить следующие рекомендации.

Для профилактики и предупреждения отклоняющегося поведения требуется применение комплекса предупредительных мероприятий общего и специального характера, направленных на устранение сопутствующих ему причин и условий, среди которых следует выделить следующие:

– удовлетворение потребностей личности в целенаправленном правовом регулировании, отражающим социально-полезные образцы поведения, социальную справедливость, социальные интересы различных социальных групп, объективные особенности субъектов права, связанные с материальным положением, наличием семьи, возрастом, состоянием здоровья, способностью к той или иной деятельности, стремлением к самореализации [Зорькин, 2013];

– повышение уровней правовой информированности и правового воспитания, преодоление правового нигилизма и правового инфантилизма, внедрение в общественное сознание представления о том, что закону так или иначе следует подчиняться, иначе последуют негативные правовые последствия;

– контроль за лицами с повышенной виктимностью с целью удержания от перевода

противозаконных намерений в поведенческий акт;

– борьбу с безработицей и за полноценную жизнь, исключающую мысли о незаконной наживе, приближение уровня жизни к международным социальным стандартам – краеугольному камню социальной политики российского государства, от которой зависит нивелирование факторов отклоняющегося поведения.

Библиография

1. Власова Н.В. и др. Правовое пространство и человек. М.: Норма, 2012.
2. Егоров В.К., Тихомиров Ю.А. Право и культура. М.: Изд-во РАГС, 2009.
3. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013.
4. Малышева И.В. Законотворческий риск: понятие, виды, детерминация: дисс. канд. юрид. наук. Владимир, 2007.
5. Плюгина И.В. и др. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективность применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. 2008. № 8.
6. Радченко В.И. и др. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективность применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. 2008. № 8.
7. Сырых В.М. (ред.) Социология права. М.: Юстицинформ, 2002.
8. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право и отклонения в правовой сфере // Право и политика. 2013. № 3.
9. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010.
10. Хабриева Т.Я., Тихомиров Ю.А. (ред.) Концепции развития российского законодательства. М.: Эксмо, 2013.

Importance of forecasting and prevention of legal risks in the field of law-making and legal behavior (according to the sociological research)

Karen V. Agamirov

PhD in Law, Associate Professor,
Senior Researcher of sector of theory of law and state,
Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences,
119019, 10 Znamenka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: agamirow@yandex.ru

Abstract

The article presents the results of sociological studies confirming the need to predict and prevent legal risks in the field of law-making and legal behavior. The article contains theoretical generalizations in the field of legal forecasting and practical recommendations to legislative and law enforcement bodies. The author notes that the need for a comprehensive study of the concept, types, factors and mechanism for determining legal risks is relevant both in practical and theoretical terms. Prevention of deviant behavior requires the use of a set of preventive measures of a general and special nature, aimed at eliminating the associated causes and conditions. Continuous analysis of these interrelated components of individual legal regulation and the regularities of the transfer of one block to another is the methodological basis of scientifically based forecast of individual legal behavior. To improve the effectiveness of regulatory legal acts, a preparatory stage of the legislative process is necessary, based on the identification and scientific justification of the need for legal regulation of new social relations, change, addition or abolition of existing norms, the development of a model of a draft regulatory legal act and the assessment of its regulatory impact.

For citation

Agamirov K.V. (2018) Znachenie prognozirovaniya i profilaktiki pravovykh riskov v sfere zakonotvorchestva i pravovogo povedeniya [Importance of forecasting and prevention of legal risks in the field of law-making and legal behavior (according to the sociological research)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 7-18.

Keywords

Hypothetical problem, prognostic hypothesis, regulatory acts, legislative activity, effectiveness of legal regulation, deviant behavior.

References

1. Egorov V.K., Tikhomirov Yu.A. (2009) *Pravo i kul'tura* [Law and culture]. Moscow: Publishing house of Russian presidential Academy of Public Administration.
2. Khabrieva T.Ya., Tikhomirov Yu.A. (2013) (eds.) *Kontseptsii razvitiya rossiiskogo zakonodatel'stva* [The concept of development of Russian legislation]. Moscow: Eksmo Publ.
3. Malysheva I.V. (2007) Zakonotvorcheskii risk: ponyatie, vidy, determinatsiya: Dokt. Diss. [Legislative risk: concept, types, determination. Doct. Diss.]. Vladimir.
4. Plyugina I.V. et al. (2008) Prakticheskie aspekty prognozirovaniya zakonoda-tel'stva i effektivnost' primeneniya prognoziruemykh norm [Practical aspects of the prediction of the legislation and the effectiveness of forecasted norms]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 8.
5. Radchenko V.I. i dr. (2008) Prakticheskie aspekty prognozirovaniya zakonoda-tel'stva i effektivnost' primeneniya prognoziruemykh norm [practical aspects in forecasting the legislation and efficiency in applying the forecasted norms]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 8.
6. Syrykh V.M. (ed.) (2002) *Sotsiologiya prava* [Sociology of law]. Moscow: Yustitsinform Publ.
7. Tikhomirov Yu.A. (2013) Kollizionnoe pravo i otkloneniya v pravovoi sfere [Conflict of laws and the deviation in the sphere of law]. *Pravo i politika* [law and politics], 3.
8. Tikhomirov Yu.A. (2010) *Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika* [Legal regulation: theory and practice]. Moscow: Formula prava Publ.
9. Vlasova N.V. i dr. (2012) *Pravovoe prostranstvo i chelovek* [Legal space and human being]. Moscow: Norma Publ.
10. Zor'kin V.D. (2013) *Pravo v usloviyakh global'nykh peremen* [Law in the context of global changes]. Moscow: Norma Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.7

Правозащитная деятельность государства в области прав человека в условиях глобальной стандартизации прав человека

Чуксина Валентина Валерьевна

Доктор юридических наук, доцент,
завкафедрой правового обеспечения национальной безопасности,
Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 11;
e-mail: v-chuksina@yandex.ru

Аннотация

Права человека, став одним из элементов глобализационных процессов, породили реальные и мнимые противоречия между национальными особенностями развития государств и универсализацией права в области прав человека. Международное право в области прав человека вменяет в обязанности правового демократического государства признание, реализацию и защиту прав человека, но не определяет структуру внутригосударственных правозащитных механизмов, совершенствование которых является «вечной» проблемой. Одним из позитивных моментов глобализации в области защиты прав человека стало учреждение национальных институтов по содействию правам человека и их защите. Данные институты позволяют компартментно соединить правовой (национальный и международный) аспект с историко-культурными особенностями развития и национальными интересами государств. Таким образом, назрела актуальная необходимость перестроить правозащитную деятельность российского государства (юридическое обеспечение конституционных норм и гарантий прав человека, имплементация, аккультурация международных стандартов прав человека на основе правозащитного подхода к правам человека и законодательного закрепления понятия «защита прав человека» в широком смысле).

Для цитирования в научных исследованиях

Чуксина В.В. Правозащитная деятельность государства в области прав человека в условиях глобальной стандартизации прав человека // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 19-26.

Ключевые слова

Права человека, правозащитная деятельность, государство, глобализация, правозащитный подход.

Введение

Права человека в широком конституционно-правовом смысле являются конституирующим элементом юридической доктрины современного государства. Сегодня нет таких стран, которые бы проводили целенаправленную государственную политику дискриминации и нарушения прав и свобод человека и гражданина. Однако нет и такой страны, где бы в большей или меньшей степени не нарушались права человека.

После принятия Устава ООН, других международных документов по правам человека, перестройки мировой системы начался принципиально новый этап в развитии международного сотрудничества государств в сфере прав человека. Сложившаяся международно-правовая система прав человека, устанавливающая нормы отношений между государством и человеком, вменяет признание, реализацию и защиту неотъемлемых прав человека в обязанность правового демократического государства «даже в тех случаях, когда нарушения имели место за пределами национальной территории, но связаны фактической реализацией государством суверенных прав вне своих территориальных пределов» [Нарутто, 2012, 1231].

Но именно в этой сфере возникают «парадоксы демократии»: чем более демократичнее государство, тем больше у него механизмов (в первую очередь государственных) для защиты и обеспечения прав человека; чем более граждане осведомлены о своих правах, тем больше жалоб на их нарушения поступает в различные инстанции (включая конституционные суды, Европейский Суд по правам человека и др.). Именно поэтому проблему совершенствования государственных правозащитных механизмов можно отнести к разряду «вечных».

Правозащитная деятельность государства в области прав человека в условиях глобализации

Начиная с конца XX в. проблема совершенствования правозащитных систем во всех государствах мира становится глобальной. Права человека, с одной стороны, стали неотъемлемым элементом глобализационных процессов. С другой стороны, они же и «породили» многообразные противоречия: между конституционным плюрализмом, представлениями о демократии и спецификой ее реализации в разных странах, а также между историко-культурными ценностями государств и универсализацией права в области прав человека. В частности, например, «признанный борец» за права человека «Хьюман Райтс Вотч», штаб-квартира которой, как известно, находится в США, почему-то дает рекомендации Правительству РФ отменить «дискриминационный» закон о запрете гей-пропаганды среди детей (Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей»), но при этом почему-то не настаивает на срочной декриминализации гомосексуальности в дружественных США странах.

Безусловно, правозащитная стратегия, как и любая другая, должна реализовываться с учетом объективных факторов, а не опираться на приговоры, поставленные заочно [Попова, Протасевич, Смирнова, 2017, 42]. В условиях перестройки мирового порядка стало более чем очевидно, что под актуальным и красивым лозунгом «защиты прав человека» реальностью стало проведение так называемых «гуманитарных интервенций» (свежий пример – бомбардировка Сирии) и даже уничтожение суверенных государств, внесенных коллективным

Западом во главе с США в список «неугодных», не соответствующих представлениям о демократии в англосаксонском варианте. На практике новой западной «нормой» становится нарушение норм международного права, а «в условиях беспрерывно ведущихся информационных войн, ставших характерной чертой современного мира» [Суходолов, Рачков, 2016, 11], права человека для них становятся разменной монетой для решения национальных проблем и геополитических задач.

Не вдаваясь в анализ негативных последствий глобализации прав человека по западному варианту, отметим один из позитивных моментов данного процесса. Это касается создания новых внесудебных государственных институтов, которые специализируются на содействии правам человека и их защите. Ряд международных договоров прямо рекомендует странам-участницам изучить возможность учреждения таких независимых специализированных институтов либо предписывает учредить и в дальнейшем укреплять национальные механизмы для поощрения, защиты прав определенной группы лиц [Несмеянова, Калинина, 2017, 9].

При этом следует помнить, что еще до современных механизмов, направленных на защиту прав личности и регулирование отношений между государством и гражданами, в истории правового развития человечества важную роль играли «вспомогательные» структуры, учреждаемые в разное время в различных по уровню политико-правового и социально-экономического развития странах, но тем не менее имеющие некоторые общие черты.

Одним из первых исследователей проблемы существующих сходств «правозащитных» учреждений у разных народностей можно считать Э. Фримана, который указал на то, что причины этого могут быть сведены к следующим: передача одним народом другому одного или целой совокупности учреждений; действие одинаковых причин, вызвавших и тождественные результаты; происхождение от одного общего корня [Фриман, 1880, 25]. На наш взгляд, вторая причина имеет особенно важное значение, так как позволяет понять, почему многие прототипы современных механизмов ограничения населения от злоупотреблений должностных лиц и расширения защиты прав человека, происхождение которых традиционно связывают с ценностями западной демократии, на самом деле имеют глубокие исторические корни.

Во многих странах задолго до формирования понятия «прав человека» и глобализации защиты прав человека, наряду с судом, появились внесудебные структуры – посредники по защите человека от злоупотреблений, несправедливости или неумелого управления должностных лиц (в Китае в эпоху династии Цинь, Янь и Хань; в Корее во время правления династии Чосон; в древней Греции – Эвтиной в Афинах; в Римской империи – Гражданский Защитник; арабский Мохтасиб, корни которого берут еще со времен Пророка Мухаммада; во многих мусульманских государствах – институт эхтисоба и др.), получившие дальнейшее развитие в рамках шведского парламентаризма как института рассмотрения жалоб – Омбудсмена. Русскую Правду, Уставные грамоты наместничьего управления, Судебники и т. д. также можно рассматривать как попытки законодательного определения правомерных границ деятельности власти (кормленщиков, наместников и волостелей, воевод и др.) на Руси [Загоскин, 2004, 44]. Можно привести и другие исторические примеры, но только с 1990-х гг. есть основания говорить об общемировой тенденции укрепления и развития внутригосударственных правозащитных систем посредством учреждения государственных субсидиарных органов по правам человека и их защите, ставших одними из элементов международной стандартизации прав человека на внутригосударственном уровне.

Понятно, что общие международные требования к правовым обязанностям современных демократических государств защищать права человека не определяют многообразие форм организации и функционирования внутригосударственных механизмов защиты прав человека.

Последние детерминируются национальными особенностями (включая религиозные традиции), а также правовыми и административными системами отдельных стран. Однако именно сегодня вместе с усилением законодательной, реформированием судебной и административной защиты происходит становление новых, а также модернизация функционирующих внесудебных органов, специализирующихся на защите прав человека [Смирнова и др., 2014, 299]. Наряду с современными парламентскими омбудсменами, сфера компетенции которых имеет общемировую тенденцию к расширению, учреждаются уполномоченные по правам человека, национальные комиссии и центры по правам человека и др. Хотя при этом появляются даже такие «экзотические» институты, как «пивной омбудсмен». Причем чем меньше у страны опыт демократического развития, тем большими полномочиями наделены такие органы. Например, в Индии Локпал и Локаюктасы (федеральный и региональные омбудсмены) могут не только наказывать «провинившегося» чиновника большим штрафом, но и приговорить к реальному тюремному сроку.

Данные субсидиарные институты, называемые в системе ООН национальными институтами по содействию правам человека и их защите, стали самой важной новеллой XX в. в конституциональном плане, неотъемлемым структурным элементом правозащитного подхода к правам человека, компартментно соединяющим правовой (с учетом факторов глобализации) аспект с историко-культурными особенностями развития и национальными интересами государств.

Общеизвестно, что государство является одним из главных субъектов национальной системы защиты прав человека (с учетом международных требований), постольку основные вызовы глобализации адресованы в первую очередь государству. В современном мире практически нет моноэтнических государств, а интенсификация миграционных процессов еще более усиливает полиэтнический и поликонфессиональный состав современных (особенно западных) обществ. В связи с этим, говоря о национальной системе защиты прав человека, мы опираемся на понятие «государство-нация», которое реально представляет уже новый этнокультурный и конфессиональный синтез, и где уже национальная или конфессиональная принадлежность выступает в качестве личного выбора. Поэтому не случайно в международном праве, в конституционном праве англо- и романоязычных стран, а также в большей части русской юридической терминологии нация становится синонимом государства.

С политико-правовой позиции глобализация наглядно проявляется через взаимосвязь национальных и международной правовых систем, а также посредством стандартизации правовых принципов и норм по правам человека. В частности, это касается обязанностей всех государств защищать права человека, независимо от их уровня политического и экономического развития. Этот императив прямо закреплен в ст.ст. 55, 56 Устава ООН, во Всеобщей декларации прав человека и других международных документах. Хотя, конечно, «различия религиозных, нравственных, философских, правовых ценностей определяют неоднозначную интерпретацию прав человека, различную степень их усвоения отдельными культурами» [Лукашева, 2007, 120].

Права человека «как высшая конституционная ценность составляют ядро ценностного осознания человека, его прав как главной цели существования демократического государства и общества» [Комкова, 2012, 98]. В Российской Федерации «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» выступает как триединая конституционная обязанность государства. Поэтому, согласно ст.ст. 17, 18 Конституции Российской Федерации, создание необходимых условий (гарантий) для обеспечения и защиты общепризнанных стандартов прав человека есть функционально-целевое выполнение обязанностей государства в контексте прав человека.

Государство есть своего рода связующее звено целого (общества) и его частей (человека, социальных групп). Оно выражает публичные интересы, и при таком подходе права человека позиционируются не в качестве требований к государству, а в качестве личной ответственности и обязанности граждан за интеграцию целого, т. е. общества, необходимости корреляции индивидуального с коллективным.

Сегодня общепризнано, что только право, опирающееся на принцип формального равенства, дает возможность устанавливать равные меры ограничений для субъектов правоотношений, играя системообразующую роль в процессе регулирования отношений между человеком и государством. Поэтому только правовое государство в состоянии обеспечить тождество ценностей прав человека и государственного управления. Хотя в реальности в одном государстве существуют цивилизационные различия между представлениями о правах человека и универсальными стандартами по правам человека. Так, например, в вопросе о моделях взаимоотношений общества, государства и отдельного человека могут одновременно сосуществовать как патерналистские представления, так и идеи личной ответственности, индивидуальной свободы.

Конечно, национальная специфика государственно-правового регулирования отношений между государством и человеком детерминируется многими факторами (политическим режимом, историко-культурными традициями, уровнем развития экономики и др.). Но даже самое демократическое государство, по мнению К. Штерна, которое гарантирует и защищает права человека, олицетворяет «противостояние именно этого государства основным правам».

Такая противоречивая ситуация с правами человека объясняется природой самой власти, так как власть всегда стремится к постоянному укреплению, иначе она будет терять свою политическую и социальную силу. Поэтому права человека из возможности превращаются в реальность при условии, когда политический режим, по мнению А.А. Алексеева, не превышает социально оправданный порог «потребности во власти» [Алексеев, 2002, 152], а также при наличии «системы сдержек и противовесов» и эффективных правозащитных механизмов. Но, главное, реализуя правозащитный подход, государство, олицетворяя конституционное правотворчество и правоприменение, должно руководствоваться принципом верховенства права.

Заключение

Таким образом, исходя из принципа верховенства права, государственную правозащитную деятельность в контексте прав человека можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле. Всеобщая декларация прав человека (ст. 7, ст. 12, ч. 3 ст. 16, ч. 1 ст. 23 и др.), заложившая основы международной стандартизации прав человека, государственную защиту прав человека в широком смысле идентифицирует с английским понятием «protection». Другими словами, когда речь идет о субъектах прав, имеется в виду их защита, а по отношению к объектам данное понятие интерпретируется уже как охрана. Защита прав человека как восстановление нарушенных прав (законных интересов) обозначается термином «defence» – оборона, защита, в том числе защита в суде. Необходимо отметить, что в международных документах защитниками (defender), как правило, называют государственных правозащитников (классических омбудсменов), адвокатов, различных представителей гражданского общества. В полномочия национальных институтов по содействию правам человека и их защите (national human rights institutions for the promotion and protection of human rights) входит защита в широком смысле.

В рамках концепта защиты прав человека в широком смысле государственные институты обязаны активизировать правотворческую и правоприменительную деятельность по предотвращению нарушений прав человека и расширению сферы позитивной свободы человека. Ведь недаром профессор Г.А. Гаджиев подчеркивает, что есть «смысл и практическая польза в признании родового понятия публично-правовой ответственности» (включающего конституционно-правовую ответственность).

В рамках широкого подхода к защите прав человека правозащитная функция государства выражается в юридическом обеспечении конституционных норм и гарантий прав человека, в имплементации, аккультурации и дальнейшем развитии международных стандартов прав человека. В этом смысле правозащитная деятельность государства выступает как законодательная и правоприменительная практика государства в сфере прав человека, отражающая особенности национальных историко-культурных традиций, качество государственного управления и уровень социально-экономического развития страны, обеспечивающая выполнение конституционных норм и соответствие мировым стандартам по правам человека.

Контрольные и мониторинговые механизмы, представленные различными структурами (судами, институтами по рассмотрению обращений граждан, правоохранительными органами и др.), а также процедуры, определяющие порядок и методы их работы, базирующиеся на нормах национального и международного права по правам человека, отражают правозащитную функцию государства в области прав человека, понимаемую в узком смысле.

Очевидно, что принцип субсидиарности связывает понятия защиты прав человека в узком и широком смыслах. На наш взгляд, правозащитный подход является концептуальным базисом развития человеческого капитала, в нормативном смысле основанного на конституционных принципах обеспечения прав человека в национальных законодательных системах и международных принципах и нормах по правам человека, в оперативном смысле направленного на содействие правам человека и их защиту. В свою очередь, правозащитные принципы (универсальность, неотъемлемость, неделимость, равенство, верховенство закона и др.), являющиеся результатом глобализации прав человека, составляющие фундамент правозащитного подхода, детерминируют деятельность внутригосударственных (судебных и внесудебных) механизмов защиты прав человека. В связи с этим представляется, что реализация в полном объеме обязанностей российского государства в сфере прав человека актуализирует отказ от узкой интерпретации юридических понятий «защита» и «охрана» и закрепления на законодательном уровне понятия «защита» в концептуально широком смысле, детерминируя оптимальный вариант соединения обязанностей государства и прав человека посредством консервативно-правовой модернизации на основе правозащитного подхода в условиях глобальной стандартизации прав человека.

Библиография

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2002. 608 с.
2. Гаджиев Г.А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность // Журнал российского права. 2014. № 1 (205). С. 7-15.
3. Государственное право Германии. М., 1994. Т. 2. 320 с.
4. Загоскин Н.П. История права Московского государства. Казань: Издательство Казанского университета, 2004. 344 с.
5. Комкова Г.Н. Категория «ценность» в конституционном праве России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12. № 2. С. 97-99.

6. Лукашева Е.А. Права человека в контексте конфликта культур // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 2. С. 115-120.
7. Нарутто С.В. Территориальные аспекты государственного суверенитета // Lex Russica. 2012. Т. LXXI. № 6. С. 1225-1231.
8. Несмеянова С.Э., Калинина Е.Г. Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4 (100). С. 7-12.
9. Попова И.П., Протасевич А.А., Смирнова И.Г. Приговор, постановленный заочно // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16). С. 42-52.
10. Смирнова И.Г. и др. Механизм защиты прав человека посредством реализации органами государственной власти контрольных полномочий: сравнительно-правовой анализ России и Германии. М.: Юрист, 2014. 416 с.
11. Суходолов А.П., Рачков М.П. К созданию теории средств массовой информации: постановка задачи // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 6-13.
12. Фриман Э. Сравнительная политика. СПб., 1880. 529 с.

Human rights activities of the state in the field of human rights in the context of global standardisation of human rights

Valentina V. Chuksina

Doctor of Law, Docent,
Head of the Department of legal ensuring of national security,
Baikal State University,
664003, 11 Lenina st., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: v-chuksina@yandex.ru

Abstract

The article deals with human rights that, becoming one of the elements of globalisation, have generated real and perceived contradictions between the national states' development and the universalisation of law in the field of human rights. International human rights law imposes the recognition, enjoyment and protection of human rights on the legal democratic state, but it does not define the structure of domestic human rights mechanisms, the improvement of which is a "perpetual" problem. One of the positive aspects of globalisation in the field of human rights protection consists in the fact that a number of national institutions were established with a view to the promotion and protection of human rights. These institutions make it possible to combine the legal (national and international) aspect with the historical and cultural peculiarities of the development and the national interests of states. Thus, there is an urgent need to rebuild the human rights activities in the Russian Federation (legal support for constitutional norms and guarantees of human rights, the implementation and acculturation of international human rights standards on the basis of a human rights approach to human rights and legislative consolidation of the concept of the protection of human rights in the broad sense).

For citation

Chuksina V.V. (2018) Pravozashchitnaya deyatel'nost' gosudarstva v oblasti prav cheloveka v usloviyakh global'noi standartizatsii prav cheloveka [Human rights activities of the state in the field of human rights in the context of global standardisation of human rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 19-26.

Keywords

Human rights, human rights activities, state, globalisation, human rights approach.

References

1. Alekseev S.S. (2002) *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [The ascent to law. Searches and solutions]. Moscow: Norma Publ.
2. Freeman E. (1873) *Comparative politics*. London. (Russ. ed.: Freeman E. (1880) *Sravnitel'naya politika*. St. Petersburg.)
3. Gadzhiev G.A. (2014) Konstitutsionnye osnovy yuridicheskoi otvetstvennosti i konstitutsionno-pravovaya otvetstvennost' [Constitutional bases of legal responsibility and constitutional-legal responsibility]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 1 (205), pp. 7-15.
4. *Gosudarstvennoe pravo Germanii* [German state law] (1994), Vol. 2. Moscow.
5. Komkova G.N. (2012) Kategoriya “tsennost’” v konstitutsionnom prave Rossii [The category "value" in the constitutional law of Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law], 12 (2), pp. 97-99.
6. Lukasheva E.A. (2007) Prava cheloveka v kontekste konflikta kul'tur [Human rights in the context of cultural conflict]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 77 (2), pp. 115-120.
7. Narutto S.V. (2012) Territorial'nye aspekty gosudarstvennogo suvereniteta [Territorial aspects of state sovereignty]. *Lex Russica*, 71 (6), pp. 1225-1231.
8. Nesmeyanova S.E., Kalinina E.G. (2017) Kontseptsiya uyazvimosti otdel'nykh grupp lits: mezhdunarodnyi i natsional'nyi opyt [The concept of vulnerability of certain groups of people: international and national experience]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian law: education, practice, science], 4 (100), pp. 7-12.
9. Popova I.P., Protasevich A.A., Smirnova I.G. (2017) Prigovor, postanovlennyi zaochno [Sentences imposed in absentia]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian criminal procedural and forensic readings], 2 (16), pp. 42-52.
10. Smirnova I.G. et al. (2014) *Mekhanizm zashchity prav cheloveka posredstvom realizatsii organami gosudarstvennoi vlasti kontrol'nykh polnomochii: sravnitel'no-pravovoi analiz Rossii i Germanii* [The mechanism of human rights protection through the implementation of control powers by public authorities: a comparative legal analysis of Russia and Germany]. Moscow: Yurist Publ.
11. Sukhodolov A.P., Rachkov M.P. (2016) K sozdaniyu teorii sredstv massovoi informatsii: postanovka zadachi [On creating the theory of mass media: a problem statement]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Theoretical and practical issues of journalism], 5 (1), pp. 6-13.
12. Zagoskin N.P. (2004) *Istoriya prava Moskovskogo gosudarstva* [A history of the law of the Moscow state]. Kazan: Kazan University.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342

Изменение полномочий органов местного самоуправления в соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом № 136-ФЗ от 27 мая 2014 г.

Коновалюк Оксана Владимировна

Аспирант,
кафедра государственного права,
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
655000, Российская Федерация, Абакан, ул. Ленина, 90;
e-mail: oksya.0592@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу изменений полномочий органов местного самоуправления, определенных принятием Федеральным законом № 136-ФЗ от 27 мая 2014 г. Федеральным законом № 136-ФЗ в законодательство о местном самоуправлении внесены новшества, касающиеся перераспределения полномочий органов власти на местах. В состоянии реформирования находятся компетенции и институты организационных основ местного самоуправления, применяются новые модели формирования структуры органов местного самоуправления, которым в статье дается оценка. Автором делается вывод о том, что правовая политика в сфере организационных основ местного самоуправления приводит к ограничению непосредственной демократии в системе муниципальной власти, новшества в части структурного моделирования органов местного самоуправления, несмотря на их широкое распространение и определенные положительные аспекты, являются не вполне однозначными. В статье анализируются практика формирования органов местного самоуправления в соответствии с новеллами законодательства, нормы в отношении порядка избрания представительных органов районов и округов и глав муниципальных образований. Автором проанализирована модель «сити-менеджер», в соответствии с которой глава муниципального образования избирается представительными органами муниципального образования из своего состава, а не как было ранее – напрямую населением, делается вывод об обоснованности ее внедрения.

Для цитирования в научных исследованиях

Коновалюк О.В. Изменение полномочий органов местного самоуправления в соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом № 136-ФЗ от 27 мая 2014 г. // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 27-35.

Ключевые слова

Местное самоуправление, муниципальное образование, организация местного самоуправления, полномочия, федеральное законодательство.

Введение

Практическая реализация Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) с момента его принятия в 2003 г. выявила ряд проблем. По большей части это было детерминировано тем фактом, что закон неоднократно претерпевал ряд изменений, касающихся практически всех аспектов формирования и организации местного самоуправления. Тем не менее в сложившихся реалиях колоссальное значение местного самоуправления в политико-правовой и народнохозяйственной составляющих жизни российского общества нельзя недооценить, вследствие чего значительно актуализируется выбранная тема исследования.

Изменение полномочий органов местного самоуправления

По мнению В.В. Кудрявцева, большое количество принимаемых изменений и дополнений к вышеуказанному закону может означать, что у законодателя отсутствует четкий вектор правового регулировании обозначенной сферы. Практика муниципального строительства, к сожалению, в определенной степени доказывает справедливость данного тезиса [Кудрявцев, 2015, 72].

Как представляется, с одной стороны, на муниципальном уровне отсутствует подлинное народовластие и формируется бюрократический слой, что приводит к кризису российского муниципального строительства [Авакьян, 2012, 10], а с другой – вовлечение граждан в местное самоуправление в процессе общей демократизации государства имеет огромное значение для всего российского общества [Кудрявцев, 2015, 72]. Так, в русле последнего тезиса можно рассматривать позицию М.А. Краснова, который предполагает, что подлинное привитие демократических основ именно на уровне местного управления представляет собой детерминанту развития и движения по демократическому пути как на региональном, так и на общегосударственном уровне [Краснов, 2017, 6]. В данном контексте становится важным, чтобы на должном уровне осуществлялись процессы вовлечения граждан в инициативы по формированию местной власти и контролю за органами местного самоуправления, что, в свою очередь, будет являться своего рода защитным механизмом, предупреждающим бюрократизацию местного самоуправления [Кудрявцев, 2015, 72].

Президент России В.В. Путин в послании Федеральному Собранию отметил, что местная власть является самой близкой к людям и любой гражданин, образно говоря, должен дотянуться до нее рукой [Послание Президента…, 2013, 2]. Сегодня можно говорить о том, что практическая реализация прав граждан Российской Федерации на принятие участия в процессе формирования органов местного самоуправления должна происходить в рамках определенных механизмов, обеспечивающих именно эту близость местной власти к людям, о которой говорил президент. И для вовлечения людей в создание и развитие местных органов власти в первоочередном порядке необходимо сконцентрировать внимание на том, есть ли для этого в России соответствующие правовые основы.

Обозначенные выше проблемы, безусловно, требуют решения, вследствие чего ряд авторов в качестве наиболее приоритетного направления рассматривает прежде всего нормативно-правовое совершенствование сферы местного самоуправления на всех уровнях власти [Меркулова, 2015, 109]. В связи с этим выглядит логичным то, что на сегодняшний день в России проходит новый виток модернизационных изменений местного самоуправления,

ориентированный на совершенствование системы организации и внедрение новых типов муниципальных образований, перераспределение полномочий и ряда вопросов местного значения, регулирование порядка избрания глав и формирования представительных органов муниципальных образований [Кошкидько, 2016, 219-220]. Как представляется, в обозначенном контексте следует рассмотреть последние тенденции в российском законодательстве, затрагивающие вопросы формирования представительных органов городских округов и территориальной структуры этих муниципальных образований.

Своеобразной точкой отсчета нового витка совершенствования системы организации местного самоуправления стал Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» (далее – Федеральный закон № 136-ФЗ).

Федеральный закон № 136-ФЗ ввел ряд норм, принятие которых повлекло за собой основательное усиление органов государственной власти субъектов Федерации в части, касающейся перераспределения и трансформации объема компетенции органов местного самоуправления, порядка их формирования, дальнейшего фактического лишения органов местного самоуправления самостоятельности [Благов, 2017, 143].

Так, например, законодатель предусмотрел переходный период продолжительностью шесть месяцев, в течение которого региональные власти должны были принять соответствующие законы, предопределяющие порядок формирования органов местного самоуправления. Были прописаны нормы в отношении порядка избрания представительных органов районов и округов и глав муниципальных образований. Также нововведениями определялось, что в последующие три месяца с момента вступления в силу законов субъектов Российской Федерации уставы городских поселений, муниципальных районов и городских округов подлежат приведению в соответствие с требованиями законов субъектов Федерации и Федерального закона № 131-ФЗ. Кроме того, последним также предусматривалось регулирование основных полномочий глав муниципальных образований [Кошкидько, 2016, 220].

Надо отметить, что с принятием Федерального закона № 136-ФЗ большинство субъектов РФ переняли модель «сити-менеджер», в соответствии с которой глава муниципального образования избирается представительными органами муниципального образования из своего состава, а не как было ранее – напрямую населением. В соответствии с данными Ю.В. Благова, из 82 рассматриваемых субъектов Российской Федерации 63 городских округа, являющихся административными центрами соответствующих субъектов (76,6%), применяют модель «сити-менеджер», 18 округов (22,2%) используют «традиционную организационную модель» местного самоуправления, 1 (1,2 %) придерживается организационной модели «избранный мэр и сильный управляющий».

Как уже было отмечено выше, во исполнение Федерального закона № 131-ФЗ муниципальные образования должны привести свои уставы в соответствие с законами своих субъектов Федерации в случае, если они противоречат последним. Как известно, выбор организационной модели местного самоуправления осуществляется законом субъекта РФ и уставом муниципального образования. Соответственно, если устав муниципального образования не может противоречить закону субъекта РФ, то, по сути, организационная модель местного самоуправления для всех муниципальных образований субъекта определяется не столько самостоятельно, сколько этим субъектом. Следует также сказать, что до вступления в

силу Федерального закона № 136-ФЗ выбор организационной модели местного самоуправления находился в компетенции органов местного самоуправления [Благов, 2017, 147].

Некоторые авторы предполагают, что рассматриваемые выше нормы права, предоставляющие субъектам Федерации подобные широкие полномочия в сфере местного самоуправления, идут вразрез с Конституцией РФ и Европейской хартией местного самоуправления. В качестве доводов приводятся такие аспекты, как лишение населения (действующего непосредственно или через органы местного самоуправления) возможности быть вовлеченными в орбиту формирования структуры органов местного самоуправления, осуществляемого посредством собственного самостоятельного выбора. В частности, в ст. 12 Основного закона Российской Федерации сказано, что местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Кроме того, в ст. 131 Конституции России идет речь о том, что структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно. В соответствии же с пп. 2, 3 ст. 4 Европейской хартии местного самоуправления органы местного самоуправления лимитированы установленными правовыми нормами. Тем не менее в рамках своих компетенций и установленных ограничений обладают правом полной свободы выбора в отношении осуществления любых законных действий, направленных на реализацию собственных инициатив. Осуществление публичных полномочий, по общему правилу, должно главным образом возлагаться на органы власти, наиболее тесно взаимодействующие с гражданами. При этом передача каких бы то ни было вопросов в ведение какого-либо другого органа власти должна осуществляться с учетом объема и характерных особенностей конкретной задачи, а также с обязательным предварительным анализом экономии и эффективности от совершаемых преобразований [Там же]. Между тем качество организации и функционирования системы местного самоуправления коррелирует не только с рационализацией, но и с демократизацией механизма управления делами государства и общества [Джагарян, 2013, 45].

Принимая во внимание приведенные выше статические данные, можно с уверенностью заключить, что модель «сити-менеджера» оказалась весьма востребованной, что, например, Е.В. Конышевой оценивается с положительной точки зрения. Так, модель, при которой местной администрацией, в том числе на уровне поселений, руководит не выбранное населением должностное лицо, а назначенный по результатам конкурса муниципальный служащий, для муниципального района и городского округа, выступающих зачастую в роли связующих звеньев между органами государственной власти и низовым уровнем местного самоуправления, является вполне обоснованной и, что самое главное, позволяет наладить успешное функционирование управленческой системы в отсутствие института государственных администраторов на уровне муниципалитета. Тем самым решается еще одна задача – снижение финансовой нагрузки, связанной с ростом численности и дальнейшим содержанием бюрократического аппарата. В частности, подобная модель также способна привести к увеличению числа профессионалов в системе местного самоуправления, что естественным образом должно улучшить ситуацию в части повышения транспарентности и законности деятельности органов местного самоуправления [Конышева, 2015, 116], что особенно актуально в разрезе сложившейся на сегодня практики выявления правонарушений на местах.

Так, итоги прокурорских проверок указывают на наличие большого количества законодательных нарушений, допускаемых должностными лицами и органами местного самоуправления [Там же]. Согласно информации Генеральной прокуратуры России, в первом полугодии 2013 г. в деятельности представительных и исполнительных органов местного самоуправления было установлено приблизительно 730 тысяч нарушений закона, в том числе

около 80 тысяч незаконных нормативных правовых актов. Принесено более 103 тысячи протестов об отмене или изменении правовых актов, внесено свыше 130 тысяч представлений об устранении нарушений закона, причин и условий, им способствующих, в суды предъявлено более 78 тысяч исков, предостережено о недопустимости нарушения закона свыше 13 тысяч должностных лиц. По требованиям прокуроров к дисциплинарной ответственности привлечено около 82 тысяч муниципальных служащих, к административной – более 11 тысяч. В следственные органы направлено 969 материалов прокурорских проверок для решения вопроса об уголовном преследовании, по которым возбуждено 642 уголовных дела [Паламарчук, 2014, 50]. Тем не менее, несмотря на обозначенный выше тезис о повышении законности деятельности органов местного самоуправления, за первое полугодие 2016 г. работниками Прокуратуры РФ было оспорено около 88,5 тысяч региональных и муниципальных нормативно-правовых актов, противоречащих федеральному законодательству [Чернышев, www]. Таким образом, как такового снижения количества нарушений, выявляемых прокурорами, к сожалению, не происходит.

Что же касается низового уровня местного самоуправления, то представляется, что введение в поселениях и внутригородских районах модели «сити-менеджера» вообще может предопределить возникновение условий, при которых возможны нивелирование демократических начал и дискредитация самой сущности местного самоуправления.

Бесспорно, нельзя не понять, что одних только усилий правоохранительных органов в вопросе укрепления законности недостаточно, в связи с чем требуется комплексный подход к использованию имеющегося организационного потенциала с целью наиболее эффективного решения обозначенной проблематики [Конышева, 2015, 116].

Несмотря на тот факт, что модель «сити-менеджера» оказалась весьма востребованной, нельзя назвать данные нововведения абсолютно однозначными с правовой точки зрения, что в некоторой степени подтверждается судебной практикой, которую приведем ниже.

Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. № 3-П было установлено, что ст. 31 Закона Республики Коми «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» не соответствует ст.ст. 12, 130 и 132 Конституции России. Обозначенный закон Республики Коми определял порядок, в соответствии с которым местные администрации исполняют функции государственного управления в качестве органов общей компетенции, включаются в структуру системы исполнительной власти и образуются Главой Республики Коми. Конституционный Суд России счел необходимым указать на то, что должны быть приняты меры по отмене республиканских законов, определяющих структуру органов местного самоуправления, общую схему органов местного самоуправления, поскольку это идет вразрез с ч. 1 ст. 131 российской Конституции. В Постановлении от 30 октября 2000 г. № 15-П13 Конституционный Суд Российской Федерации еще раз указал, что вопрос установления и осуществления структурных преобразований органов местного самоуправления в силу существования ст.ст. 130, 131 Конституции РФ является прерогативой местного самоуправления. Соответственно, решать подобные вопросы могут именно органы местного самоуправления или население непосредственно, но отнюдь не органы государственной власти. Постановлением Конституционного Суда от 18 мая 2011 г. № 9-П14 установлено, что законодательное регулирование в сфере определения структуры органов местного самоуправления должно отвечать ряду критериев: быть по возможности гибким, а также гарантировать местным сообществам реальную и законную возможность (в установленных действующим законодательством пределах) самостоятельно определять конкретные

требования, касающиеся организации и осуществления местного самоуправления на территории соответствующей рассматриваемому населенному пункту, которые, принимая во внимание исторические и иные местные традиции и обычаи, одновременно позволяли бы эффективно и рационально разрешать проблемные вопросы местного значения в интересах большинства населения [Благов, 2017, 148].

Следовательно, анализируемый подход к выбору организационных моделей местного самоуправления в какой-то мере противоречит действующим правовым позициям, высказанным Конституционным Судом Российской Федерации.

В соответствии с заданной проблематикой следует отметить, что в условиях существования действующей правовой парадигмы еще одним законодательным актом, закрепившим организационные модели местного самоуправления, стал Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 8-ФЗ «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» (далее – Федеральный закон № 8-ФЗ), согласно которому одна модель местного самоуправления (модель «лидер – кабинет») предполагает избрание главы муниципального образования представительным органом муниципального образования из своего состава (он же возглавляет местную администрацию). Другая же модель (модель «совет – комиссия») предполагает, что глава муниципального образования выбирается из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. При этом избрание осуществляется представительным органом, а глава муниципального образования возглавляет местную администрацию.

Из 82 субъектов России, подвергнутых анализу, лишь 5 городских округов, представляющих собой административные центры соответствующих субъектов Российской Федерации (6,2%), избрали для себя организационную модель местного самоуправления «лидер – кабинет», а 33 (40,4%) приняли модель «совет – комиссия» [Там же].

Итак, автор статьи разделяет позицию В.И. Васильева в части того, что содержание Федеральных законов № 136-ФЗ и № 8-ФЗ и практика их применения в ряде субъектов Федерации позволяют предположить наличие некоторой закономерности относительно выхолащивания демократической сущности местного самоуправления как территориальной самоорганизации населения для решения вопросов местной жизни. Объясняется данное предположение тем фактом, что данные законы предусматривают возможность отмены прямых выборов муниципальных органов власти. А так как избирательный процесс ассоциируется с имманентным признаком любого демократического государства, то и урезание, и подобное лимитирование этого процесса обозначают ограничение демократических оснований государственного устройства.

В данном ключе, безусловно, речь идет о таких демократических выборах, которые гарантируют гражданам возможность отдавать свои голоса за тех кандидатов, которым они доверяют и которые способны защищать и отстаивать их интересы, оставаясь при этом в условиях честной деловой конкуренции кандидатов, отсутствия непорядочных технологий борьбы и административного давления властей [Васильев, 2015, 153].

По мнению В.И. Васильева, таких выборов у нас пока нет, и именно по этой причине нельзя не принять точку зрения тех граждан, кто замечает нарушения и несовершенство наших избирательных кампаний, зачастую приводящих к победе кандидатов, не готовых к исполнению все более усложняющихся муниципальных функций, что особенно нежелательно в

современных реалиях. Собственно говоря, данные предпосылки и являются одним из главных аргументом сторонников отказа от прямых выборов муниципальных органов. Тем не менее сводить все к тому, что выборы далеко не всегда обеспечивают приход к власти на местах способных, деятельных и честных людей [Информационный бюллетень…, 2014, № 31; Информационный бюллетень…, 2014, № 33], обосновывая этим необходимость ограничения или даже отказа от прямых выборов, некорректно [Васильев, 2015, 153].

Основной вектор усилий государственных органов, представителей наиболее значимых политических партий и иных общественных объединений при решении обозначенного вопроса необходимо нацелить не на отмену демократического избирательного процесса, а на борьбу с его недостатками, при этом не лишая избирателей права на ошибку, ибо никогда не ошибается только тот, кто ничего не делает [Там же].

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что анализируемые выше последние изменения в законодательстве Российской Федерации, предполагающие новшества в части структурного моделирования органов местного самоуправления, несмотря на их широкое распространение и определенные положительные аспекты, являются не вполне однозначно оцениваемыми в среде специалистов в сфере права. В связи с этим российское гражданское общество должно консолидироваться и сконцентрироваться именно на выявлении лучших практик формирования органов местного самоуправления с целью последующей передачи соответствующих сигналов законодателю в отношении корректировки всей системы, дабы произошло масштабирование именно этих практик и были максимально выведены за рамки правового поля все существующие на сегодняшний день недостатки.

Библиография

1. Авакьян С.А. Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3. С. 5-12.
2. Благов Ю.В. Эволюция муниципального права в 2014-2016 гг. // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 2. С. 141-154.
3. Васильев В.И. Местное самоуправление на пути централизации и сокращения выборности // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 149-161.
4. Джагарян Н.В. Институт отзыва выборных лиц в системе демократического контроля и ответственности местного самоуправления: отдельные вопросы теории // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 45-49.
5. Зейнутдинов М.Н. Формы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в субъекте Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. № 4 (79). С. 1-6.
6. Информационный бюллетень местного самоуправления. 2014. № 31.
7. Информационный бюллетень местного самоуправления. 2014. № 33.
8. Конышева Е.Г. Местное самоуправление и государственная администрация: старые проблемы, новые решения // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). С. 114-118.
9. Кошкидько В.Г. Изменение системы организации органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом № 136-ФЗ // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 57. С. 219-233.
10. Краснов М.А. Введение в муниципальное право. М.: Институт государства и права РАН, 2017. 16 с.
11. Кудрявцев В.В. О некоторых тенденциях и новациях в правовом регулировании местного самоуправления в России // Марийский юридический вестник. 2015. № 1 (12). С. 72-75.
12. Меркулова К.Г. Институциональная организация органов местного самоуправления в условиях муниципальной реформы // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 4. С. 108-113.
13. Паламарчук А.В. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства.

М.: Академия Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, 2014. 328 с.
14. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 2013. 13 декабря. С. 2-4.
15. Чернышев П. Регионы тратят как умеют. URL: https://www.gazeta.ru/business/realty/2016/10/05_a_10232171.shtml

Changing the powers of local authorities in accordance with the changes made by Federal Law No. 136-FZ of May 27, 2014

Oksana V. Konovalyuk

Postgraduate,
Department of state law,
Katanov State University of Khakassia,
655000, 90 Lenina st., Abakan, Russian Federation;
e-mail: oksya.0592@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of changes in the powers of local authorities, defined by the adoption of Federal Law No. 136 of May 27, 2014. This federal law introduced innovations in the legislation on local self-government concerning the redistribution of the powers of local authorities. Competences and institutions of the organisational fundamentals of local self-government are being reformed, new models of the formation of the structure of local authorities are being used. The author concludes that the legal policy in the sphere of organisational fundamentals of local self-government leads to limitations to direct democracy in the system of municipal power, innovations, insofar as structural modelling of local authorities is concerned, despite their wide distribution and certain positive aspects, are viewed as quite unambiguous. The article analyses the practice of the formation of local authorities in accordance with the legislative innovations, the norms governing the procedure for electing representative bodies of regions and districts and heads of municipalities. The author analyses the model "city manager", according to which heads of municipalities are elected by representative bodies of municipalities from their members, not as it was before – directly by the population. The article points out the validity of its implementation.

For citation

Konovalyuk O.V. (2018) Izmenenie polnomochii organov mestnogo samoupravleniya v sootvetstvii s izmeneniyami, vnesennymi Federal'nym zakonom № 136-FZ ot 27 maya 2014 g. [Changing the powers of local authorities in accordance with the changes made by Federal Law No. 136-FZ of May 27, 2014]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 27-35.

Keywords

Local self-government, municipality, organisation of local self-government, powers, federal legislation.

References

1. Avak'yan S.A. (2012) Sovremennye problemy konstitutsionnogo i munitsipal'nogo stroitel'stva v Rossii [Modern problems of constitutional and municipal construction in Russia]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 3, pp. 5-12.
2. Blagov Yu.V. (2017) Evolyutsiya munitsipal'nogo prava v 2014-2016 gg. [The evolution of municipal law in 2014-2016]. *Pravoprimenenie* [Law enforcement], 1 (2), pp. 141-154.
3. Chernyshev P. *Regiony tratyat kak umeyut* [Regions spend as they can]. Available at: https://www.gazeta.ru/business/realty/2016/10/05_a_10232171.shtml [Accessed 24/03/18].
4. Dzhagaryan N.V. (2013) Institut otzyva vybornykh lits v sisteme demokraticheskogo kontrolya i otvetstvennosti mestnogo samoupravleniya: otdel'nye voprosy teorii [The institution of recalling elected officials in the system of democratic control and responsibility of local self-government: some issues of the theory]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 6, pp. 45-49.
5. *Informatsionnyi byulleten' mestnogo samoupravleniya* [Newsletter of local self-government] (2014), 31.
6. *Informatsionnyi byulleten' mestnogo samoupravleniya* [Newsletter of local self-government] (2014), 33.
7. Konysheva E.G. (2015) Mestnoe samoupravlenie i gosudarstvennaya administratsiya: starye problemy, novye resheniya [Local self-government and public administration: old problems, new solutions]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Topical problems of Russian law], 4 (53), pp. 114-118.
8. Koshkid'ko V.G. (2016) Izmenenie sistemy organizatsii organov mestnogo samoupravleniya v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii v sootvetstvii s Federal'nym zakonom № 136-FZ [Changes in the system of local authorities in the constituent entities of the Russian Federation in accordance with Federal Law No. 136-FZ]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [E-journal. Public administration], 57, pp. 219-233.
9. Krasnov M.A. (2017) *Vvedenie v munitsipal'noe pravo* [An introduction to municipal law]. Moscow: Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences.
10. Kudryavtsev V.V. (2015) O nekotorykh tendentsiyakh i novatsiyakh v pravovom regulirovanii mestnogo samoupravleniya v Rossii [On some trends and innovations in the legal regulation of local self-government in Russia]. *Mariiskii yuridicheskii vestnik* [Mari law bulletin], 1 (12), pp. 72-75.
11. Merkulova K.G. (2015) Institutsional'naya organizatsiya organov mestnogo samoupravleniya v usloviyakh munitsipal'noi reformy [Institutional organisation of local authorities in the context of the municipal reform]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian journal of social sciences], 10 (4), pp. 108-113.
12. Palamarchuk A.V. (2014) *Aktual'nye voprosy prokurorskogo nadzora za ispolneniem federal'nogo zakonodatel'stva* [Topical issues of public prosecutors' supervision over the execution of federal legislation]. Moscow: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.
13. Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu [Presidential address to the Federal Assembly of the Russian Federation] (2013). *Rossiiskaya gazeta* [Russian gazette], 13th Dec., pp. 2-4.
14. Vasil'ev V.I. (2015) Mestnoe samoupravlenie na puti tsentralizatsii i sokrashcheniya vybornosti [Local self-government on the way to centralisation and reducing electivity]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 9, pp. 149-161.
15. Zeinutdinov M.N. (2013) Formy vzaimodeistviya organov gosudarstvennoi vlasti i organov mestnogo samoupravleniya v sub"ekte Rossiiskoi Federatsii [Forms of the interaction between public authorities and local authorities in the constituent entities of the Russian Federation]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volzhsky University after V.N. Tatischev], 4 (79), pp. 1-6.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341

Международная деятельность субъектов Российской Федерации и участие в ней региональных парламентов

Анисимова Екатерина Александровна

Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,
Северо-Западный институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
160001, Российская Федерация, Вологда, ул. Мира, 32;
e-mail: piskunyara@inbox.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются правовые основы международной деятельности субъектов Российской Федерации, оценивается правовое закрепление международной функции региональных парламентов на федеральном и региональном уровне. Целями данной научной работы являются анализ теоретических положений и норм законодательства о международной деятельности субъектов РФ и их корректировка. Достижение целей предполагается через обобщение научной литературы по избранной теме и анализ нормативных актов. Для этого автором используются некоторые методы теоретического уровня научного познания: формально-юридический, аналитический, статистический, а также методы синтеза, индукции и т. д. На основе представленной информации автором обозначаются основные проблемные вопросы теории, правового регулирования и практики реализации международной деятельности субъектов РФ, а также участия в данной деятельности региональных парламентов. Научная работа будет полезна как теоретическим, так и практическим работникам, чья деятельность связана с конституционным, парламентским правом; также она может быть использована для проведения дальнейших научных разработок и исследований, в том числе студенческих.

Для цитирования в научных исследованиях

Анисимова Е.А. Международная деятельность субъектов Российской Федерации и участие в ней региональных парламентов // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 36-43.

Ключевые слова

Законодательный орган государственной власти субъекта РФ, представительный орган государственной власти субъекта РФ, международная функция парламента, международная деятельность субъекта РФ, международное право.

Введение

Наиболее сложной формой территориальной организации государства является федеративная, в которой производится распределение вопросов ведения и полномочий между двумя уровнями публичной власти. При этом в зависимости от вида федеративного государства, истории развития федерализма, национального состава и других факторов такое разделение сфер публичной деятельности не может не вызывать ряд вопросов. В Российской Федерации эти вопросы остаются одними из самых актуальных в сфере государственного строительства. Однако в данном исследовании мы предпримем попытку рассмотреть вопрос организации только международной деятельности федерации и ее субъектов со стороны участия в подобной деятельности региональных парламентов.

Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации, равно как и Федеральное Собрание РФ, являются необходимым элементом системы разделения властей и характеризуют российское государство как правовое. Такая конструкция публичной власти предполагает наличие определенного функционала парламентских органов – выделение законодательной, представительной и контрольной функций. Более широкая трактовка данного перечня включает еще две позиции – бюджетную (налоговую) и международную функции. Можно предположить, что перечисление этих функций после основных продиктовано лишь законодательной формой их реализации, а именно принятием парламентом специальных законов во исполнение этих функций, например, Бюджетного или Налогового кодексов или федеральных законов о ратификации международных договоров, что в широком смысле является особой формой законодательной функции. В данной статье мы сосредоточимся лишь на международной функции региональных парламентов.

Международная деятельность субъектов Российской Федерации

Что касается правового оформления международной деятельности российских субъектов, то основным актом является Конституция Российской Федерации, ст.ст. 71, 72 которой закладывают следующую модель разграничения вопросов ведения в данной сфере: за Российской Федерацией остается решение вопросов внешней политики, в том числе вопросов войны и мира, безопасности, статуса и защиты государственной границы, территориального моря, воздушного пространства, исключительной экономической зоны и континентального шельфа, внешнеэкономических отношений РФ и заключение международных договоров от имени государства (см. пп. «к», «л», «м», «н» ч. 1 ст. 71 Конституции Российской Федерации), тогда как в кооперативном ведении РФ и субъектов находятся лишь координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации. Не идет речь в Конституции о других сферах международных отношений – культурной, экологической и т.д.

Иными словами, федерация оставляет за собой все вопросы политической международной активности, из чего, при всей спорности теории суверенитета, и складывается внешний суверенитет. Такая позиция основана на классическом понимании субъектов международного права, в соответствии с которым основным субъектом международного права является государство как суверенное образование [Бекяшев, 2015, 74].

В целом разделяя такую позицию, нельзя не задать ряд вопросов, в частности, как быть с

примененным Конституцией РФ наименованием республик в составе РФ – «государство» (см ч. 2 ст. 5 Конституции Российской Федерации); рассматривая тенденцию расширения перечня субъектов международного права, стоит решить, возможно ли считать субъекты РФ субъектами международного права и как быть с историческим примером СССР, Конституция которого иным образом определяла статус субъектов, при котором союзная республика имела право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций (см. ст. 80 Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик 1977 г.). На данном этапе развития российской государственности эти вопросы пока остаются без ответа.

Конституция в отношении международной деятельности субъектов РФ условно выделяет два направления: координацию международных и внешнеэкономических связей субъектов и выполнение субъектами международных договоров, заключенных Российской Федерацией. Продолжением конституционного регулирования соответственно являются два специальных закона: «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ» и «О международных договорах РФ».

Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ» определяет права субъектов РФ на осуществление международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальных образований иностранных унитарных государств с согласия Правительства РФ с органами государственной власти иностранных государств, а также на участие в деятельности международных организаций в рамках органов, созданных для этой цели.

Реализуя свои права, регионы России имеют возможность вести переговоры и заключать соглашения об осуществлении связей, однако осуществление всех этих действий производится под контролем уполномоченных федеральных органов. Кроме того, закон предусматривает возможность субъектов РФ открывать представительства за рубежом.

Практика показывает, что все субъекты РФ пользуются предоставленными законом правами, о чем свидетельствуют 683 соглашения, зарегистрированные Министерством юстиции Российской Федерации. Проведенный анализ зарегистрированных соглашений позволяет сделать следующий вывод: соглашения субъектов РФ в целом носят характер «деклараций о намерениях» и не порождают конкретных юридических последствий, что говорит об их исключительно политической значимости для регионов. Конкретные обязательства стороны предусмотрены лишь в части транспортного сопровождения (см. Соглашение об установлении прямых партнерских отношений и торгово-экономическом и культурном сотрудничестве между областью Вестманланд, Швеция, и Вологодской областью, Россия, от 10 апреля 2001 г.) или информационного обеспечения соглашения.

В научной среде актуальным вопросом остается определение статуса подобных соглашений [Бакирова, 2005, 123; Игнатенко, 1995, 9; Казанцев, 2007, 29], так как закон отказывает этим соглашениям в статусе международного договора. Вероятно, такая ситуация складывается в результате того, что регионы не являются самостоятельными субъектами международного права, о чем уже было сказано выше. Несмотря на указание закона, не становится понятней, чем же тогда являются соглашения. Представляется, что отсутствие статуса международного договора и вовсе лишает эти соглашения юридической силы, оставляя за ними лишь политическую силу, что в таком случае во многом делает международную деятельность

субъектов Российской Федерации с юридической точки зрения номинальной, хотя экономический эффект, несомненно, заключением соглашений может достигаться.

Логичным продолжением заключения соглашения является открытие представительства субъекта РФ на территории иностранного государства. Определенным фаворитом в данном направлении является Республика Татарстан, имеющая порядка 13 представительств в зарубежных странах [Официальный Татарстан, www]. Закон последовательно отказывает представительствам субъектов в статусе дипломатического представительства государства, при этом не определяя их качество. С одной стороны, федеральный законодатель усмотрел необходимость требований к гражданству лиц, возглавляющих представительство, что роднит их с органами государственной власти и, соответственно, осуществлением государственной гражданской службы субъектов (Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ»), с другой стороны, большинство имеющихся представительств являются учреждениями [Губейдуллин, 2014, 132].

Второе направление международной деятельности субъектов РФ – выполнение международных договоров РФ. По этому поводу Федеральный закон «О международных договорах РФ» имеет всего лишь одну норму ч. 3 ст. 32, которая предусматривает, что органы государственной власти соответствующих субъектов Российской Федерации обеспечивают в пределах своих полномочий выполнение международных договоров Российской Федерации.

Все изложенные выше виды международной деятельности субъектов Российской Федерации, исходя из анализа нормативных актов федерального уровня, а также непосредственно практики заключения соглашений, являются прерогативой *исполнительной* власти регионов и федеральных органов исполнительной власти. Попробуем разобраться, какое же место в международной деятельности субъектов Российской Федерации занимают законодательные (представительные) органы государственной власти региона на практике.

Как уже отмечалось, одной из дополнительных функций парламента является международная, наличие которой позволяет соблюсти баланс разделения властей, избежать узурпации власти во внешней политике, а также легитимировать международные соглашения государства, обеспечить поддержку населения. Так, большинство парламентов мира участвуют в ратификации международных договоров своих государств. Не является исключением и Российская Федерация, где подлежат ратификации в форме федерального закона международные договоры РФ, исполнение которых влечет изменение действующего законодательства, которое затрагивает права и свободы человека и гражданина, касается территории РФ, затрагивает обороноспособность государства, а также договоры об участии в различных межгосударственных и международных объединениях. Таким образом, принятие федерального закона о ратификации или денонсации международного договора является необходимым условием для реального исполнения договоров по важнейшим вопросам. Президент и исполнительная власть для осуществления внешней политики должны сотрудничать с властью законодательной.

Кроме участия в процессе заключения и вступления в силу международных договоров, можно выявить и другие незаконодательные формы реализации Федеральным Собранием РФ международной функции. В частности, п. «г» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ оставляет за Советом Федерации решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации.

Высказываясь в поддержку точки зрения о парламентском статусе законодательных

(представительных) органов российских регионов [Пискунова, Понятие и функции…, 2016; Пискунова, Становление и развитие…, 2016; Пискунова, 2017], нельзя не признать наличие диспропорции в системе разделение властей на уровне регионов в этой части. Рамочный Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», а вслед за ним и конституции и уставы субъектов не содержат норм о каком-либо участии региональных парламентов в процессе заключения соглашений о международной и внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации. Напротив, федеральный закон прямо указывает на осуществление данных действий высшим должностным лицом субъекта РФ, которое возглавляет исполнительную власть в регионе, что, в свою очередь, доказывает высказанную позицию об исключительно политическом значении соглашений субъекта РФ.

Таким образом, единственной возможной формой участия региональных парламентов в международной деятельности являются их контакты с международными организациями и парламентскими объединениями, что опять же носит исключительно политический, нежели юридический характер.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует отметить, что действующая правовая регламентация осуществления субъектами Российской Федерации международной деятельности носит противоречивый характер. Роль регионов страны при таком регулировании сводится к установлению связей с автономиями суверенных государств, которые, во-первых, контролируются и сопровождаются федеральными органами, а во-вторых, не порождают конкретных юридических последствий. Представляется, что для развития подлинного федерализма в России необходимо расширять юридические возможности регионов, возможно и с использованием практики зарубежных федеративных государств. Кроме того, при корректировке законодательства о международной деятельности регионов законодателю предлагается учесть также и недооценку роли парламентов субъектов РФ в практике заключения соглашений регионов с иностранными государственно-подобными образованиями. Для достижения реального разделения власти участие парламентов в подобной деятельности необходимо.

Библиография

1. Бакирова Г.Я. Особенности статуса республик в Российской Федерации и проблемы координации их международной деятельности // Вестник ТИСБИ. 2005. № 4. Т. 1. С. 123-126.
2. Бекяшев К.А. (отв. ред.) Международное право. М.: Проспект, 2015. 352 с.
3. Губейдуллин Р.Х. Зарубежные представительства субъектов РФ, их участие в реализации соглашений с иностранными партнерами // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 3. С. 132-134.
4. Игнатенко Г.В. Международно-правовой статус субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. 1995. № 1. С. 9-13.
5. Казанцев М.Ф. Международные договоры (соглашения) субъектов РФ: конституционно-правовая основа, понятие, виды // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18. С. 29-32.
6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята ВС СССР 07.10.1977 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
8. Нормативные правовые акты в Российской Федерации. URL: http://pravo.minjust.ru/

9. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 04.01.1999 № 4-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 02.12.1998 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 2.
10. О международных договорах Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 16.06.1995. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/
11. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 15.07.2016): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.09.1999. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/
12. Официальный Татарстан. URL: http://tatarstan.ru
13. Пискунова Е.А. Законодательный процесс в субъектах Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2017. 160 с.
14. Пискунова Е.А. Понятие и функции законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации // Черные дыры в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 27-30.
15. Пискунова Е.А. Становление и развитие законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 9. С. 73-76.
16. Соглашение об установлении прямых партнерских отношений и торгово-экономическом и культурном сотрудничестве между областью Вестманланд, Швеция, и Вологодской областью, Россия, от 10.04.2001. URL: http://zakon-region2.ru/1/40752/

International activities of the constituent entities of the Russian Federation and the participation of regional parliaments in these activities

Ekaterina A. Anisimova

PhD in Law,
Senior Lecturer at the Department of state legal disciplines,
North-West Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University,
160001, 32 Mira st., Vologda, Russian Federation;
e-mail: piskunyara@inbox.ru

Abstract

The article aims to study the legal fundamentals of the international activities of the constituent entities of the Russian Federation and assess the legal consolidation of the international function of regional parliaments at the federal and regional levels. The objectives of this research are analysis of the theoretical provisions and norms of the legislation on the international activities of the constituent entities of the Russian Federation and their adjustment. The objectives are expected to be achieved through the generalisation of scientific literature on the chosen topic and analysis of normative acts. The author of the article uses some methods of the theoretical level of scientific knowledge: formal legal, analytical, statistical methods, as well as synthesis, induction, etc. The author analyses the information in order to identify the main problematic issues of theory, the legal regulation and practice of the international activities of the constituent entities of the Russian Federation, as well as the participation of regional parliaments in this activity. The article points out that the results of the research will be useful for theoretical and practical workers, whose activities are related to constitutional and parliamentary law; it can also be used for further research and development, including research conducted by students.

For citation

Anisimova E.A. (2018) Mezhdunarodnaya deyatel'nost' sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i uchastie v nei regional'nykh parlamentov [International activities of the constituent entities of the Russian Federation and the participation of regional parliaments in these activities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 36-43.

Keywords

Legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation, representative bodies of the constituent entities of the Russian Federation, international function of the parliament, international activities of the constituent entities of the Russian Federation, international law.

References

17. Bakirova G.Ya. (2005) Osobennosti statusa respublik v Rossiiskoi Federatsii i problemy koordinatsii ikh mezhdunarodnoi deyatel'nosti [The features of the status of republics in the Russian Federation and the problems of coordinating their international activities]. *Vestnik TISBI* [Bulletin of the TISBI University], 4 (1), pp. 123-126.
18. Bekyashev K.A. (ed.) (2015) *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Moscow: Prospekt Publ.
19. Gubeidullin R.Kh. (2014) Zarubezhnye predstavitel'stva sub"ektov RF, ikh uchastie v realizatsii soglashenii s inostrannymi partnerami [Foreign representative offices of the Russian Federation, their participation in the implementation of agreements with foreign partners]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of economics, law and sociology], 3, pp. 132-134.
20. Ignatenko G.V. (1995) Mezhdunarodno-pravovoi status sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [The international legal status of the constituent entities of the Russian Federation]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian juridical journal], 1, pp. 9-13.
21. Kazantsev M.F. (2007) Mezhdunarodnye dogovory (soglasheniya) sub"ektov RF: konstitutsionno-pravovaya osnova, ponyatie, vidy [International treaties (agreements) of the constituent entities of the Russian Federation: constitutional and legal frameworks, the definition, types]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 18, pp. 29-32.
22. Konstitutsiya (Osnovnoi Zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: prinyata VS SSSR 07.10.1977 [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted by the Supreme Soviet of the USSR on October 7, 1977] (1977). *Vedomosti VS SSSR (St. 617)* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 41.
23. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993* [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ [Accessed 06/03/18].
24. *Normativnye pravovye akty v Rossiiskoi Federatsii* [Normative legal acts in the Russian Federation]. Available at: http://pravo.minjust.ru/ [Accessed 06/03/18].
25. O koordinatsii mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskikh svyazei sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 04.01.1999 № 4-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 02.12.1998 [On the coordination of the international and foreign economic relations of the constituent entities of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 4-FZ of January 4, 1999] (1999). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected legislation of the Russian Federation], 2.
26. *O mezhdunarodnykh dogovorakh Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 15.07.1995 № 101-FZ (red. ot 12.03.2014): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 16.06.1995* [On international treaties of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 101-FZ of July 15, 1995 (as amended on March 12, 2014)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ [Accessed 06/03/18].
27. *Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 06.10.1999 № 184-FZ (red. ot 15.07.2016): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.09.1999* [On the general principles of the organisation of legislative (representative) and executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 184-FZ of October 6, 1999 (as amended on July 15, 2016)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ [Accessed 06/03/18].
28. *Ofitsial'nyi Tatarstan* [Official Tatarstan]. Available at: http://tatarstan.ru [Accessed 06/03/18].
29. Piskunova E.A. (2016) Ponyatie i funktsii zakonodatel'nogo (predstavitel'nogo) organa gosudarstvennoi vlasti sub"ekta Rossiiskoi Federatsii [The concept and functions of legislative (representative) body of the constituent entities of the

Russian Federation]. *Chernye dyry v rossiiskom zakonodatel'stve* [Black holes in Russian legislation], 5, pp. 27-30.
30. Piskunova E.A. (2016) Stanovlenie i razvitie zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [The formation and development of legislative (representative) bodies of the constituent entities of the Russian Federation]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo* [Modern science: topical problems of theory and practice. Series: Economics and law], 9, pp. 73-76.
31. Piskunova E.A. (2017) *Zakonodatel'nyi protsess v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii* [The legislative process in the constituent entities of the Russian Federation]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ.
32. *Soglashenie ob ustanovlenii pryamykh partnerskikh otnoshenii i torgovo-ekonomicheskom i kul'turnom sotrudnichestve mezhdu oblast'yu Vestmanland, Shvetsiya, i Vologodskoi oblast'yu, Rossiya, ot 10.04.2001* [The agreement on the establishment of direct partnership relations and trade and cultural cooperation between the Westmanland region, Sweden, and the Vologda region, Russia, signed on April 10, 2001]. Available at: http://zakon-region2.ru/1/40752/ [Accessed 06/03/18].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347

Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом

Цуканова Елена Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: tsukanova@bsu.edu.ru

Скопенко Олег Романович

Студент,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: skopenko.oleg@yandex.ru

Аннотация

Развитие искусственного интеллекта, широкое применение автономных аппаратов приводят к появлению проблем технического и этического характера, в том числе актуальной становится проблема правового регулирования отношений робот – человек и робот – робот. В статье представлен обзор современного состояния робототехники с искусственным интеллектом с точки зрения правовых аспектов ответственности за причинение вреда действиями интеллектуальных машин. Рассмотрены реальные ситуации причинения вреда человеку роботом с искусственным интеллектом и ситуации, с которыми человек может столкнуться в будущем. Среди лиц, ответственных за причинение ущерба, предлагается выделить следующие лица: изобретатель, инженер-программист, производитель, владелец/пользователь, третьи лица. Проведенный анализ общего состояния проблемы показывает, что необходимо уделить должное внимание разработке вопросов юридической терминологии робото-права, правам, обязанностям и ответственности участников ситуаций с использованием интеллектуальных машин. Необходимо разработать программы профессиональной переподготовки и психологической адаптации кадров, чьи рабочие места могут быть полностью автоматизированы, а также внести изменения в систему образования и модернизации ряда смежных областей и направлений в связи с внедрением машин и искусственного интеллекта в экономику страны. Важно найти разумный баланс между новыми технологиями и старыми конструкциями традиционного права, оставив место и для изменений в будущем.

Для цитирования в научных исследованиях

Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 44-50.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, роботы с искусственным интеллектом, гражданско-правовая ответственность, ответственность за третьих лиц, обязательства.

Введение

Роботы и искусственный интеллект постепенно проникают в жизнь современного человека. Эта сфера современных и перспективных технологий нашла особое развитие за рубежом. Например, первые самоуправляемые автомобили ездят по дорогам Калифорнии. Самоуправляемые автобусы передвигаются по дорогам Швейцарии, Голландии, Греции, Китая и т. д.

Что касается законодательной базы, то на сегодняшний день в законах и подзаконных актах ряда зарубежных стран, в частности США, Японии, Китае, Южной Кореи, Великобритании, в отношении робототехники и искусственного интеллекта делается акцент в основном на разработку и производство искусственного интеллекта, на получение прибыли. Так, например, принятый в Корее в 2008 г. закон «О содействии развитию и распространению умных роботов» позволил поднять их производство к 2016 г. на 80% и принес стране 4 млрд долларов.

На второй план уходят вопросы правового регулирования контроля применения искусственного интеллекта, правовой ответственности в случае причинения вреда человеку роботом. В мировой практике использования роботов с искусственным интеллектом наблюдается достаточное число прецедентов, показывающих опасность, которую они несут в себе. В 1997 г. почтовый робот совершил наезд на ногу женщины и затем закрыл дверь шкафа, оставив ее запертой внутри. В мае 2014 г. в Ганновере на 44-летнее лицо рухнула стальная балка, которую отпустил робот.

Без сомнения, в будущем умные роботы будут окружать людей повсюду, смогут не только управлять полетом или выигрывать в шахматы, но и принимать решения, станут настоящей электронной личностью. В связи с этим возникнет немало потенциально опасных для человека ситуаций с участием роботов, где должны быть определены конкретные виновники.

Поэтому особую актуальность приобретают следующие вопросы: «Какими правами будет обладать такой интеллект? Нужен ли ему паспорт? Кто будет нести ответственность в случае причинения вреда роботом с искусственным интеллектом и в каком виде?».

Правовая ответственность за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом

Первым шагом к решению указанных проблем стало принятие в феврале 2017 г. Европарламентом резолюции «Нормы гражданского права о робототехнике». Она предполагает внедрение общеевропейской системы регистрации умных машин, т. е. роботам будет присваиваться индивидуальный регистрационный номер с занесением в специальный реестр. По этому номеру можно будет идентифицировать робота, включая данные о производителе, владельце и условиях выплаты компенсации в случае причинения вреда. Для поддержания системы учета и контроля роботов планируется создание специализированного агентства по робототехнике и искусственному интеллекту.

Кроме того, принятая резолюция предполагает введение страхования ответственности за причиненный роботом вред. Такое обязательное страхование рисков позволит пострадавшему

гарантированно получить компенсацию, а в случаях, которые не покрываются страховкой, может быть использован резервный компенсационный фонд.

В качестве приложения к резолюции предлагается создать кодекс этики, основными принципами которого будут принцип самостоятельности и принцип справедливости. Добровольное информированное согласие человека на взаимодействие с роботом подразумевает принцип самостоятельности, а принцип справедливости заключается в правильном распределении созданных при этом благ.

Вопрос о том, должны ли в перспективе самые совершенные автономные роботы получить особый правовой статус электронных лиц – «с их особыми правами и обязанностями, включая обязанность возмещения любого причиненного ими вреда», остается открытым.

Если говорить о современном состоянии законодательства Российской Федерации в сфере искусственного интеллекта, то на сегодняшний день оно не может быть признано удовлетворительным. Обращение к системе «Консультант+» показывает, что слова «робот» и «робототехника» упоминаются лишь в нескольких законодательных актах, например в указе таможенной службы и приказе Минобразования об утверждении стандартов образования. Кроме того, ситуацию с разработкой робото-права осложняет отсутствие юридической терминологии в этой сфере. Понятие «искусственный интеллект» также нуждается в формализации.

Не стоит отрицать, что в России есть ряд законов по поддержке IT-сектора, действуют налоговые льготы. Так, например, в конце 2017 г. Госдума приняла закон, по которому IT-компании будут до 2023 г. платить сниженные до 14% страховые взносы. Но все эти законы касаются финансовой стороны вопроса, развития цифровой экономики, не затрагивая вопросы правового регулирования ответственности роботов с искусственным интеллектом. Между тем реальных и потенциальных ситуаций с участием роботов, опасных для человека, где должны быть определены конкретные виновники, уже насчитывается немало. Одной из таких является ситуация с дроном, о которой рассказал руководитель центра компетенций CURPAS Уве Майнберг из Германии. Предположительно, если дрон выронит свой груз и тот упадет не на землю, а на голову человека, кто будет виноват?

В связи с появлением в недалеком будущем на наших дорогах автомобилей-беспилотников, подобных ситуаций прогнозируется еще больше. В этом случае правомерны следующие вопросы: «Кто должен будет признан виновным в аварии, произошедшей на дороге? Как должен поступать в такой ситуации робот? Какие моральные и правовые нормы должны быть положены в основу принимаемых им решений?».

Не стоит забывать, что робот не является человеком. Он не может принимать решения спонтанно. Глупо думать, что даже самый «суперинтеллигентный» и «суперумный» искусственный интеллект проявит человеческие эмоции. Нет никаких оснований ожидать, что он станет преднамеренно доброжелательным или злонамеренным. Робот с искусственным интеллектом может поступить только так, как будет заложено в него программой, т. е. этические и правовые нормы, согласно которым он будет действовать в той или иной ситуации, прямым образом зависят от целей и задач его создателей. Таким образом, искусственный интеллект может нести в себе как созидательную, так и разрушительную силу. С одной стороны, система искусственного интеллекта может стать автономным оружием, которое может привести к массовым жертвам. С другой стороны, искусственный интеллект может способствовать прогрессу науки и техники в разных областях жизни современного человека.

В связи с этим дискуссионным остается вопрос «Может ли робот быть признан субъектом права?». С одной точки зрения, робот не может быть признан правовым субъектом. В этом

случае наиболее оптимальным юридически предполагается определение робота как автономной системы, существующей в физическом мире, способной его воспринимать и воздействовать на него для достижения определенных целей.

Другую точку зрения можно высказать в пользу более реалистического подхода об ограниченной правосубъектности, которая может быть применена к роботам уже сейчас, т. е. робота можно определить как «движимое имущество», наделенное ограниченной правосубъектностью. В перспективе по мере развития робототехники он может пониматься как некий субъект, который имеет возможность принимать решения, осознавать их последствия без участия человека. Если говорить об исторических прецедентах такого перехода объекта права на позицию субъекта, то они могут быть найдены в том же положении раба. Например, в связи с этим в России в 1861 г. был принят закон об отмене рабства [Ирискина, Беляков, 2016, 65-70].

Но можно интерпретировать правосубъектность робота и на основе категории юридического лица, как предлагает Александр Тюльканов, старший юрист Lex Borealis. Однако такая позиция поддерживает интересы разработчиков и робототехнических корпораций, которые таким образом стремятся снять с себя социальную ответственность. Кроме того, в отличие от нематериального юридического лица, роботы как раз материальны, поэтому просто программы не могут быть к ним отнесены.

На данном этапе развития гражданского законодательства в России роботов не наделяют деликтоспособностью. Поэтому в настоящее время говорить об ответственности роботов не приходится. В связи с этим уже сейчас необходимо подумать о дополнении существующей системы специальных деликтов, устанавливающих особые составы правонарушения, прямо предусмотренные законом [Шевченко, Шевченко, 2013, 68].

Думается, что за негативные последствия использования роботов должны нести ответственность либо изобретатель (создатель как физическое лицо), либо программист (инженер, работник юридического лица), либо компания – разработчик программного обеспечения (как юридическое лицо), либо завод-изготовитель (как юридическое лицо), либо пользователь/собственник (как юридическое либо физическое лицо), либо третье лицо в случае неправомерного завладения роботом или его перепрограммирования на причинение вреда. В каждом конкретном случае установление ответственных за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом является важным, так как от этого зависит возможность возмещения вреда.

Но есть и другая сторона вопроса, которая вызывает не меньший интерес: могут ли роботы решать судьбы людей? Например, сейчас это делает даже не робот, а некое техническое устройство для наложения и выписывания штрафов на дорогах или на парковке. Но в будущем речь может идти и о роботах-судьях (а может и адвокатах). В этой ситуации произойдет делегирование полномочий вынесения решений или даже приговора относительно живых существ неживому существу. Но машины могут не понять человеческое представление о справедливости и в таком случае будут руководствоваться узким понятием нормы права. Поэтому первоочередной задачей для юристов становится предложение оптимальных непротиворечивых правил поведения, правовых конструкций для существующего положения вещей.

Заключение

Сегодня в нашей стране готовится законопроект КиберКодекса, разработка которого в рамках проекта «Право Роботов» была представлена в апреле 2017 г. на конференции Scolkovo

Robotics V. Проект предусматривает разработку вопросов юридической терминологии, программы профессиональной переподготовки и психологической адаптации кадров, чьи рабочие места могут быть полностью автоматизированы, а также изменения в системе образования и модернизацию ряда смежных областей и направлений в связи с внедрением машин и искусственного интеллекта в экономику страны.

Бесспорно, в ближайшие 10-15 лет права, обязанности и ответственность участников ситуаций с использованием роботов должны быть определены и регламентированы отдельным законодательным актом. В настоящий момент важно найти разумный баланс между новыми технологиями и старыми конструкциями традиционного права, оставив место и для изменений в будущем.

Попытка развить «право роботов», правовое регулирование статуса, прав и обязанностей роботов носит односторонний характер, а именно – осуществляется со стороны человека. Однако в будущем в результате экспоненциального взлета робототехники ситуация может измениться, и нам следует ожидать симметричный ответ по правовым вопросам уже от самого искусственного интеллекта. Не исключено, что через 500 лет уже роботы будут исследовать вопрос, что же собой представляет «право человека».

Библиография

1. Беспилотные автобусы в Сингапуре и Калифорнии. URL: http://www.gizmag.com/easymile-ez10-driverless-bus/39891/
2. В Нидерландах впервые испытан самоуправляемый автобус. URL: http://mir24.tv/news/Science/13830695
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон Рос. Федерации от 26.01.1996 № 15-ФЗ (ред. от 05.12.2017): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.12.1995. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
4. Ирискина Е.Н., Беляков К.О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 63-72.
5. Искусственный интеллект в беспилотных автомобилях Google признали водителем. URL: http://www.interfax.ru/business/494074
6. Китайская Baidu и BMW решили создать самоуправляемый автобус за три года. URL: https://vc.ru/n/auto-autobus
7. Нормы гражданского права о робототехнике: резолюция Европарламента от 16.02.2017. URL: http://robopravo.ru
8. О содействии развитию и распространению умных роботов: закон Южной Кореии № 9014 от 28.03.2008. URL: http://robopravo.ru
9. Самоуправляемый автомобиль Google попал в первое ДТП с пострадавшими. URL: https://meduza.io
10. Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве. М.: Статут, 2013. 133 с.

Legal aspects of liability for causing damage by a robot with artificial intelligence

Elena Yu. Tsukanova

PhD in Law, Docent,
Associate Professor at the Department of civil law and procedure,
Belgorod State National Research University,
308015, 85 Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: tsukanova@bsu.edu.ru

Oleg R. Skopenko

Student,
Belgorod State National Research University,
308015, 85 Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: skopenko.oleg@yandex.ru

Abstract

The development of artificial intelligence and the widespread use of autonomous devices lead to the emergence of problems of a technical and ethical nature, including the topical problem of the legal regulation of robot-human-robot-robot relations. The article presents an overview of the current state of robotics with artificial intelligence in terms of the legal aspects of the liability for causing damage by the actions of intelligent machines. The authors consider real situations of causing damage by robots with artificial intelligence and situations that may arise in the future. The list of persons liable for causing damage can include an inventor, a software engineer, a producer, an owner/user, third parties. The analysis of the general state of the problem shows that it is necessary to give due attention to the issues of legal terminology in the field of robot law, rights, duties and responsibilities of participants in situations using intelligent machines. In addition, it is necessary to develop programs for professional retraining and psychological adaptation of employees whose workplaces can be fully automated, make changes in the system of education and modernise a number of related areas and directions in connection with the introduction of machines and artificial intelligence into the economy of the country. It is important to find a reasonable balance between new technologies and the old designs of traditional law.

For citation

Tsukanova E.Yu., Skopenko O.R. (2018) Pravovye aspekty otvetstvennosti za prichinenie vreda robotom s iskusstvennym intellektom [Legal aspects of liability for causing damage by a robot with artificial intelligence]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 44-50.

Keywords

Artificial intelligence, robots with artificial intelligence, civil liability, liability for third parties, obligations.

References

1. *Bespilotnye avtobusy v Singapure i Kalifornii* [EasyMile's driverless bus rolls-out in Singapore and California]. Available at: http://www.gizmag.com/easymile-ez10-driverless-bus/39891/ [Accessed 08/01/18].
2. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya): feder. zakon Ros. Federatsii ot 26.01.1996 № 15-FZ (red. ot 05.12.2017): prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.12.1995* [Civil Code of the Russian Federation (Part 2): Federal Law of the Russian Federation No. 15-FZ of January 26, 1996 (as amended on December 5, 2017)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ [Accessed 08/01/18].
3. Iriskina E.N., Belyakov K.O. (2016) Pravovye aspekty grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti za prichinenie vreda deistviyami robota kak kvazisub"ekta grazhdansko-pravovykh otnoshenii [Legal aspects of civil liability for causing damage by a robot as a quasiparticipant in civil legal relations]. *Gumanitarnaya informatika* [Humanitarian informatics], 10, pp. 63-72.
4. *Iskusstvennyi intellekt v bespilotnykh avtomobilyakh Google priznali voditelem* [Artificial intelligence in Google's self-driving vehicles was recognised as a driver]. Available at: http://www.interfax.ru/business/494074 [Accessed 08/01/18].
5. *Kitaiskaya Baidu i BMW reshili sozdat' samoupravlyaemyi avtobus za tri goda* [Chinese Baidu and BMW decided to

create a self-driving bus for three years]. Available at: https://vc.ru/n/auto-autobus [Accessed 08/01/18].
6. *Normy grazhdanskogo prava o robototekhnike: rezolyutsiya Evroparlamenta ot 16.02.2017* [Civil law rules on robotics: Resolution of the European Parliament of February 16, 2017]. Available at: http://robopravo.ru [Accessed 08/01/18].
7. *O sodeistvii razvitiyu i rasprostraneniyu umnykh robotov: zakon Yuzhnoi Koreii № 9014 ot 28.03.2008* [On the assistance for the development and distribution of intelligent robots: Law of South Korea No. 9014 of March 28, 2008]. Available at: http://robopravo.ru [Accessed 08/01/18].
8. *Samoupravlyaemyi avtomobil' Google popal v pervoe DTP s postradavshimi* [The Google's self-driving car had the first road accident with the injured]. Available at: https://meduza.io [Accessed 08/01/18].
9. Shevchenko A.S., Shevchenko G.N. (2013) *Deliktnye obyazatel'stva v rossiiskom grazhdanskom prave* [Tort obligations in Russian civil law]. Moscow: Statut Publ.
10. *V Niderlandakh vpervye ispytan samoupravlyaemyi avtobus* [A self-driving bus was tested in the Netherlands for the first time]. Available at: http://mir24.tv/news/Science/13830695 [Accessed 08/01/18].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.63

Особенности заключения арбитражных соглашений в рамках рассмотрения корпоративных споров в Германии

Желанова Анна Сергеевна

Аспирант,
кафедра гражданского права и процесса и международного частного права,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: imaginary92@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности заключения арбитражных соглашений и введения арбитражных оговорок в устав компании или партнерства в рамках рассмотрения корпоративных споров по немецкому законодательству. Актуальность исследования обосновывается обширным опытом Германии в рассмотрении корпоративных споров. Последние десятилетия немецкий законодатель уделял данной категории споров особое внимание. Арбитражное соглашение / арбитражная оговорка является необходимым элементом передачи спора в арбитраж. Недействительность арбитражного соглашения или арбитражной оговорки может повлечь отмену или отказ в приведение в исполнение арбитражного решения. Автор раскрывает два способа исключения юрисдикции государственных судов в соответствии с Гражданским процессуальным уложением Германии, рассматривает сферу применения арбитражного соглашения и арбитражной оговорки, а также подробно исследует, при каких условиях возможно введение арбитражной оговорки в устав после основания компании и может ли арбитражная оговорка иметь обязательные последствия для нового члена компании при его присоединении.

Для цитирования в научных исследованиях

Желанова А.С. Особенности заключения арбитражных соглашений в рамках рассмотрения корпоративных споров в Германии // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 51-60.

Ключевые слова

Германия, немецкое право, корпоративные споры, арбитражное соглашение, арбитражная оговорка, международный коммерческий арбитраж, арбитражные институты.

Введение

Арбитражная оговорка / арбитражное соглашение – один из важнейших элементов привлечения и защиты зарубежных инвестиций в трансграничной корпоративной деятельности. Исследование мировой процессуальной практики показывает, что во всем мире предприниматели на стадии создания совместного проекта, при подготовке условий договора, а также при возникновении конфликтных ситуаций, в большом числе случаев оставляют свой выбор за арбитражем.

Приведение в исполнение арбитражных решений на основании участия стран в Нью-Йоркской конвенции 1958 г. на сегодняшний день возможно в 156 странах мира. Самыми известными преимуществами арбитража также являются конфиденциальность арбитражной процедуры, гибкость, беспристрастность и высокий уровень профессионализма арбитров, владения арбитрами различными иностранными языками. Данные преимущества арбитража особенно уместны в рамках разрешения корпоративных споров [Каримуллин, 2016, 13].

Автором будут исследованы особенности заключения арбитражных соглашений и арбитражных оговорок, сфера применения арбитражных соглашений и оговорок, при каких условиях возможно введение арбитражной оговорки в устав после основания компании, а также может ли арбитражная оговорка иметь обязательные последствия для нового члена компании в случае его присоединения.

В связи с тем, что в корпоративных спорах бывает вовлечено большое количество участников, также представляется важным изложить основные ограничения арбитражного соглашения и затем исследовать возможности уставных арбитражных оговорок.

Арбитражные оговорки требуют внимательного составления, а формирование состава суда и организация арбитражного процесса требуют также ответственного отношения. Свобода сторон в выборе применимого права в арбитражном разбирательстве может быть ограничена в силу императивных норм.

Как известно, для исключения корпоративного спора из юрисдикции государственных судов стороны могут воспользоваться возможностью заключить арбитражное соглашение либо включить в договор арбитражную оговорку.

Особенности заключения арбитражного соглашения или введения арбитражной оговорки

Акционеры или партнеры ассоциации могут договориться об арбитражном соглашении на случай возникновения корпоративных споров. Гражданское процессуальное уложение Германии (Zivilprozessordnung, ZPO) предусматривает два варианта исключения юрисдикции государственных судов: участники обществ и корпораций могут заключить арбитражное соглашение (Schiedsabrede) или включить арбитражную оговорку (Schiedsklausel) в основной договор. В то время как термин «арбитражное соглашение» предусматривает арбитраж независимо от договора, «арбитражная оговорка» по смыслу § 1029 ГПУ Германии должна быть включена в основной договор, на который она ссылается. Формальные требования к арбитражным соглашениям, с одной стороны, и арбитражным оговоркам, с другой стороны, соответственно различаются. Эти требования должны быть выполнены для того, чтобы можно было поднять вопрос о компетенции третейского суда по отношению к рассматриваемому предмету спора (Einrede der Schiedsgerichtsbarkeit).

§ 1029 ГПУ требует, чтобы арбитражное соглашение охватывало все или определенные споры, которые могут возникнуть из конкретных правовых отношений сторон, подписавших соглашение. Более того, для арбитражных соглашений § 1031 (1) ГПУ предусматривает, что арбитражное соглашение должно содержать протокол соглашения. Такая запись может быть представлена документом, подписанным сторонами, или путем обмена письмами, телефаксами, телеграммами или иными средствами связи. Напротив, арбитражная оговорка должна быть представлена только в письменной форме.

Принимая во внимание строгое различие между предпринимателями и потребителями в соответствии с Гражданским уложением Германии (Bürgerliches Gesetsbuch, BGB), во многих коммерческих операциях по немецкому законодательству одна из сторон должна рассматриваться в качестве потребителя по смыслу § 13 ГГУ Германии [Lachmann, 2000; Palandt/Heinrichs…, 2013; Trittmann, Hanefeld, 2015]. В соответствии с данной нормой потребителем является физическое лицо, которое заключает сделку для целей, не связанных с его профессиональной деятельностью, и не осуществляет коммерческую деятельность. Инвестиции и управление инвестициями, согласно решению Верховного суда Германии (BGH 23.10.2001, NJW 2002, 368), не рассматриваются по своей сути в качестве коммерческой деятельности, которая может быть отнесена к какой-либо профессии. Таким образом, акционеры могут быть потребителями по смыслу § 13 ГГУ.

Если одной из сторон арбитражного соглашения является потребитель, то такое соглашение должно быть оформлено в виде отдельного документа (§ 1031 (5) ГПУ). Этот документ должен быть надлежащим образом подписан потребителем.

Компании могут также использовать арбитражные оговорки в уставе с целью исключения юрисдикции государственных судов по возможным корпоративным спорам между обществом и его акционерами или между акционерами общества. В связи с этим можно классифицировать арбитражную оговорку в качестве договорного арбитражного соглашения в соответствии с § 1029 ГПУ или в качестве нормативной арбитражной оговорки в соответствии с § 1066 ГПУ в зависимости от того, является ли арбитражная оговорка частью устава корпорации (нормативная) или партнерства (договорная) [Zöllner/Geimer…, 2013].

Акционеры могут, например, внести в устав арбитражную оговорку, предусматривающую разрешение споров в постоянном арбитражном суде или создание арбитражного суда, компетентного рассматривать все корпоративные споры, возникающие между обществом и его акционерами или между акционерами общества.

Для того чтобы определить, должна ли арбитражная оговорка соответствовать § 1029 ГПУ или § 1066 ГПУ, необходимо рассмотреть корпорации и товарищества.

Арбитражная оговорка в уставе корпорации

Совместимость арбитражных оговорок в уставе с применимым корпоративным законодательством и их классификация в качестве арбитражного соглашения в соответствии с § 1029 ГПУ или в качестве арбитражной оговорки в соответствии с § 1066 ГПУ отличаются для корпораций с ограниченной ответственностью и акционерных корпораций.

1. Арбитражная оговорка в уставе корпорации с ограниченной ответственностью: согласно преобладающему мнению в немецкой юридической литературе, нормативная арбитражная оговорка рассматривается как арбитражная оговорка по смыслу § 1066 ГПУ [Böttcher, Fischer, 2011, 601; Ebbing, 1998, 281; Hauschild, Böttcher, 2012, 577; Rodloff, 1997, 1408;

Schmidt, 1988, 523; Schwab, Walter, Baumbach, 2005; Zöllner/Geimer…, 2013]. Нормативная арбитражная оговорка не имеет договорного характера из-за корпоративной структуры компании. Следовательно, действующая арбитражная оговорка не требует соблюдения § 1031 ГПУ, которая применяется исключительно к договорным арбитражным оговоркам. В частности, арбитражная оговорка не должна представлять протокол соглашения. Таким образом, возможно введение арбитражной оговорки в устав общества с ограниченной ответственностью.

2. Арбитражная оговорка в уставе акционерной корпорации: арбитражная оговорка в уставе акционерной корпорации также является арбитражной оговоркой по смыслу § 1066 ГПУ. Таким образом, никаких формальных требований в соответствии с § 1031 (1) ГПУ, как, например, соблюдение формы, предусматривающей запись соглашения, нет [Trittmann, Hanefeld, 2015].

Однако введение арбитражной оговорки в устав акционерной корпорации должно осуществляться с учетом принципа «строгости устава», закрепленного в § 23 (5) Закона об акционерных обществах Германии Aktiengesetz (AktG). Указанное положение содержит обстоятельства, при которых устав может отличаться от других положений Закона об АО или изменять их [Münchener Kommentar zum Aktiengesetz, 2011, Vol. 4]. Таким образом, акционеры могут в целом предусмотреть арбитражное соглашение в уставе (OLG Hamm 07.03.2000, ZIP, 2000, 1013).

Поскольку цели принципа «строгости устава» заключаются в том, чтобы гарантировать юридическую определенность, защитить права миноритариев и инвесторов, эти цели могут быть также достигнуты и с помощью арбитража. Арбитражная оговорка в уставе не нарушает принципа строгости. Если арбитраж и суды общей юрисдикции предусматривают равные уровни правовой защиты, нет оснований запрещать включение арбитражной оговорки в устав акционерного общества.

Арбитражная оговорка в уставе партнерства (товарищества)

Верховный суд Германии допускает, что арбитражные оговорки в уставе товарищества являются договорными арбитражными соглашениями (по смыслу § 1029 (1) ГПУ), поскольку товарищества не имеют независимой корпоративной структуры [Baumbach, Hopt, 2012; Baumbach et al., 2013; Musielak/Voit…, 2013; Ebbing, 1998, 281; Schütze, 1992, 1877; Thomas et al., 2013; Trotha, 1988, 1367; Zöllner/Geimer…, 2013]. В связи с тем, что нормативные арбитражные оговорки квалифицируются как арбитражные соглашения, то они также должны соответствовать формальным требованиям § 1031 ГПУ. Таким образом, арбитражное соглашение должно быть заключено в письменной форме, чтобы обеспечить фиксацию такого соглашения. Требования к соблюдению формы могут быть выполнены также и следующим образом: путем ссылки на документ, подтверждающую соглашение, корреспонденцию или телеграмму.

Некоторые ученые-юристы утверждают, что арбитражные оговорки в уставе товарищества должны быть квалифицированы как внедоговорные арбитражные оговорки (§ 1066 ГПУ) из-за формулировки § 1066 ГПУ [Ebbing, 1999, 754; Habersack, www; Schmidt, Die Bindung…, 1989, 2315; Schmidt, 1991, 904; Schmidt, 1998, 265]: «Для арбитражных судов, учреждаемых в допускаемом законом порядке, не основывающихся на соглашении, положения настоящей Книги действуют соответственно».

В соответствии с этим положением, если арбитражное разбирательство было учреждено в

допускаемом законом порядке, то оно попадает под действие положений об арбитраже согласно германскому ГПУ. Некоторые авторы отмечают, что выражение «учреждено в допускаемом законом порядке» (in statthafter Weise) является ссылкой на корпоративное право [Schmidt, Statutarische Schiedsklauseln…, 1989, 1077].

Ученые-юристы также утверждают, что действительность арбитражной оговорки в уставе зависит от применимого корпоративного права. Если положения применимого законодательства предусматривают возможность внесения арбитражной оговорки в устав, то такая оговорка будет квалифицирована как внедоговорная (Zivilprozessordnung, § 1066). Правоведы, придерживающиеся этой точки зрения, подчеркивают сходство между организацией партнерства и корпорациями. Соответственно, эти авторы поддерживают применение § 1066 ГПУ [Habersack, www].

Более того, различие между обществом как сообществом совладельцев и как независимым юридическим лицом неизвестно в других правовых системах. Одним из аргументов является упрощение введения арбитражной оговорки в устав товарищества. Такая оговорка будет иметь обязательную силу ввиду обязательной силы устава. Если данное положение рассматривается как договорное положение, то его обязательное действие будет распространяться только на подписавших его сторон.

Однако, на основе сегодняшней немецкой судебной практики, арбитражные соглашения в партнерстве должны рассматриваться как договорные арбитражные соглашения по смыслу § 1029 ГПУ. Учитывая веские аргументы в пользу нормативного характера арбитражных оговорок в уставе, можно предположить, что Верховный суд Германии однажды пересмотрит свою предыдущую позицию.

Сфера применения арбитражного соглашения и арбитражных оговорок

Если акционеры или партнеры общества соглашаются исключить юрисдикцию государственных судов и внести арбитражную оговорку в устав или заключить независимое арбитражное соглашение, то далее могут возникнуть вопросы относительно сферы применения арбитражной оговорки и арбитражного соглашения.

1. Сфера применения арбитражной оговорки. Нормативные арбитражные оговорки в соответствии с § 1066 ГПУ распространяются только на споры, возникающие из отношений между компанией и ее акционерами и между акционерами компании [Münchener Kommentar zur ZPO, 2013; Stein, Jonas, 2002].

2. Сфера применения арбитражного соглашения. Договорные арбитражные соглашения по смыслу § 1029 (1) ГПУ в целом охватывают споры, возникающие из отношений между компанией и ее акционерами и между акционерами, а также индивидуальные права [Münchener Kommentar zur ZPO, 2013; Stein, Jonas, 2002]. Таким образом, сфера действия арбитражного соглашения по смыслу § 1029 (1) ГПУ может быть более обширной, чем сфера действия нормативной арбитражной оговорки.

Последующее внесение арбитражной оговорки в устав (nachträgliche Schiedsklausel)

Если устав не содержит арбитражной оговорки на момент регистрации компании и акционеры хотят внести такую оговорку позже, то она может быть включена при достижении

согласия всех членов общества. Случай, когда после основания компании требуется введение арбитражной оговорки, а большинство акционеров желает ввести арбитражную оговорку против оппозиции миноритарных акционеров или партнеров, является одним из самых сложных. Этот вопрос рассматривается по-разному для партнерств и корпораций. Рассмотрим вначале последующее внесение арбитражной оговорки в устав корпорации, а затем внесение арбитражной оговорки в соглашение о партнерстве.

1. Внесение арбитражной оговорки в устав корпорации

На сегодняшний день вопрос «При каких условиях введение арбитражной оговорки в устав после основания корпорации будет действительно?» является предметом продолжающихся дебатов между судами и учеными-юристами.

Согласно преобладающему мнению, введение арбитражной оговорки после основания корпорации возможно исключительно с согласия всех акционеров (участников) [Bayer, 2003, 890; Berger, 2006, 301; Reichert, Harbarht, 2003, 379; Roth, 1987, 318; Schmidt, 1990, 16]. Лишь немногие ученые-юристы утверждают, что решения большинства акционеров (участников) будет достаточно для введения арбитражной оговорки в устав компании [Ebbing, 1999, 754; Ebbing, Grüner, 2000, 347; Haas, 2007, 1].

Верховный суд Германии подтвердил, что согласие всех акционеров необходимо для рассмотрения дела о включении арбитражной оговорки в устав уже зарегистрированного объединения (eingetragener Verein) (BGH 03.04.2000, NZG 2000, 897). Суд, согласившись с преобладающим в правовой сфере мнением [Berger, 2000, 295; Hachenburg, 1997], заявил, что внесение арбитражной оговорки в устав зарегистрированного объединения против оппозиции миноритарных акционеров является недействительным. На сегодняшний день никакого другого решения не вынесено. Следует предположить, что Верховный суд Германии будет выносить решения аналогичным образом в случаях, связанных и с обществами с ограниченной ответственностью, и с акционерными корпорациями. Таким образом, согласие всех акционеров выступает необходимым условием для введения арбитражной оговорки в устав после основания корпорации.

2. Введение арбитражной оговорки в партнерское соглашение общего коммерческого партнерства.

Введение арбитражной оговорки в партнерское соглашение общего коммерческого партнерства требует согласия всех партнеров (Handelsgesetzbuch, § 119 (1)). Большинство партнеров могут ввести новую статью в соглашение только в том случае, если в партнерском соглашении предусмотрена возможность внесения изменения в партнерское соглашение большинством голосов (Handelsgesetzbuch, § 119 (2)). На практике многие соглашения о партнерстве не содержат такого положения.

Дополнительные проблемы могут возникнуть, когда новый член присоединяется к компании, устав которой содержит арбитражную оговорку. Возникает вопрос: может ли эта арбитражная оговорка иметь обязательные последствия для нового члена? Арбитражные оговорки в обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах являются нормативными арбитражными оговорками по смыслу § 1066 ГПУ [Haas, 2007]. Арбитражные положения в уставе корпораций являются неотъемлемой частью права на членство (BGH 28.05.1979, NJW 1979, 2567). При присоединении нового члена к корпорации и передаче права на членство от акционера другому лицу права, вытекающие из арбитражного соглашения, передаются приобретателю вместе со всеми другими правами и обязанностями, закрепленными за правом на членство (BGH 28.05.1979, NJW 1979, 2567). Отдельная юридическая сделка кроме

передачи права на членство не требуется.

Арбитражные оговорки в уставе товарищества являются договорными арбитражными оговорками (Zivilprozessordnung § 1029 (1)). Арбитражная оговорка является частью условий членства в партнерстве [Hauschild, Böttcher, 2012, 577]. Когда новый член присоединяется к партнерству, арбитражная оговорка применяется к новому члену по аналогии (Bürgerliches Gesetzbuch, § 401), ровно так же, как и другие права и обязанности, связанные с членством. В соответствии с позицией Верховного суда Германии, покинувший товарищество партнер связан арбитражным соглашением в партнерском соглашении до тех пор, пока спор возникает из прежних отношений между партнерами (BGH 01.08.2002, NJW-RR 2002, 1462). Вероятно, немецкие суды примут аналогичное решение, если сопоставимое дело будет касаться нормативной арбитражной оговорки в уставе компании.

Заключение

Исходя из немецкого законодательства, можно классифицировать арбитражную оговорку в качестве договорного арбитражного соглашения в соответствии с § 1029 ГПУ или в качестве нормативной арбитражной оговорки в соответствии с § 1066 ГПУ в зависимости от того, является ли арбитражная оговорка частью устава корпорации (нормативная) или партнерства (договорная). Важность соблюдения всех законодательных требований при заключении арбитражного соглашения или введения в уставные документы компании арбитражной оговорки неоспорима. Тем не менее толкование указанных норм и их применение на практике в рамках корпоративного права не всегда могут быть однозначными.

Библиография

1. Каримуллин Р.И. Арбитраж корпоративных споров // Вестник международного коммерческого арбитража. 2016. № 2. С. 13-50.
2. Aktiengesetz. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/aktg/index.html
3. Baumbach A. et al. Zivilprozessordnung. München, 2013.
4. Baumbach A., Hopt K.J. Handelsgesetzbuch. München, 2012.
5. Bayer W. Schiedsfähigkeit von GmbH-Streitigkeiten // Zeitschrift für Wirtschaftsrecht. Heft 20. 2003.
6. Berger C. GmbH-rechtliche Beschlußmängelstreitigkeiten vor Schiedsgerichten // Zeitschrift für das gesamte Handels- und Wirtschaftsrecht. 2006. Heft 3.
7. Berger W. GmbH-rechtliche Beschlussmängelstreitigkeiten vor Schiedsgerichten, Gestaltungsmöglichkeiten im Anschluss an BGHZ 132, 278 // Zeitschrift für das gesamte Handels- und Wirtschaftsrecht. 2000.
8. Böttcher L., Fischer H. Einbeziehung von Schiedsordnungen in die Satzung einer GmbH // Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht. 2011. S. 601-605.
9. Deutsches Bürgerliches Gesetsbuch. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/
10. Ebbing F. Satzungsmäßige Schiedsklauseln // Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht. 1999.
11. Ebbing F. Schiedsvereinbarungen in Gesellschaftsverträgen // Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht. 1998. S. 281-289.
12. Ebbing F., Grüner M. “Aus” für Venture Capital GbR? – Neue aufsichts- und haftungsrechtliche Probleme für Anlagegesellschaften in der Rechtsform einer GbR // Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht. 2000.
13. Haas U. Beruhen Schiedsabreden in Gesellschaftsverträgen nicht auf Vereinbarungen i.S. des § 1066 ZPO oder vielleicht doch? // SchiedsVZ. 2007.
14. Habersack M. Die Personengesellschaft und ihre Mitglieder in der Schiedsgerichtspraxis. URL: https://beck-online.beck.de/?typ=reference&y=300&b=2003&n=1&s=241&z=SCHIEDSVZ
15. Hachenburg M. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG) – Großkommentare der Praxis. Berlin, 1997.
16. Handelsgesetzbuch. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/hgb/
17. Hauschild A., Böttcher L. Schiedsvereinbarungen in Gesellschaftsverträgen // Deutsche Notar-Zeitschrift. 2012. S. 577-597.

18. Lachmann A. Schiedsvereinsbarungen im Praxistest // Betriebsberater. 2000. Heft 33. S. 1633-1640.
19. Münchener Kommentar zum Aktiengesetz. München, 2011. Vol. 4.
20. Münchener Kommentar zur ZPO. München, 2013.
21. Musielak/Voit. Zivilprozessordnung. Kommentar mit Gerichtsverfassungsgesetz. München, 2013.
22. Palandt/Heinrichs BGB Kommentar. 2013.
23. Reichert J., Harbarht S. Statutarische Schiedsklauseln – Einfürung, Aufhebung und umwandlungsrechtliche Behandlung // Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht. 2003. Heft 8.
24. Rodloff F. Einbeziehung und Ausgestaltung von Schiedsabreden im Gesellschaftsrecht // Deutsches Steuerrecht. 1997.
25. Roth G. Schiedsklauseln in Gesellschaftsverträgen // Festschrift für Heinrich Nagel. 1987.
26. Schmidt K. Die Bindung von Personengesellschaften an vertragliche Schiedsklauseln – zur Bedeutung der §§ 1027 2, 1048 ZPO im Personengesellschaftsrecht // Der Betrieb. 1989.
27. Schmidt K. Formbedürftigkeit einer Schiedsabrede für Streitigkeiten aus Personengesellschaftsverträgen nach § 1027 Abs. 1 ZPO? // Der Betrieb. 1991.
28. Schmidt K. Neues Schiedsverfahrensrecht und Gesellschaftsrechtspraxis – gelöste und ungelöste Probleme bei gesellschaftsrechtlichen Schiedsgerichtsprozessen // Zeitschrift für das gesamte Handels- und Wirtschaftsrecht. 1998.
29. Schmidt K. Schiedsfähigkeit von GmbH-Beschlüssen – eine Skizze mit Ausblicken auf das Recht der AG und der Personengesellschaften // Zeitschrift für Unternehmens- und Gesellschaftsrecht. 1988. S. 523-541.
30. Schmidt K. Schiedsklauseln in Gesellschaftsverträgen der GmbH & Co. KG. Thesen zur Anpassung des Satzungsrechts von Kommanditgesellschaft und Komplementär-GmbH // GmbH-Rundschau. 1990.
31. Schmidt K. Statutarische Schiedsklauseln zwischen prozessualer und verbandsrechtlicher Legitimation // JuristenZeitung. 1989.
32. Schütze R.A. Zur notariellen Beurkundung von Schiedsvereinbarungen // Betriebsberater. 1992.
33. Schwab K., Walter G., Baumbach A. Schiedsgerichtsbarkeit. München: Beck, 2005.
34. Stein F., Jonas M. Kommentar zur Zivilprozessordnung: ZPO. München: Beck, 2002.
35. Thomas H. et al. Zivilprozessordnung: ZPO. Kommentar. München: Beck, 2013.
36. Trittmann R., Hanefeld I. § 1030 – Arbitrability // Arbitration in Germany. Wolters Kluwer Law and Business, 2015.
37. Trotha T. Zur Formproblematik bei Schiedsabreden von GmbH-Gesellschaftem // Der Betrieb. 1988.
38. Zivilprozessordnung. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/zpo/
39. Zöllner/Geimer ZPO. 2013.

The features of the conclusion of arbitration agreements in the context of corporate dispute resolution in Germany

Anna S. Zhelanova

Postgraduate,
Department of civil law and procedure and private international law,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: imaginary92@mail.ru

Abstract

The article aims to reveal the peculiarities of concluding arbitration agreements and introducing arbitration clauses into the charter of a company or partnership within the framework of corporate dispute resolution under German law. The author of the article points out that the relevance of the study is based on the extensive experience of Germany in corporate dispute resolution. In recent decades, the German legislator has paid special attention to this category of disputes. An arbitration agreement / arbitration clause is considered to be a necessary element in the submission of a dispute to arbitration. The invalidity of an arbitration agreement or an arbitration clause may result in the invalidity of the arbitral award. The author of the article describes two ways to exclude the jurisdiction of state courts in accordance with the German Code of Civil Procedure (die

Zivilprozessordnung, ZPO). The article makes an attempt to study the scope of an arbitration agreement and an arbitration clause and examines in detail the following: under what conditions an arbitration clause may be included into the charter after the foundation of a company and whether such an arbitration clause has mandatory consequences for a new member of the company upon its accession.

For citation

Zhelanova A.S. (2018) Osobennosti zaklyucheniya arbitrazhnykh soglashenii v ramkakh rassmotreniya korporativnykh sporov v Germanii [The features of the conclusion of arbitration agreements in the context of corporate dispute resolution in Germany]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 51-60.

Keywords

Germany, German law, corporate disputes, arbitration agreement, arbitration clause, international commercial arbitration, arbitration institutions.

References

1. *Aktiengesetz*. Available at: http://www.gesetze-im-internet.de/aktg/index.html [Accessed 27/03/18].
2. Baumbach A. et al. (2013) *Zivilprozessordnung*. München.
3. Baumbach A., Hopt K.J. (2012) *Handelsgesetzbuch*. München.
4. Bayer W. (2003) Schiedsfähigkeit von GmbH-Streitigkeiten. *Zeitschrift für Wirtschaftsrecht*, 20.
5. Berger C. (2006) GmbH-rechtliche Beschlußmängelstreitigkeiten vor Schiedsgerichten. *Zeitschrift für das gesamte Handels- und Wirtschaftsrecht*, 3.
6. Berger W. (2000) GmbH-rechtliche Beschlussmängelstreitigkeiten vor Schiedsgerichten, Gestaltungsmöglichkeiten im Anschluss an BGHZ 132, 278. *Zeitschrift für das gesamte Handels- und Wirtschaftsrecht*.
7. Böttcher L., Fischer H. (2011) Einbeziehung von Schiedsordnungen in die Satzung einer GmbH. *Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht*, S. 601-605.
8. *Deutsches Bürgerliches Gesetsbuch*. Available at: http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ [Accessed 27/03/18].
9. Ebbing F. (1999) Satzungsmäßige Schiedsklauseln. *Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht*.
10. Ebbing F. (1998) Schiedsvereinbarungen in Gesellschaftsverträgen. *Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht*, S. 281-289.
11. Ebbing F., Grüner M. (2000) "Aus" für Venture Capital GbR? – Neue aufsichts- und haftungsrechtliche Probleme für Anlagegesellschaften in der Rechtsform einer GbR. *Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht*.
12. Haas U. (2007) Beruhen Schiedsabreden in Gesellschaftsverträgen nicht auf Vereinbarungen i.S. des § 1066 ZPO oder vielleicht doch? *SchiedsVZ*.
13. Habersack M. *Die Personengesellschaft und ihre Mitglieder in der Schiedsgerichtspraxis*. Available at: https://beck-online.beck.de/?typ=reference&y=300&b=2003&n=1&s=241&z=SCHIEDSVZ [Accessed 27/03/18].
14. Hachenburg M. (1997) *Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG) – Großkommentare der Praxis*. Berlin.
15. *Handelsgesetzbuch*. Available at: http://www.gesetze-im-internet.de/hgb/ [Accessed 27/03/18].
16. Hauschild A., Böttcher L. (2012) Schiedsvereinbarungen in Gesellschaftsverträgen. *Deutsche Notar-Zeitschrift*, S. 577-597.
17. Karimullin R.I. (2016) Arbitrazh korporativnykh sporov [Arbitration of corporate disputes]. *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha* [International commercial arbitration review], 2, pp. 13-50.
18. Lachmann A. (2000) Schiedsvereinsbarungen im Praxistest. *Betriebsberater*, 33, S. 1633-1640.
19. *Münchener Kommentar zum Aktiengesetz* (2011), Vol. 4. München.
20. *Münchener Kommentar zur ZPO* (2013). München.
21. *Musielak/Voit. Zivilprozessordnung. Kommentar mit Gerichtsverfassungsgesetz* (2013). München.
22. *Palandt/Heinrichs BGB Kommentar* (2013).
23. Reichert J., Harbarht S. (2003) Statutarische Schiedsklauseln – Einfürung, Aufhebung und umwandlungsrechtliche Behandlung. *Neue Zeitschrift für Gesellschaftsrecht*, 8.
24. Rodloff F. (1997) Einbeziehung und Ausgestaltung von Schiedsabreden im Gesellschaftsrecht. *Deutsches Steuerrecht*.
25. Roth G. (1987) Schiedsklauseln in Gesellschaftsverträgen. *Festschrift für Heinrich Nagel*.
26. Schmidt K. (1989) Die Bindung von Personengesellschaften an vertragliche Schiedsklauseln – zur Bedeutung der §§

1027 2, 1048 ZPO im Personengesellschaftsrecht. *Der Betrieb*.
27. Schmidt K. (1991) Formbedürftigkeit einer Schiedsabrede für Streitigkeiten aus Personengesellschaftsverträgen nach § 1027 Abs. 1 ZPO? *Der Betrieb*.
28. Schmidt K. (1998) Neues Schiedsverfahrensrecht und Gesellschaftsrechtspraxis – gelöste und ungelöste Probleme bei gesellschaftsrechtlichen Schiedsgerichtsprozessen. *Zeitschrift für das gesamte Handels- und Wirtschaftsrecht*.
29. Schmidt K. (1988) Schiedsfähigkeit von GmbH-Beschlüssen – eine Skizze mit Ausblicken auf das Recht der AG und der Personengesellschaften. *Zeitschrift für Unternehmens- und Gesellschaftsrecht*, S. 523-541.
30. Schmidt K. (1990) Schiedsklauseln in Gesellschaftsverträgen der GmbH & Co. KG. Thesen zur Anpassung des Satzungsrechts von Kommanditgesellschaft und Komplementär-GmbH. *GmbH-Rundschau*.
31. Schmidt K. (1989) Statutarische Schiedsklauseln zwischen prozessualer und verbandsrechtlicher Legitimation. *JuristenZeitung*.
32. Schütze R.A. (1992) Zur notariellen Beurkundung von Schiedsvereinbarungen. *Betriebsberater*.
33. Schwab K., Walter G., Baumbach A. (2005) *Schiedsgerichtsbarkeit*. München: Beck.
34. Stein F., Jonas M. (2002) *Kommentar zur Zivilprozessordnung: ZPO*. München: Beck.
35. Thomas H. et al. (2013) *Zivilprozessordnung: ZPO. Kommentar*. München: Beck.
36. Trittmann R., Hanefeld I. (2015) § 1030 – Arbitrability. In: *Arbitration in Germany*. Wolters Kluwer Law and Business.
37. Trotha T. (1988) Zur Formproblematik bei Schiedsabreden von GmbH-Gesellschaftem. *Der Betrieb*.
38. *Zivilprozessordnung*. Available at: http://www.gesetze-im-internet.de/zpo/ [Accessed 27/03/18].
39. *Zöllner/Geimer ZPO* (2013).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 349.3

Проблема повышения пенсионного возраста и минимального стажа в пенсионной системе России

Сурдаева Юлия Николаевна

Преподаватель,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевистская, 68;
e-mail: yulya.surdaeva@mail.ru

Борисов Руслан Рафикович

Студент,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевистская, 68;
e-mail: ruslan.borisov.00@list.ru

Аннотация

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Однако на данный момент существует проблема по повышению пенсионного возраста и минимального стажа в РФ. Эта проблема обсуждается только на экспертном уровне, в перспективе она станет ключевой для всего социального обеспечения, так как затрагивает интересы не только пенсионеров, но и работающих граждан, что, в свою очередь, отразится и на слабозащищенных категориях граждан. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности темы, а также в создании предложений по решению проблемы. Предметом исследования являются правоотношения, возникающие между гражданами и Пенсионным фондом РФ. Объектом исследования являются проблемы повышения пенсионного возраста и минимального стажа. Выдвинута позиция авторов о необходимости дальнейшего совершенствования пенсионной системы в России для улучшения жизни пенсионеров и их социальной защищенности.

Для цитирования в научных исследованиях

Сурдаева Ю.Н., Борисов Р.Р. Проблема повышения пенсионного возраста и минимального стажа в пенсионной системе России // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 61-66.

Ключевые слова

Страховая пенсия, накопительная пенсия, страховой стаж, баллы, коэффициенты, пенсионная система, пенсионная реформа.

Введение

Вопросы пенсионного обеспечения являются актуальными на общемировом уровне. В большинстве стран основными проблемами являются нежелание пенсионеров покидать свое рабочее место и нехватка молодых специалистов в кадровом составе. Наблюдаются тенденция по уменьшению правительством многих стран дотаций для обеспечения пенсии, стимулирование развития негосударственных пенсионных фондов и систем с различными схемами накопления средств и порядком выплат.

Необходимость дальнейшего развития и реформирования пенсионного обеспечения не вызывает сомнений, поскольку его состояние, состояние финансовой и политической сфер государства напрямую связаны и взаимообусловлены.

Исторической, фундаментальной основой современной пенсионной системы является сформировавшаяся в 1950-1960 гг. пенсионная система СССР, в которую впоследствии были внесены существенные изменения, а именно то, что источниками финансирования пенсий стали целевые отчисления (страховые взносы) работодателей и работников, а также были произведены попытки отказа от государственных дотаций.

На сегодняшний день в системе российского законодательства важное место уделяется нормативным актам, регулирующим вопросы предоставления гражданам мер социальной поддержки, что подтверждает одну из основ конституционного строя Российской Федерации – социальность государства. В соответствии с Конституцией РФ, каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом.

В нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы предоставления материальной социальной помощи, социальной помощи в виде предоставления натуральной помощи, регулярно вносятся изменения, улучшающие материальное и социальное положение граждан, нуждающихся в поддержке государства [Котляров, Чувакова, 2016, 45]. По прошествии 25 лет в связи с развитием общества и государства перед Пенсионным фондом и Правительством страны возникает необходимость реформирования пенсионной системы.

Повышение пенсионного возраста и минимального стажа в пенсионной системе России

С 1 января 2015 г. на территории Российской Федерации стал применяться реформированный порядок осуществления пенсионных прав граждан. Вступили в силу новые федеральные законы «О страховых пенсиях» и «О накопительной пенсии». В данных законодательных актах содержатся основные термины, связанные с системой пенсионного обеспечения, в том числе то, что страховая пенсия – это ежемесячная денежная выплата для компенсации гражданам заработной платы или другого дохода, которые они получали в период трудовой деятельности, а накопительная пенсия – ежемесячная денежная выплата в целях компенсации застрахованным лицам заработной платы и иных выплат и вознаграждений, утраченных ими в связи с наступлением нетрудоспособности вследствие старости, исчисленная исходя из суммы средств пенсионных накоплений, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета застрахованного лица или на пенсионном счете накопительной пенсии застрахованного лица, по состоянию на день назначения накопительной пенсии.

Главным нововведением является трансформирование трудовой пенсии в страховую и накопительную. Значимым моментом является то, что расчет страховой пенсии будет

производиться не в рублях, а в баллах и коэффициентах. Размер страховой пенсии сможет варьироваться в зависимости от таких факторов, как заработная плата, страховой стаж (минимальный стаж – 9 лет), возраст обращения за страховой пенсией, а также стоимость балла, индексация которого производится правительством ежегодно.

Данные изменения, во-первых, должны стимулировать рост уровня пенсионного обеспечения в стране (к 2030 г. – увеличить пенсии до 2,5-3 раз от прожиточного минимума пенсионеров), во-вторых, уменьшить нагрузку на бюджет.

Если рассматривать статистику и состояние пенсионного обеспечения в России, то, по данным Пенсионного фонда, средняя пенсия по стране составляет 13,2 тыс. рублей. В то же самое время в Японии она равна 2000 долларов (примерно 120 000 рублей), хотя стоит учитывать, что это компенсируется крайне высокой стоимостью жизни. В Германии средний размер пенсии составляет 1200 евро (более 80 000 российских рублей). Возраст выхода на пенсию в Японии составляет 65 лет, а в Германии – 65 лет и 3 месяца. При этом стоит учитывать и продолжительность жизни. Так, в Германии она равняется 80 годам, а в Японии – 83 годам. В России данный показатель составляет 70 лет [Официальный сайт «Комсомольской правды», www].

Следует обратить внимание на то, что в странах Европы пенсионную реформу начали проводить еще в конце прошлого века, когда стало понятно, что модель, заложенная Отто фон Бисмарком (соотношение работающих и пенсионеров равно 4:1), перестала соответствовать действительности. Чаще всего реформы проводились по принципу увеличения пенсионного возраста и уменьшения пенсионных льгот.

Одной из фундаментальных проблем современной пенсионной системы является необходимость повышения минимального стажа и пенсионного возраста. Считается, что данная реформа необходима для стабилизации и развития экономики РФ, так как наибольшую часть пенсионного фонда составляют ассигнования из государственного бюджета.

Страховой стаж – это суммарная продолжительность периодов трудовой деятельности застрахованного лица в течение его жизни, за которые уплачивались страховые взносы (см. Федеральный закон «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного пенсионного страхования»). На данный момент минимальный стаж составляет 9 лет, пенсионный возраст для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет [Официальный сайт The Russian Times, www].

В докладе «Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски» [Официальный сайт РБК, www] эксперты РАНХиГС пришли к выводу о том, что пенсионный возраст в России необходимо увеличить. Если не предпринять никаких действий, нагрузка на экономику увеличится, а реальные пенсии будут сокращаться. Наиболее подходящим вариантом эксперты РАНХиГС считают увеличение пенсионного возраста у мужчин до 63 лет, а у женщин до 60 лет.

Что же касается минимального стажа, то «начиная с 2019-го следует постепенно увеличивать продолжительность минимального стажа – раз в 12 месяцев добавлять по два года, до тех пор, пока он не вырастет до 30 лет. При этом количество пенсионных коэффициентов нужно увеличивать по четыре в год до достижения 70. В этом случае к 2030 году количество получателей страховой пенсии сократится на 1,1 млн. Это позволит дополнительно увеличить размер выплат на 1,6% к 2030 году и на 6% к 2050 году. Экономия бюджета ПФР составит около 185,1 млрд рублей к 2030 году и 1,4 трлн рублей к 2050 году» [Официальный сайт «Известия.Ru», www].

Важнейшим параметром пенсионной системы РФ является соотношение работников,

уплачивающих страховые взносы, к числу пенсионеров, которые получают пенсию, складывающуюся из этих взносов. В случае неприведения законопроекта по увеличению пенсионного возраста и минимального стажа в действие, по прогнозу Минэкономразвития, к 2030 г. численности работников и пенсионеров сравнятся, что приведет к увеличению трансферта Пенсионному фонду из государственного бюджета с 2,3% ВВП в 2016 г. до 3,6% к 2050 г. «Такой вариант влечет высокие социальные и политические риски: рост социальной напряженности, еще большее распространение бедности, снижение экономической активности, теневизацию экономики и пр.», – подводят итог экономисты.

При этом стоит учитывать и обратную сторону увеличения пенсионного возраста. На данный момент большинство работающих пенсионеров осуществляют трудовую деятельность на предприятиях за невысокую заработную плату, поэтому повышение пенсионного возраста способно повлечь рост бедности среди данной категории граждан.

Также нужно учитывать особенности возрастной физиологии и состояние здоровья пенсионеров, в том числе с включением гендерных факторов. Например, продолжительность здорового периода жизни мужчин составляет 61 год. Таким образом, увеличение пенсионного возраста может послужить причиной возникновения новых или усугубления уже существующих у гражданина заболеваний, в свою очередь, это может повлечь увеличение уровня смертности населения.

В настоящее время в России продолжается формирование целостной стратегии построения гражданского общества в непрерывно меняющихся условиях развития общественной жизни. Отдельные несовершенства этой системы на практике могут приводить к действиям и решениям, которые будут носить более огосударствленный характер, не учитывая при этом ряд факторов, которые обладают специфической личной или общественной направленностью. Поэтому совершенствование комплексной стратегии построения гражданского общества в России является важной задачей для государственных и социальных институтов. По мнению большинства исследователей и экспертов, разработка проекта «повышения пенсионного возраста» находится на первоначальном – экспертном – уровне, а сам процесс внедрения будет проходить постепенно и поэтапно [Котляров, Чичеров, 2017, 120].

Именно постепенный, четко проработанный, обоснованный подход к решению данного вопроса способен обеспечить реформирование системы пенсионного обеспечения на том уровне, который обеспечит гражданам, получившим право на пенсионное обеспечение, достойный уровень жизни.

Заключение

Резюмирую вышеизложенное, можно определить, что в ближайшее время не предполагается увеличение пенсионного возраста и минимального стажа. Введение таких новшеств в российское законодательство может быть неоднозначно воспринято гражданами, повлиять на различные сферы общественной жизни как положительным, так и отрицательным образом, поскольку это способно привести как к повышению уровня жизни незащищенного слоя населения, так и к большему усугублению ситуации.

В данный момент продолжение реформирования и совершенствования системы пенсионного обеспечения является актуальным, поскольку существует необходимость введения поправок, касающихся стабилизации российской экономики для увеличения размера пенсионных выплат гражданам, что, в свою очередь, будет являться определенным шагом по улучшению жизни граждан, имеющих право на пенсию в Российской Федерации.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Котляров С.Б., Чичеров Е.А. Институты гражданского общества – феномен правового государства // Право и образование. 2017. № 7. С. 117-122.
3. Котляров С.Б., Чувакова А.С. Пути улучшения государственной социальной помощи с точки зрения современного законодательства // Материалы IV Международной научной конференции «Право: история, теория, практика». СПб.: Свое издательство, 2016. С. 45-49.
4. О накопительной пенсии: федер. закон Рос. Федерации от 28.12.2013 № 424-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23.12.2013: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25.12.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156541/
5. О страховых пенсиях: федер. закон Рос. Федерации от 28.12.2013 № 400-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23.12.2013: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25.12.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/6e24082b0e98e57a0d005f9c20016b1393e16380/
6. Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного пенсионного страхования: федер. закон Рос. Федерации от 01.04.1996 № 27-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 08.12.1995: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 20.03.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9839/
7. Официальный сайт «Известия.Ru». URL: https://iz.ru
8. Официальный сайт «Комсомольской правды». URL: https://www.kp.ru
9. Официальный сайт The Russian Times. URL: http://therussiantimes.com
10. Официальный сайт РБК. URL: https://www.rbc.ru

The problem of raising the retirement age and the minimum employment period in the pension system of Russia

Yuliya N. Surdaeva

Lecturer,
Ogarev Mordovia State University,
430005, 68 Bolshevistskaya st., Saransk, Russian Federation;
e-mail: yulya.surdaeva@mail.ru

Ruslan R. Borisov

Student,
Ogarev Mordovia State University,
430005, 68 Bolshevistskaya st., Saransk, Russian Federation;
e-mail: ruslan.borisov.00@list.ru

Abstract

The article deals with the problem of raising the retirement age and the minimum employment period in Russia. As outlined in the Constitution of the Russian Federation, social security is guaranteed to every citizen according to age, in case of illness, incapacity for work, loss of breadwinner, for child-rearing and other cases set forth by Russian legislation. Nevertheless, nowadays in the Russian Federation there is a problem raising the retirement age and the minimum employment period. The problem is being discussed solely at experts' level, but ultimately it will become crucial for all the social security system as it embraces both retirees' and still working

citizens' interests, which will impact vulnerable social groups. A scarce study of the subject and a need for improving the existing legislation in this sphere justify the choice of the theme. The subject of the research is legal relationships arising between citizens of the Russian Federation and the Pension Fund of the Russian Federation. The object of the research is the problem of raising the retirement age and the minimum employment period. The author puts forward the proposal to change the pension system in the Russian Federation in order to improve retirees' living conditions and their welfare.

For citation

Surdaeva Yu.N., Borisov R.R. (2018) Problema povysheniya pensionnogo vozrasta i minimal'nogo stazha v pensionnoi sisteme Rossii [The problem of raising the retirement age and the minimum employment period in the pension system of Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 61-66.

Keywords

Non-contributory pension, funded pension, pensionable employment, points, indices, pension system, pension reform.

References

11. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993* [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ [Accessed 18/02/18].
12. Kotlyarov S.B., Chicherov E.A. (2017) Instituty grazhdanskogo obshchestva – fenomen pravovogo gosudarstva [Institutions of civil society as a phenomenon of law-governed state]. *Pravo i obrazovanie* [Law and education], 7, pp. 117-122.
13. Kotlyarov S.B., Chuvakova A.S. (2016) Puti uluchsheniya gosudarstvennoi sotsial'noi pomoshchi s tochki zreniya sovremennogo zakonodatel'stva [Ways to improve state social assistance from the perspective of modern legislation]. *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Pravo: istoriya, teoriya, praktika"* [Proc. 4th Int. Conf. "Law: history, theory, practice"]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo Publ., pp. 45-49.
14. *O nakopitel'noi pensii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 28.12.2013 № 424-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 23.12.2013: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 25.12.2013* [On funded pensions: Federal Law of the Russian Federation No. 424-FZ of December 28, 2013]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156541/ [Accessed 18/02/18].
15. *O strakhovykh pensiyakh: feder. zakon Ros. Federatsii ot 28.12.2013 № 400-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 23.12.2013: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 25.12.2013* [On non-contributory pensions: Federal Law of the Russian Federation No. 400-FZ of December 28, 2013]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/6e24082b0e98e57a0d005f9c20016b1393e16380/ [Accessed 18/02/18].
16. *Ob individual'nom (personifitsirovannom) uchete v sisteme gosudarstvennogo pensionnogo strakhovaniya: feder. zakon Ros. Federatsii ot 01.04.1996 № 27-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 08.12.1995: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 20.03.1996* [On the individual (personified) accounting in the system of state pension insurance: Federal Law of the Russian Federation No. 27-FZ of April 1, 1996]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9839/ [Accessed 18/02/18].
17. *Ofitsial'nyi sait "Izvestiya.Ru"* [The official website of Izvestiya.Ru]. Available at: https://iz.ru [Accessed 18/02/18].
18. *Ofitsial'nyi sait "Komsomol'skoi pravdy"* [The official website of Komsomolskaya Pravda]. Available at: https://www.kp.ru [Accessed 18/02/18].
19. *Ofitsial'nyi sait RBK* [The official website of the RBC]. Available at: https://www.rbc.ru [Accessed 18/02/18].
20. *Ofitsial'nyi sait The Russian Times* [The official website of the Russian Times]. Available at: http://therussiantimes.com [Accessed 18/02/18].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.232.4

Проблемы применения механизма приобретательной давности к бесхозяйным недвижимым вещам

Аблятипова Наталья Айдеровна

Кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РК,
Российский государственный университет правосудия, Крымский филиал,
295006, Российская Федерация, Симферополь,
ул. Павленко / пер. Студенческий, 5/2;
e-mail: ve_na2014@mail.ru

Кравцова Анастасия Алексеевна

студентка,
Российский государственный университет правосудия, Крымский филиал,
295006, Российская Федерация, Симферополь,
ул. Павленко / пер. Студенческий, 5/2;
e-mail: nastia.kravtsova@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы применения приобретательной давности к особому гражданско-правовому объекту – бесхозяйным недвижимым вещам. Проанализированы условия добросовестности владения, которые выступают обязательными для установления права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи путем использования механизма приобретательной давности, выявлены проблемы соотношения категорий владения и приобретения, а также изучены субъекты данных отношений. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в сфере регулирования отношений по приобретению права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи в силу приобретательной давности.

Для цитирования в научных исследованиях

Аблятипова Н.А., Кравцова А.А. Проблемы применения механизма приобретательной давности к бесхозяйным недвижимым вещам // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 67-74.

Ключевые слова

Приобретательная давность, бесхозяйные недвижимые вещи, добросовестность, владение, приобретение, давностное владение, право собственности, муниципальная собственность, частная собственность.

Введение

Стабильность гражданских правоотношений – это одна из важнейших целей, преследуемых гражданско-правовым регулированием, которая достигается через обеспечение стабильности гражданского оборота. В настоящее время нередки случаи, когда недвижимые вещи обретают положение бесхозяйных и создают неопределенность в гражданских правоотношениях, устранить которую позволяет институт приобретательной давности. Именно поэтому являются актуальными выявление проблемных аспектов функционирования данного механизма и его совершенствование.

Среди отечественных исследователей важную роль в изучении проблемы бесхозяйных недвижимых вещей сыграли работы Э.А. Гряды, Е.П. Чорновола и Н.Ю. Челышевой, О.И. Баженовой, Искужиной Э.С., Ишбулатова М.Г., Кондратенко З.К., Кондратенко И.Б., Елизарова А.Б., Кляус Н.В. Среди зарубежных ученых важный вклад в исследовании категории бесхозяйных недвижимых вещей внес О.А. Абрамович. Проблемы механизма приобретательной давности в отношении с бесхозяйными недвижимыми вещами характеризуется средней степенью разработанности в научной литературе, поскольку преобладают работы, где изучаются вопросы приобретательной давности в целом, либо особенности бесхозяйных недвижимых вещей, как самостоятельной категории. Часть работ исследует вопросы, имеющие только теоретическое значение, и лишь небольшое число работ посвящено именно проблемам применения приобретательной давности к бесхозяйным недвижимым вещам.

Целью исследования является рассмотрение и изучение проблемных вопросов применения приобретательной давности к особому гражданско-правовому объекту – бесхозяйным недвижимым вещам.

Особенности применения механизма приобретательной давности к бесхозяйным недвижимым вещам

Исходя из смысла ст. 225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), можно выделить две категории вещей, наделенных статусом бесхозяйных: 1) вещи, которые не имеют собственника или собственник которых неизвестен; 2) вещи, от права собственности, на которые собственник отказался, если иное не предусмотрено законами. Следует подчеркнуть, что статус второй группы бесхозяйных вещей носит условный характер. Собственник правомочен осуществить отказ от права собственности на вещь, объявив об этом, либо совершив некоторые действия, которые свидетельствуют о том, что у него отсутствуют притязания на данное имущество, он не намеревается сохранить свои вещные права и осуществлять ни одну из составляющих права собственности: владение, пользование, распоряжение. Фактически с момента осуществления указанных действий, лицо может не считать себя собственником, однако юридически до тех пор, пока другое лицо не установит право собственности на данную вещь, за лицом, осуществившим отказ, сохраняются все права и обязанности собственника.

В силу специфики бесхозяйных недвижимых вещей их судьба является неопределенной, что оказывает негативное влияние на стабильность гражданско-правовых отношений. Одним из способов сохранения данной категории вещей в гражданском обороте выступает институт приобретательной давности, однако, он не лишен проблемных аспектов. Например, существуют широкий и узкий подходы к пониманию приобретательной давности [Комаров, 2016], на

доктринальном уровне выведены разные по количеству и сущности условия, необходимые для установления права собственности в порядке приобретательной давности и ряд других проблемных вопросов [Кондратенко, 2016], заслуживающих отдельного внимания. В рамках данной работы будем придерживаться позиции, что «давность владения – это основание приобретения права частной собственности, которое основано на бесспорном и непрерывном владении в продолжении нескольких лет» [Кондратенко, 2016, 66], рассмотрим проблемные аспекты приобретательной давности сквозь призму применения ее механизма в отношении с бесхозяйными недвижимыми вещами, которые имеют важное практическое значение.

Исходя из смысла абз. 1 п. 1 ст. 234 ГК РФ, содержащего следующее положение: «Лицо – гражданин или юридическое лицо, - не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет ... приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность)», можно сделать вывод, что условие добросовестности владения выступает обязательным для установления права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи путем использования механизма приобретательной давности; вместе с этим, данное условие выступает одним из наиболее дискуссионных.

В настоящее время легальное определение добросовестности владения отсутствует, а в юридической литературе существуют разные подходы к пониманию данной категории. Например, З.К. Кондратенко отождествляет добросовестность и невиновность, считает данное условие отношением лица к основанию завладения вещью, характеризует добросовестного владельца, как «лицо, которое, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности» [Кондратенко, 2016, 67]. Несколько иной подход к пониманию добросовестности имеет Э.А. Гряда, по ее мнению, добросовестность – это не просто одно из условий, при которых допустимо установление право собственности вследствие давностного владения, а, кроме того, и элемент правообразующего сложного юридического факта – действия по завладению имуществом или владению, как факту-состоянию. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. N 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» по данному вопросу содержит следующее разъяснение: «давностное владением является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности».

С проблемой определения понятия добросовестности неразрывно связан вопрос о том, в какой момент времени должен наличествовать факт добросовестности. В науке гражданского права сложились условно две точки зрения по данному вопросу. Первая позиция состоит в том, что владение должно быть добросовестным на всем временном отрезке давностного владения, данной позиции придерживается А.В. Коновалов, А.С. Глухов, вторая позиция заключается в следующем: добросовестным должен быть только момент приобретения лицом владения вещью, ее сторонниками являются А.Д. Рудоквас, Д.С. Комаров.

По мнению Д.С. Комарова, чем больше период времени, в течение которого необходимо доказывать добросовестность, тем выше риск полного выбытия вещи из гражданского оборота, для аргументации он обращается к природе и назначению приобретательной давности, которая рассчитана для особых случаев, когда собственника вещи установить невозможно, и она оказывается у иного лица [Комаров, 2016]. Представляется, что данные аргументы оправданы потребностями современного гражданского оборота, кроме того, именно такой подход является

наиболее удачным для недвижимых бесхозяйных вещей, в силу особой специфики категории недвижимых вещей и длительного срока давностного владения ими.

Иногда при рассмотрении проблемы добросовестности, как необходимого условия приобретательной давности, в юридической науке выделяют проблему соотношения понятий «владения имуществом, как своим собственным» и «добросовестного владения», а также отграничения категорий «приобретение» и «владение». В данном контексте указывается, что, владение имуществом, как своим собственным шире, оно охватывает такие условия, как добросовестность и открытость и включает в себя владение от своего имени, исполнение обязательств, втыкающих из такого владения, меры охраны имущества. Приобретение – это одноактное действие, а владение – это процесс, который протекает во времени, добросовестность которого не зависит от способа его приобретения [Тищенко, 2017, 67].

Представляется, что данная проблема взаимосвязана с проблемой момента, на который необходимо распространять понятие добросовестности. В отношении с бесхозяйным недвижимым имуществом «владение, как своим собственным имуществом», которое включает в себя такой составной элемент, как «добросовестность владения» в первую очередь следует расценивать, как внутреннее убеждение и отношение лица к данной вещи. В силу особенностей недвижимых вещей, спорной является необходимость исполнения давностным владельцем всех обязанностей собственника. Например, собственник недвижимой вещи должен осуществлять действия, связанные с внесением сведений в соответствующие реестры. Вместе с этим, если необходимые сведения, связанные с объектом недвижимости ранее не были предоставлены в реестры, представляется несправедливым полагать давностного владельца недобросовестным, поскольку юридически он не может осуществить данные действия, представляется, что это является обязанностью юридического собственника, а не давностного владельца.

Кроме того, представляется, что именно добросовестность приобретения во владение, предопределяет добросовестность последующего владения, поскольку если момент приобретения в сознании лица является виновным или незаконным, то и все последующие действия, связанные с обладанием вещью, будут носить заведомо негативный характер. Например, если лицо не убедится в отсутствии собственника недвижимой вещи или невозможности его установления и осуществления связи с ним, то даже при надлежащем, добросовестном осуществлением иных действий по владению данной вещью, все они будут носить неправомерный характер, а, следовательно, виновный и недобросовестный. Э.А. Гряда подчеркивает, что «добросовестное приобретение является основой давностного владения» [Гряда, 2014, 2].

В этой связи следует согласиться, что необходимо разграничивать понятия приобретение во владение и непосредственно владение, а значит, и временные отрезки, соответствующие им. Думается, что для момента приобретения бесхозяйного недвижимого имущества добросовестность проявляется в осознанной объективной правомерности действий, а для момента процесса владения в бесспорности такого владения, а именно в том, что либо собственник такой вещи отсутствует, либо утратил интерес к вещи и не предпринимает никаких активных действий к возвращению такой вещи в свое владение, т.е. не имеет на нее притязаний и отказался от нее. Г.Н. Эйриян считает, что добросовестность должна проявляться в отсутствии притязаний собственника в течение пятнадцати лет к давностному владельцу, она подчеркивает: «безмолвие и бездеятельность собственника должны лежать в основе добросовестности давностного владения» [Эйриян, 2003].

Тем не менее, в науке гражданского права условие добросовестности подвергается критике,

например, Э.А. Гряда, не отрицая его применение, считает такое условие спорным и соглашается с Е.В. Василенко, что данный критерий оценочный и в силу этого субъективный [Гряда, 2014]. Существует точка зрения, что от критерия добросовестности применительно к давностному владению стоит отказаться, в силу субъективности данного критерия и отсутствия его детальной конкретизации, либо по критерию добросовестности приобретения разграничивать сроки давностного владения, а лицо, которое является недобросовестным приобретателем, может стать собственником данной вещи при увеличенном сроке давностного владения, о данных взглядах говорит в своей работе Т.С. Тищенко и не соглашается с ними, считая, что недопустимо применение приобретательной давности при неправомерности приобретения вещи в давностное владение [Тищенко, 2017].

Неразрывно с этим обстоятельством связан вопрос о том, что по своей природе и сущности есть добросовестность, в юридической науке существуют разные взгляды, согласно одним добросовестность – это презумпция, в соответствии с другими – принцип права [Комаров, 2016, 229]. Представляется, что по своей природе добросовестность в гражданском праве носит двойственный характер, в первую очередь она выступает основополагающим принципом гражданского права и устанавливает запрет на злоупотребление правом и иное ненадлежащее осуществление гражданских прав, о чем свидетельствуют положения п. 3 и п. 4 ст. 1 «Основные начала гражданского законодательства» ГК РФ: «3. При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. 4. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения». Вместе с этим, в силу того что участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, для реализации гарантий их прав и законных интересов, для удобства правоприменения в п. 5 ст. 10 «Пределы осуществления гражданских прав» ГК РФ законодатель наделил добросовестность характером презумпции, что имеет определенную логику: «5. Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются».

В силу того, что первоначально добросовестность выступает принципом гражданского права, предложения отказаться от критерия добросовестности являются несостоятельными, равно как и предложения предоставить возможность недобросовестным приобретателям при увеличенном сроке их давностного владения установить право собственности на вещь.

Вызывает определенный интерес проблема, которую поднимает в своей работе Д.С. Комаров, а именно, утрата добросовестного приобретателя – юридического лица, в случае его ликвидации, а значит, и утратой участника гражданских правоотношений. Он акцентирует внимание на том, что действующее законодательство не предусматривает нескольких субъектов для приобретательной давности, а следовательно, в ситуации, где юридическое лицо на протяжении многих лет было давностным владельцем бесхозяйной недвижимой вещи, такая вещь имеет неопределенную судьбу и существенно увеличивается угроза полного выбытия ее из гражданского оборота. Д.С. Комаров предлагает решить эту проблему путем дополнения ст. 234 ГК РФ пятым пунктом, содержащим следующее положение: «При ликвидации юридического лица, имущество, которым оно владело, но собственника которого установить невозможно и которое не было реализовано для погашения долговых обязательств, переходит во владение муниципального образования» [Комаров, 2016, 230].

Представляется, что попытка урегулировать законодательно такую проблему является рациональной, однако, вместе с этим нельзя согласиться с правильностью предложенного способа решения. Во-первых, переход во владение муниципального образования по смыслу

предложенного дополнения является возложением на муниципальное образование обязанности принятия во владение бесхозяйной недвижимой вещи, либо же если дополняется ст. 234 ГК РФ – то правопреемства в порядке давностного владения. Однако, по смыслу п. 1 ст. 234 ГК РФ давностными владельцами выступают только граждане и юридические лица, а ст. 225 ГК РФ предусматривает возможность обращения органа публично-правового образования с заявлением о принятии на учет бесхозяйных недвижимых вещей, и правомочие по истечении года обратиться в суд с требованием о признания права собственности на нее. Кроме того, установление права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь является правом публично-правового образования, но не обязанностью [Елизаров, 2010, 17].

Во-вторых, законодательное закрепление такого положения означает приоритет муниципальной собственности над частной, что противоречит конституционным положениям о равенстве всех форм собственности. Поэтому можно предложить особый порядок правопреемства бесхозяйного недвижимого имущества, давностным владельцем которого является ликвидируемое юридическое лицо путем введения для такого случая юридической конструкции, содержащей нескольких субъектов приобретательной давности – учредителей такого юридического лица, формы совместного или долевого давностного владения с целью сохранения вещи в гражданском обороте.

Заключение

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы: в настоящее время существует необходимость детализации условий приобретательной давности на законодательном уровне, легального определения добросовестности давностного владения, конкретизации проявления добросовестности на этапах приобретения бесхозяйной недвижимой вещи в давностное владение и непосредственно давностного владения, где в первом случае добросовестность должна выражаться в правомерности действий, а во втором – в бесспорности владения, что способствует устранению угрозы выбытия таких объектов из гражданского оборота и снижения субъективности условия добросовестности.

Данное обстоятельство позволяет выделить такие перспективные направления исследований, как разработка в рамках механизма приобретательной давности юридической конструкции правопреемства давностного владения несколькими субъектами при ликвидации юридического лица, правовое регулирование механизмов вовлечения в гражданский оборот отдельных видов недвижимых вещей с неопределенной судьбой.

Библиография

1. Глухов А.С. Добросовестность владения как условие приобретения права собственности в силу приобретательной давности // Российская наука в современном мире: сборник статей X международной научно-практической конференции (Москва, 30 июня 2017). Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Актуальность.РФ», 2017. С. 333-334
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017)// Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
3. Гряда Э.А. Основания приобретения права собственности по давности владения // Политематический сетевой электронный научный журнал кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 100 (06). С. 1-18.
4. Елизаров А.Б. Административно-правовой статус бесхозяйного имущества // Вестник Омской юридической академии. 2010. № 2(13). С. 6-18.
5. Комаров Д.С. Добросовестное владение как обязательное условие возникновения права собственности в силу приобретательной давности // Актуальные вопросы современного частного права: сборник научно-практических статей Всероссийской научно-практической студенческой конференции (Краснодар, 26 мая

2016). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2016. С. 228-231
6. Кондратенко З.К., Кондратенко И.Б. Условия приобретения права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи в силу приобретательной давности // Марийский юридический вестник. 2016. №2 (17). С. 66-69.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Официальный текст с изменениями, внесенными Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 г. N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ // М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 96 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. N 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // ГАРАНТ-Образование. URL: http://study.garant.ru/#/document/1795065/paragraph/52:0 (дата обращения: 02.04.2018)
9. Тищенко Т.С. Условия возникновения права собственности по давности фактического владения // Таврический научный обозреватель. 2017. № 4-2 (21). С. 65-69.
10. Эйриян Г.Н. Применение приобретательной давности к земельным участкам // Адвокат. 2003. № 7. URL: https://www.lawmix.ru/comm/3825 (дата обращения: 02.04.2018)

Problems of application of the mechanism of prescription to ownerless immovable things

Natal'ya A. Ablyatipova

PhD in Law, Associate Professor, Honored lawyer of the Republic of Crimea
Russian University of Justice, Crimean Branch,
295006, 5/2, Pavlenko st. / Studencheskii av., Simferopol, Russian Federation;
e-mail: ve_na2014@mail.ru

Anastasiya A. Kravtsova

Student,
Russian University of Justice, Crimean Branch,
295006, 5/2, Pavlenko st. / Studencheskii av., Simferopol, Russian Federation;
e-mail: nastia.kravtsova@gmail.com

Abstract

The article deals with the problematic issues of application of the Statute of limitations to a special civil object-ownerless immovable things. We analyze the conditions of integrity of the ownership, which are essential to establishing the right of ownership to ownerless immovable thing by the use of the mechanism of acquisitive prescription, the identified problems of correlation of the categories of ownership and acquisition, and explored the subjects of these relations. The proposals to improve the legislation in the field of regulation of relations on the acquisition of ownership of ownerless immovable things by virtue of the Statute of limitations are formulated.

For citation

Ablyatipova N.A. Kravtsova A.A. Problemy primeneniya mekhanizma priobretatel'noi davnosti k beskhozyainym nedvizhimym veshcham [Problems of application of the mechanism of prescription to ownerless immovable things] // *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 67-74.

Keyword

Acquisitive prescription, the ownerless immovable thing, integrity, possession, purchase, limitation, the possession, ownership, municipal property, private property.

References

1. Glukhov A.S. Dobrosovestnost' vladeniya kak uslovie priobreteniya prava sobstvennosti v silu priobretatel'noi davnosti // Rossiiskaya nauka v sovremennom mire: sbornik statei X mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 30 iyunya 2017). Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Aktual'nost'.RF», 2017. S. 333-334
2. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 29.12.2017)// Sobranie zakonodatel'stva RF, 05.12.1994, N 32, st. 3301.
3. Gryada E.A. Osnovaniya priobreteniya prava sobstvennosti po davnosti vladeniya // Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2014. № 100 (06). S. 1-18.
4. Elizarov A.B. Administrativno-pravovoi status beskhozyainogo imushchestva // Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii. 2010. № 2(13). S. 6-18.
5. Komarov D.S. Dobrosovestnoe vladenie kak obyazatel'noe uslovie vozniknoveniya prava sobstvennosti v silu priobretatel'noi davnosti // Aktual'nye voprosy sovremennogo chastnogo prava: sbornik nauchno-prakticheskikh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi studencheskoi konferentsii (Krasnodar, 26 maya 2016). Krasnodar: Nauchno-issledovatel'skii institut aktual'nykh problem sovremennogo prava, 2016. S. 228-231
6. Kondratenko Z.K., Kondratenko I.B. Usloviya priobreteniya prava sobstvennosti na beskhozyainye nedvizhimye veshchi v silu priobretatel'noi davnosti // Mariiskii yuridicheskii vestnik. 2016. №2 (17). S. 66-69.
7. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993). Ofitsial'nyi tekst s izmeneniyami, vnesennymi Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 g. № 6-FKZ, № 7-FKZ, ot 5.02.2014 g. N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ // M.: Norma: INFRA-M, 2015. 96 s.
8. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF i Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 29 aprelya 2010 g. N 10/22 «O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh v sudebnoi praktike pri razreshenii sporov, svyazannykh s zashchitoi prava sobstvennosti i drugikh veshchnykh prav» // GARANT-Obrazovanie. URL: http://study.garant.ru/#/document/1795065/paragraph/52:0 (data obrashcheniya: 02.04.2018)
9. Tishchenko T.S. Usloviya vozniknoveniya prava sobstvennosti po davnosti fakticheskogo vladeniya // Tavricheskii nauchnyi obozrevatel'. 2017. № 4-2 (21). S. 65-69.
10. Eiriyan G.N. Primenenie priobretatel'noi davnosti k zemel'nym uchastkam // Advokat. 2003. № 7. URL: https://www.lawmix.ru/comm/3825 (data obrashcheniya: 02.04.2018)

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34

Право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь

Козлова Ирина Валерьевна

Преподаватель,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевистская, 68;
e-mail: kozlova.kozlovaiv@yandex.ru

Лагутик Елизавета Александровна

Студентка,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевистская, 68;
e-mail: elizaveta_lagutik@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются понятие и содержание права на охрану здоровья, на платную и бесплатную медицинскую помощь, дается детальное описание предоставления медицинской помощи в зависимости от состояния пациента. В полном объеме раскрываются понятия данных категорий, характеризуются некоторые особенности оказания гражданам медицинских услуг, анализируются проблемы нарушения права граждан на медицинскую помощь. Обращается внимание на различные аспекты доступности и качества медицинской помощи. Описывается система тесного взаимодействия и цели Российской Федерации в области охраны здоровья граждан, также отражаются проблемы административной ответственности медицинских учреждений и должностных лиц за нарушение права граждан на охрану здоровья. Авторы делают попытку анализа приоритетного национального проекта Российской Федерации «Здоровье».

Для цитирования в научных исследованиях

Козлова И.В., Лагутик Е.А. Право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 75-80.

Ключевые слова

Медицинская помощь, право на здравоохранение, медицинская услуга, скорая помощь, здоровье человека, медицинское учреждение.

Введение

Охрана здоровья граждан в настоящее время представляет собой систему мер, реализуемых участниками правовых отношений в рассматриваемой области и направленных на конкретные цели. Определение включает в себя совокупность видов принимаемых мер, субъектов, которые обязаны осуществить эти меры, и цели, на которые эти меры направлены.

Система предусматривает тесное взаимодействие и взаимосвязанность всех входящих элементов, что представляет возможность в достаточной степени достичь стоящих целей. В систему включаются меры следующего характера: политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского.

Целями охраны здоровья граждан являются профилактика заболеваний, сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его многолетней активной жизни, оказание ему медицинской помощи. Таким образом, основной акцент делается на профилактике и предупреждении заболеваний.

Устойчивый интерес, наблюдаемый в последнее время к исследованию проблем правоприменения в медицинской сфере, объясняется прежде всего модернизацией здравоохранения как приоритетного национального проекта, выступающего важной составной частью общего социально-экономического потенциала страны. Несмотря на активизацию усилий законотворческих органов и научно-экспертного сообщества в данной области, вопросы практического применения законов на разных уровнях в данной сфере остаются малоизученными. В этой ситуации представляется важным отразить проблемы административной ответственности медицинских учреждений и должностных лиц за нарушение права граждан на охрану здоровья.

Право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь

Под охраной здоровья граждан следует понимать систему государственных мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера. Право на охрану здоровья является неотчуждаемым конституционным правом каждого гражданина.

В числе главных принципов охраны здоровья можно очертить доступность и качество медицинской помощи, соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий.

Под медицинской помощью следует понимать перечень мероприятий, направленных на поддержание или восстановление здоровья и включающих в себя оказание медицинских услуг. Указанные мероприятия осуществляются медицинскими учреждениями и классифицируются по видам, условиям и форме оказания такой помощи.

Существуют следующие виды медицинской помощи: первичная медико-санитарная помощь; специализированная, в том числе высокотехнологичная, медицинская помощь; скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь; паллиативная медицинская помощь.

Медицинская помощь может осуществляться как вне медицинского учреждения, так и в амбулаторных или стационарных условиях.

Осуществление медицинской помощи включает в себя оказание медицинских услуг, и эти два определения тесно взаимосвязаны между собой. Под медицинской услугой следует считает вмешательство или совокупность медицинских вмешательств, которые направлены на

профилактику, диагностику и лечение заболеваний. Определение сущности медицинской услуги в современном периоде имеет огромное значение в связи с развитием диапазона медицинских услуг и развитием рынка медицинских услуг.

Так как оказание медицинских услуг прежде всего связано со здоровьем гражданина и системой охраны здоровья, государство должно четко регулировать указанный вопрос. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантируется каждому гражданину Конституцией РФ (ч. 1 ст. 41). Развитие современных медицинских технологий помогает своевременному выявлению и излечению заболеваний. Результатом является эффективное и существенное повышение продолжительности и улучшение качества жизни. Большое число заболеваний, являющихся ранее неизлечимыми, в том числе онкологические, в современное время в связи с высокими достижениями в медицине являются хроническими, перестав быть приговором для человека.

Право человека на охрану здоровья и его поддержание на максимально допустимом для современного состояния уровня отражено в большинстве международных документов.

На основании Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. государства-участники признают «право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья» (п. 1 ст. 12). Право на здоровье и получение медицинской помощи нашло свое закрепление также в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г. (ст. 24). С целью охраны здоровья человека следует применять в лечении все достижения современной науки, в том числе новые медицинские технологии [Выдрин, 2017].

Ст. 18 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» уточняет конституционные гарантии. В соответствии с положениями указанной правовой нормы, право на охрану здоровья гарантируется в том числе предоставлением качественных, безопасных и доступных лекарственных средств [Зражевская, 2018].

Каждый гражданин имеет неотчуждаемое право на охрану здоровья, и это право представляет одно из приоритетных в совокупности конституционных прав граждан. Конституцией РФ закреплено, что медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения должна оказываться гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

Одно из значений отраженных в ч. 1 ст. 41 Конституции РФ норм о праве каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь заключается в том, что медицинская помощь должна быть доступной и качественной. Только с такими показателями она будет положительно влиять на здоровье человека. В другом случае медицинская помощь может оказать отрицательное влияние на здоровье человека – одно из главных конституционно защищаемых благ.

Государство Российской Федерации разрабатывает приоритетный национальный проект «Здоровье», в котором значительная роль принадлежит укреплению здоровья граждан, повышению качества и доступности медицинской помощи, а также обеспечению населения высокотехнологичной медицинской помощью. В 2007 г. наибольшее количество врачей прошли подготовку и переподготовку по своим специальностям. В регионы поставлено диагностическое оборудование в количестве более трех тысяч. По итогам 2010 г. средняя продолжительность жизни в России увеличилась до 69 лет среди мужчин и женщин. По мнению Правительства Российской Федерации, увеличение продолжительности жизни является колоссальным успехом приоритетных национальных проектов.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации были введены платные

медицинские услуги в медицинских организациях, рынок платных медицинских услуг развивается быстрыми темпами и становится все более существенной гарантией конституционного права на охрану здоровья. С одной стороны, при помощи платных медицинских услуг совершенствуется качественная медицинская помощь, с другой – имеет место быстрое сокращение числа бесплатной медицинской помощи, а неурегулированный порядок установления цен на платные медицинские услуги делает их недоступными для большего числа граждан, а это, в свою очередь, противоречит Конституции, где сказано, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на формирование условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [Зражевская, Косолапов, 2016].

Негативные процессы в сфере гарантий права на охрану здоровья взаимосвязаны с установлением завышенных цен на платные медицинские услуги разными субъектами без учета удаленности учреждения здравоохранения, имущественного положения граждан на территории определенного муниципального образования и других факторов, находящихся вне предпринимательской выгоды. Проблемы ценообразования порождаются не только действиями медицинских работников, но в первую очередь законодательством РФ, которое не учитывает социальную природу платных медицинских услуг как гарантии конституционного права на охрану здоровья.

В настоящее время существуют отдельные проблемы оказания платных медицинских услуг в сфере охраны здоровья. Так, на законодательном уровне не закрепляются основания, по которым пациент должен платить за медицинские услуги, если имеет право получить их бесплатно. К проблемам можно отнести огромные очереди, выписывание неэффективных, но дорогих препаратов, назначение излишних платных анализов, консультаций, исследований, рекомендации приобрести для лечения дорогостоящий препарат, хотя имеется более дешевый аналог и т. д.

Вторая проблема связана с порядком определения цен на платные медицинские услуги. Негосударственные медицинские организации определяют цены на предоставляемые платные медицинские услуги самостоятельно.

Проблемой является и то, что отсутствует порядок ценообразования платных медицинских услуг в государственных медицинских организациях.

Заключение

На основе проведенного анализа, следует отметить, что право граждан на медицинскую помощь в настоящее время развивается, совершенствуется. В то же время существует ряд проблем оказания платной медицинской помощи, что, соответственно, нарушает право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Решить проблемы в области оказания платных медицинских услуг можно только с помощью внесения изменений в существующее законодательство, при этом следует закрепить на законодательном уровне включение в договор на оказание платных медицинских услуг информации о возможности получения соответствующих видов и объемов медицинской помощи без взимания платы в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Также следует предоставить государственным медицинским организациям возможность установления цен.

Таким образом, ценообразование в сфере платных услуг как одна из важнейших гарантий конституционного права на охрану здоровья должно быть приведено в соответствие со статусом

социально-правового государства, которым, согласно Конституции, является Российская Федерация.

Библиография

1. Выдрин И.В. Пробелы правового регулирования применения медицинских генетических технологий в Российской Федерации как фактор нарушения конституционного права на охрану здоровья // Современное право. 2017. № 12. С. 27-33.
2. Зражевская Т.Д. Информационные гарантии конституционного права на охрану здоровья в сфере обращения лекарственных средств // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 48-51.
3. Зражевская Т.Д., Косолапов А.В. Платные медицинские услуги в бюджетных медицинских организациях в системе гарантий конституционного права на охрану здоровья // Медицинское право. 2016. № 6. С. 39-42.
4. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята Резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1979 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 25. Ст. 464.
5. Конвенция о правах ребенка: принята Резолюцией 44/25 ГА ООН от 20.11.1989 // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
6. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: принята Резолюцией № 2106 (XX) ГА ООН от 21.12.1965 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 25. Ст. 219.
7. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 (XXI) ГА ООН 16.12.1966 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 21.11.2011 № 323-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 01.11.2011: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 09.11.2011 // Российская газета. 2011.
9. Романовская О.В. Право на охрану здоровья, право на медицинскую и социальную помощь: проблемы соотношения // Социальное и пенсионное право. 2015. № 1. С. 9-14.
10. Тютюнник И.Г. Уголовно-правовая ответственность в сфере охраны здоровья граждан // Российский следователь. 2016. № 19. С. 36-39.

The right of citizens to health protection and medical care

Irina V. Kozlova

Lecturer,
Ogarev Mordovia State University,
430005, 68 Bolshevistskaya st., Saransk, Russian Federation;
e-mail: kozlova.kozlovaiv@yandex.ru

Elizaveta A. Lagutik

Student,
Ogarev Mordovia State University,
430005, 68 Bolshevistskaya st., Saransk, Russian Federation;
e-mail: elizaveta_lagutik@mail.ru

Abstract

The article analyses the concept and content of the right to health care, paid and free medical care; it gives a detailed description of the provision of medical care depending on the patient's condition. It describes the concepts of categories characterising the peculiarities of access to medical services and identifies the problems of the violation of citizens' rights to medical care. Special attention is paid to various aspects of accessibility and quality of care. The authors of the article

describe a system of close cooperation and goals in the field of protecting the health of citizens, analyse the administrative liability for violations of the rights of citizens and study of the priority national project of the Russian Federation “Health”. The results of the analysis reveal that the right of citizens to medical care is currently developing, improving. At the same time, there are some problems relating to providing paid medical care. Solving problems in this field is possible only through amending the existing legislation. The inclusion of information about the availability of the appropriate types and volumes of medical aid free of charge under the program of state guarantees of providing citizens with free medical aid in a contract for the provision of paid medical services should be fixed at the legislative level.

For citation

Kozlova I.V., Lagutik E.A. (2018) Pravo grazhdan na okhranu zdorov'ya i meditsinskuyu pomoshch' [The right of citizens to health protection and medical care]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 75-80.

Keywords

Medical care, right to health care, medical service, first aid, human health, medical institution.

References

1. Konventsiya o likvidatsii vsekh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin: prinyata Rezolyutsiei 34/180 General'noi Assamblei OON ot 18.12.1979 [Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women: adopted by UN General Assembly Resolution No. 34/180 of December 18, 1979] (1982). *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR (St. 464)* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR (Art. 464)], 25.
2. Konventsiya o pravakh rebenka: prinyata Rezolyutsiei 44/25 GA OON ot 20.11.1989 [Convention on the Rights of the Child: adopted by UN General Assembly Resolution No. 44/25 of November 20, 1989] (1993). *Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR* [Collected international treaties of the USSR], 46.
3. Mezhdunarodnaya konventsiya o likvidatsii vsekh form rasovoi diskriminatsii: prinyata Rezolyutsiei № 2106 (XX) GA OON ot 21.12.1965 [International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination: adopted by UN General Assembly Resolution No. 2106 (XX) of December 21, 1965] (1969). *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR (St. 219)* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR (Art. 219)], 25.
4. Mezhdunarodnyi pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh: prinyat rezolyutsiei 2200 (XXI) GA OON 16.12.1966 [International Covenant on Economic, Social and Social Rights: adopted by UN General Assembly Resolution No. 2200 (XXI) of December 16, 1966] (1976). *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR (St. 291)* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR (Art. 291)], 17.
5. Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 21.11.2011 № 323-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 01.11.2011: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 09.11.2011 [On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 323-FZ of November 21, 2011] (2011). *Rossiiskaya gazeta* [Russian gazette].
6. Romanovskaya O.V. (2015) Pravo na okhranu zdorov'ya, pravo na meditsinskuyu i sotsial'nuyu pomoshch': problemy sootnosheniya [The right to health protection, the right to medical and social assistance: problems of correlation]. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo* [Social and pension law], 1, pp. 9-14.
7. Tyutyunnik I.G. (2016) Ugolovno-pravovaya otvetstvennost' v sfere okhrany zdorov'ya grazhdan [Criminal liability in the sphere of the protection of citizens’ health]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 19, pp. 36-39.
8. Vydrin I.V. (2017) Probely pravovogo regulirovaniya primeneniya meditsinskikh geneticheskikh tekhnologii v Rossiiskoi Federatsii kak faktor narusheniya konstitutsionnogo prava na okhranu zdorov'ya [Gaps in the legal regulation of the use of medical genetic technologies in the Russian Federation as a factor in the violation of the constitutional right to health protection]. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 12, pp. 27-33.
9. Zrazhevskaya T.D. (2018) Informatsionnye garantii konstitutsionnogo prava na okhranu zdorov'ya v sfere obrashcheniya lekarstvennykh sredstv [Information guarantees of the constitutional right to health protection in the sphere of drugs circulation]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and procedure], 1, pp. 48-51.
10. Zrazhevskaya T.D., Kosolapov A.V. (2016) Platnye meditsinskie uslugi v byudzhetnykh meditsinskikh organizatsiyakh v sisteme garantii konstitutsionnogo prava na okhranu zdorov'ya [Paid medical services in budgetary medical organisations in the system of guarantees of the constitutional right to health protection]. *Meditsinskoe pravo* [Medical law], 6, pp. 39-42.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.1

История становления и развития института государственного долга в России

Осколкова Наталья Александровна

Магистр права,
Экстерн,
Российский государственный университет правосудия,
117418, Российская Федерация, г. Москва, улица Новочеремушкинская, дом 69;
e-mail 29062217@mail.ru

Аннотация

Целью настоящей научной работы является всестороннее исследование особенностей исторического развития института государственного долга в России на различных этапах. Для достижения поставленной цели предполагается разрешение следующих задач: во-первых, изучение ключевых элементов развития института в дореволюционный период; во-вторых, исследование особенностей его функционирования в постреволюционный (советский) период; в-третьих, анализ современной ситуации с внутренним и внешним долгом России (конец XX – начало XXI века).

По итогам анализа дореволюционного периода развития российского государства сделан вывод, что политика властей в отношении реализации института государственного долга носила разноплановый характер: в один исторический период государство активно пользовалось внешними займами, практически не возвращая их, в другой – акцентировало внимание на внутреннем развитии, минимально прибегая к помощи извне. Ключевое значение здесь играл комплекс факторов: социальная напряженность, участие либо неучастие в военных действиях, уровень экономического развития и успех внешнеполитических отношений.

Советский период характеризуется, в первую очередь, применением жестких методов регулирования института и стагнацией международных экономических отношений, участниками которых являлась Россия. Влияние этих факторов кардинально меняет отношение власти к долговой политике – например, в период Великой Отечественной войны СССР массово берет кредиты у Великобритании и США. Негативно на уровень государственного долга влияют и проблемы при реализации внутренней политики.

Современный этап развития института государственного долга характеризуется его активным использованием как на внешнем, так и на внутреннем уровне, разнообразием форм и методов реализации долговой политики. По итогам его исследования следует сделать благоприятный прогноз на дальнейшее развитие кредитно-долговых отношений государства.

Для цитирования в научных исследованиях

Осколкова Н.А. История становления и развития института государственного долга в России // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 81-89.

Ключевые слова

Государственный долг, внутренний долг, внешний долг, институт государственного долга, бюджет

Введение

Институт государственного долга является одним из наиболее существенных факторов для экономики государства как на внутреннем, так и на внешнем уровне, поскольку итогом долговой политики может стать и поступательное развитие, успешное функционирование государства, и приведение его в упадок. Так, в настоящее время общий объем государственного долга Российской Федерации превышает 11 трлн рублей – приблизительно 20% от уровня внешнего валового продукта (далее – ВВП) [Хамалинский, 2016, 32]. Для сравнения: аналогичный объем внешнего долга имеют Республика Казахстан (20%), ОАЭ (20%), Иран (18%). В числе лидеров по объемам задолженности на внешнем уровне – Япония (251%), Италия (132%), Португалия (127%) [Пахомова, 2016, 335]. Успех стран с высоким уровнем государственного долга и при этом с развитой экономикой связан с продуманной политикой властей и грамотными управленческими решениями.

Развитие института государственного долга в доревлюционный период

В общем и целом, понятие займа упоминается уже в «Русской правде». Законодательство того времени выделяет обычный (бытовой) заем; заем, совершаемый между купцами, с упрощенными формальностями; заем с самозакладом –закупничество [Сафина, 2006, www].

Традиционно ученые обращают внимание, что институт государственного долга появляется в России лишь в период XVIII-XIX веков, хотя первые попытки получить внешний займ наблюдались еще в период правления царя Михаила Федоровича – в период разложения феодально-крепостнической системы хозяйства. В частности, в числе первых обращений российского государства за иностранными заимствованиями отмечают необходимость погашения чрезвычайных расходов на ведение первой Турецкой войны (1768-1774 гг.), когда в 1769 г. российское правительство обратилось за помощью к Голландии [Сафина, 2006, www]. В этот же период была создана первая специализированная государственная структура по управлению государственным долгом – Комитет уполномоченных для производства денежных негоциаций в иностранных землях с функциями по управлению государственным долгом. В то же время возникла необходимость в легализации и внутреннего долга. Так, 1797 г. указом императора Павла I весь выпуск ассигнаций вне зависимости от целей расходования признавался внутренним долгом. Отмечается, что это был первый законодательный акт, которым государство официально признало бумажные деньги государственным долгом [Цареградская, 2016, 15].

В дальнейшем роль ассигнаций как инструмента погашения задолженностей только выросла: за период правления императрицы Екатерины II общая сумма ассигнационных рублей составляла порядка 15 млн, при этом использовались деньги в большинстве случаев для оплаты различных чрезвычайных расходов [Гоца, 2005, 20]. Что касается внешнего государственного долга, то его общий объем только увеличивался вплоть до начала царствования императора Александра I, который первым предпринял меры по сокращению внешнего государственного

долга страны. Однако из-за участия государства в нескольких войнах и нестабильного положения в Европе в целом эти попытки успехом не увенчались [Гоца, 2005, 27].

Как отмечают специалисты, именно в этот период руководством государства было принято решение сместить акцент с займов внешних на займы внутренние. В результате государство получило успешный и эффективный источник для приобретения внутренних кредитов, который позволил системе внутренних заимствований обрести широкое развитие: так, в 1810 г. общий объем внутренних заимствований составлял порядка 700 млн рублей ассигнациями, которые по-прежнему официально признавались правительством в качестве государственного долга [Гоца, 2005, 31].

В дальнейшем при императоре Александре I продолжилось совершенствование института государственного долга: были созданы специальные органы управления внутренним долгом, а в 1817 г. учреждена Государственная долговая книга, которая состояла из 3 частей: 1) для внесения долгов по внешнему займу (голландскому); 2) для внутренних срочных долгов; 3) для долгов бессрочных. Как уже отмечалось выше, лейтмотивом данного исторического периода, в противовес правлению императрицы Екатерины II, было избавление как от долгов внешних, так и от долгов внутренних. Серьезной проблемой для реализации планов стала Отечественная война 1812 г., которая вынудила правительство полностью отказаться от своих планов по скорейшей ликвидации каких-либо государственных долгов [Толстая, 2010]. Впрочем, сразу же после окончания войны государственная политика в области финансов снова возымела своей целью упорядочение и реструктуризацию задолженностей.

Вплоть до конца 50-х гг. XIX века государственный долг рос главным образом за счет внутренних заимствований из отечественных кредитных учреждений. При этом чем глубже и плотнее развивался кризис крепостничества, тем чаще правительство к нему обращалось [Гоца, 2005, 31]. Из внешних кредиторов России лидером по-прежнему оставалась Голландия, и главными целями заимствований были покрытие дефицита бюджета и обеспечение чрезвычайных расходов, связанных с участием государства в военных действиях – например, в Крымской войне [Гоца, 2005, 31].

Правление императора Александра II, в первую очередь, было связано либерализацией экономики. Так, в 1857 г. российское предпринимательство лишилось протекционистских мер, долгое время защищавших его. В итоге внешнеторговый баланс стал отрицательным, наиболее успешным способом покрытия дефицита бюджета правительство посчитало получение внешних займов. Итогом финансовой политики того периода стало то, что в число внешних должников попало не только государство, но и частные отечественные компании [Кропотов, www]. Дополнительной долговой нагрузкой государства в рассматриваемый период служили заимствования, полученные для ведения войны с Турцией. В итоге к 1881 г. общий объем внешнего долга составил 2020 млн рублей, в то время как в 1854 г. он равнялся немногим более 340 млн рублей [Кропотов, www].

Возврат к политике протекционизма произошел еще во время правления императора Александра II. Период до начала XX века характеризуется также отсутствием войн, что благополучно сказалось на российской экономике.

Финансовая политика государства в это время носила гибкий и уравновешенный характер, в отношении государственных заимствований велась работа по консолидации и конверсии займов с целью уменьшения нагрузки их обслуживания. Возросла ценность и российских долговых обязательств. Поэтому, несмотря на общий рост внешней задолженности до 2,4 млрд

рублей, доходная часть отечественного бюджета росла быстрее, а экономика – укреплялась и стабилизировалась [Гоца, 2005, 32].

Русско-японская война 1905-1907 гг. происходила в период правления последнего российского императора Николая II. Традиционно историки отмечают, что эта война оказала крайне негативное воздействие на отечественную экономику, в том числе это касалось и долговой политики. Общая сумма займов у Германии и Франции достигла 2 млн рублей. Негативно сказывалась и социальная напряженность: население было недовольно политикой государства, не поддерживало участие в войне и значительные финансовые затраты на это. В итоге бумажные деньги стали массово обмениваться на золото, что едва не привело к отмене золотого стандарта. Кроме того, из кредитных учреждений стали массово изыматься денежные вклады, что в итоге в очередной раз поставило вопрос о необходимости получения внутренних или внешних займов. К слову, сложная экономическая ситуация стала одной из причин переворота 1917 г [Кропотов, www].

Однако если абстрагироваться от сложной военно-политической обстановки и вернуться к анализу финансовых отношений, важно отметить, что по-прежнему российские займы пользовались популярностью за рубежом, например, во Франции. Особенно французские банки стали популярны у российского правительства в период нарастания напряженности в отношениях с немецкими властями [Кропотов, www].

К концу правления императора Николая II финансовая система России с помощью займов получила достаточно устойчивый и стабильный уровень развития. Объем внешних займов продолжал оставаться высоким, однако в разы быстрее росла доходная часть бюджета, и в итоге на ежегодное обслуживание государственного долга тратилось только 5,5% дохода. Заимствования на внутреннем уровне развивались не так успешно и быстро, как на внешнем, но оставались достаточными для удовлетворения потребностей населения и государства [Цареградская, 2016, 13].

Таким образом, подводя итог рассмотрению первого этапа исторического развития, стоит отметить, что политика российского государства в отношении внешних и внутренних заимствований не была единообразной, что, безусловно, по-разному сказывалось на развитии страны. В зависимости от того, какие цели стояли перед государством в конкретный исторический период, какие задачи стремилось решать руководство страны, менялись и методы государственной политики в данной сфере. Ряд управленческих действий специалистами обоснованно признаются как радикальные, без стремления придерживаться «золотой середины». Однако необходимо отметить стремление власти эффективно использовать возможности внутренних заимствований (это четко прослеживается на примере использования ресурсов кредитных организаций), а также заботу о сохранении позиций государства во внешнеэкономических отношениях.

Развитие института государственного долга в советский и постсоветский период

Исследуя советский период развития института государственного долга, ученые, прежде всего, делают вывод о том, что правовое регулирование государственного долга в данный период характеризуется использованием радикальных методов управления государственным долгом. В частности, советское правительство выбрало метод аннулирования долговых

обязательств, отказавшись от уплаты по всем государственным займам, как внешним, так и внутренним, заключенным царским и Временным правительствами, что затруднило дальнейшее развитие международных долговых отношений [Цареградская, 2016, 28].

Итак, после обнуления в 1918 г. внешнего государственного долга (Декрет «Об аннулировании государственных займов») правительством было принято решение об абсолютном отказе от разного рода внешних заимствований. Именно это в дальнейшем послужило причиной того, что Россия оказалась в кредитной блокаде. В первую очередь свой протест законодательному акту выразили Франция и Великобритания. После Рапалльского договора с Германией кредитная блокада была частично прорвана. Россия начинает получать краткосрочные кредиты под импорт и под экспорт (в сущности, последние представляют авансовые платежи). Постепенно срок этих кредитов удлиняется, как и расширяется страновой круг кредиторов. У СССР образуется внешний госдолг. На конец 1926 г. он составляет 210 млн руб. (150 под импорт и 60 под экспорт) [Кропотов, www].

Аннулирование внутренних займов было произведено чуть позже, чем аннулирование займов внешних, – Декретом 1919 г. «Об аннулировании облигационных займов и всех долгов бывших земских и городских самоуправлений» [Цареградская, 2015, 29].

Для достижения успеха на внутреннем рынке были предприняты шаги по выпуску привлекательных для населения займов [Кропотов, www]. Для удовлетворения потребностей граждан были также выпущены сахарные и хлебные натуральные займы – первая попытка советского государства организованного проведения займа у населения, поскольку дал возможность временно приостановить выпуск денежных знаков [Цареградская, 2015, 31].

Общая политика советского государства по-прежнему оставалась непримиримой к каким-либо разновидностям государственных задолженностей. Даже участие России в Генуэзской и Гаагской конференциях, в ходе которых представители ряда европейских держав пытались убедить руководство РСФСР в обратном, не привело к желаемым результатам. Специалисты отмечают, что внешние займы рассматривались как элемент экономического порабощения России, поэтому абсолютно отвергались советской делегацией [Смушков, 1925]. Вместе с тем, как отмечает Ю.К. Цареградская, не исключались отдельные случаи корпоративного кредитования России со стороны иностранных компаний.

Глобальным образом на объем внешнего государственного долга страны повлияла Вторая мировая война. В первую очередь затраты шли именно на эту статью расходов: ввоз сырья, оружия, продовольствия, гражданской техники, медикаментов, а также иных импортных товаров военного назначения. Уровень внешнего долга значительно вырос. Основными кредиторами СССР в этот период были Великобритания и США, куда активно поставлялось советское золото. Однако общий объем задолженности перед этими государствами не представляется возможным подсчитать.

Одна из основных статей доходов советского государства в послевоенный период – получение репараций с Германии, Австрии и Финляндии. Уже с начала 60-х гг. XX в. произошло возвращение к внешним заимствованиям, и СССР в полной мере вернулся на международный кредитный рынок [Кропотов, www]. Полученные от зарубежных кредиторов суммы пошли, прежде всего, на оплату поставок оборудования для химической и легкой промышленности [Попова, 2004, 33].

Со второй половины 80-х гг. XX в. оплачивать кредиты для СССР стало проблематично, и уже с 1985 г. бюджет государства был дефицитным. Свой вклад в наращивание внешнего долга

внесла проводившаяся экономическая политика, не обеспеченная соответствующими ресурсами. Развитию экономического кризиса способствовали и другие факторы: непродуманная антиалкогольная кампания, приведшая к потере значительных доходов бюджета (на алкогольные напитки приходилось до трети оборота продовольственных товаров), ошибочная финансовая политика (сохранение огромных дотаций неэффективным производствам и т.п.), усиливавшая инфляционные процессы [Попова, 2004, 44]. На момент распада СССР в 1991 г. общая сумма внешней задолженности составила порядка 31 млрд долларов [Кропотов, www]. В наследство новому государству, согласно условиям Беловежского соглашения, перешли и долги СССР. При этом дополнительно к основному долгу в число общей задолженности традиционно входят и неуплаченные проценты. Лишь в 1992-1993 гг. кредиторы согласились не учитывать факт неуплаты [Кропотов, www].

Специалисты отмечают неоднозначный и спорный характер переложения долгов СССР на Российскую Федерацию, так как есть сомнения, что подобное правопреемство было оформлено надлежащим образом.

Предлагаемый в 2001 г. членами Совета Федерации В.П. Никитиным и С.Ю. Глазьевым законопроект «О государственном внешнем долге и внешних активах бывшего СССР, полученными Российской Федерацией в качестве государства-правопреемника СССР» хоть и поднимался на обсуждение, но не принят и в настоящее время. Помимо юридических особенностей переоформления государственной задолженности, предлагаемый документ также определял структуру системы управления долгами и активами бывшего СССР, особенности урегулирования международных долговых и имущественных обязательств Российской Федерации как правопреемника СССР, а также некоторые иные проблемные аспекты. Вполне возможно, что принятие соответствующего документа позволило бы в большей степени разрешить споры о невозможности переложения государственного долга СССР на Российскую Федерацию, а также ответить на другие вопросы.

Новая Россия активно кредитуется и перекредитуется на внешних рынках. В число кредиторов входят международные финансовые организации: Международный валютный фонд, Всемирный банк, иные. На 1 января 2016 г., по данным Министерства финансов Российской Федерации, уровень внешнего долга был равен 50 млн долларов. ВВП России за 2015 г. составил 80 млрд рублей [Кропотов, www], что позволяет делать выводы о дальнейшей благоприятной статистике по внешним кредитным отношениям страны.

Иными словами, подводя итог рассмотрению данного этапа исторического развития, нужно отметить его более стабильный характер (в сравнении с этапом, рассмотренным параграфом ранее), а также меньшую зависимость от внешних кредиторов. Это, например, позволило до середины XX в. практически не использовать внешние государственные заимствования. В настоящее время российское государство находится на качественно новом этапе долговых отношений, который характеризуется, во-первых, высоким уровнем финансовой независимости России от других государств. Во-вторых, сейчас российское государство может позволить себе «списать» долги некоторых государств в тех отношениях, где Российская Федерация выступает кредитором. В-третьих, Россия минимально получает поддержку от международных финансовых организаций, целиком и полностью обеспечивая собственное существование и развитие самостоятельно.

Заключение

Таким образом, история развития института государственного долга в России включает в себя три исторических этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. Каждый из представленных этапов характеризуется присущими только ему особенностями, и на основе их выделения можно сделать вывод о ситуации с отечественным государственным долгом в целом.

Так, по итогам анализа дореволюционного периода развития российского государства сделан вывод, что политика властей в отношении реализации института государственного долга носила разноплановый характер: в один исторический период государство активно пользовалось внешними займами, практически не возвращая их, в другой – акцентировало внимание на внутреннем развитии, минимально прибегая к помощи извне. Rлючевое значение здесь играл комплекс факторов: социальная напряженность, участие либо неучастие в военных действиях, уровень экономического развития и успех внешнеполитических отношений.

Советский период характеризуется, в первую очередь, применением жестких методов регулирования института и стагнацией международных экономических отношений, участниками которых являлась Россия. Влияние этих факторов кардинально меняет отношение власти к долговой политике – например, в период Великой Отечественной войны СССР массово берет кредиты у Великобритании и США. Негативно на уровень государственного долга влияют и проблемы при реализации внутренней политики.

Современный этап развития института государственного долга характеризуется его активным использованием как на внешнем, так и на внутреннем уровне, разнообразием форм и методов реализации долговой политики. По итогам его исследования следует сделать благоприятный прогноз на дальнейшее развитие кредитно-долговых отношений государства.

Библиография

11. Гоца Н.В. Формирование государственного долга России и его динамика в дореформенный период (конец XVIII – первая половина XIX вв.) : автореф. дисс. к.э.н., Москва, 2005. 32 с.
12. Кропотов О. Долги России от первых Романовых до наших дней. Часть 1: Русское царство и Российская империя [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fhistrf.ru%2Fbiblioteka%2Fbook%2Fdolghi-rossii-ot-piervykh-romanovykh-do-nashikh-dniei-chast-1-russkoie-tsarstvo-i-rossiiskaia-impieriia&cc_key=
13. Кропотов О. Долги России от первых Романовых до наших дней. Часть 2: СССР и Российская Федерация [Электронный ресурс] https://histrf.ru/biblioteka/book/dolghi-rossii-ot-piervykh-romanovykh-do-nashikh-dniei-chast-2-sssr-i-rossiiskaia-fiedieratsiia
14. Покачалова Е.В. Публичный долг: теоретические и практические аспекты российского финансового права : автореф. дисс. д.ю.н., Саратов, 2007. [Электронный ресурс] http://www.dissercat.com/content/publichnyi-dolg-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-rossiiskogo-finansovogo-prava
15. Попова Г.В. Государственный кредит и госдолг: Учеб. пособие/ РГЭУ «РИНХ». Ростов-н/Д , 2004. С. 269.
16. Сафина С.Д. Государственные внутренние займы (финансово-правовой аспект) : автореф. дисс. к.ю.н., Москва, 2006. [Электронный ресурс] http://www.dslib.net/admin-pravo/gosudarstvennye-vnutrennie-zajmy.html
17. Смушков В. Экономическая политика СССР. – М.: Пролетарий, 1925.
18. Толстая А.И. История государства и права России: Учебник для вузов (3-е издание, стереотипное). — М.: Юстицинформ, Омега-Л, 2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
19. Хамалинский И.В. Государственный долг Российской Федерации: современное состояние // Вестник международного института экономики и права. 2017. № 1. С. 32-46.
20. Цареградская Ю.К. Особенности правового регулирования государственного долга в советский период (1918-1940 гг.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 4. С. 28-32.
21. Цареградская Ю.К. Правовое регулирование государственного долга России как института в системе финансового права : автореф. дисс. д.ю.н., Москва, 2016. 48 с.

History of formation and development institute of public debt in Russia

Natalya A. Oskolkova

MS in Law,
Ekstern,
Russian state university of justice,
117418, Moscow, Novocheremushkinskaya St., Building 69, Russia;
e-mail 29062217@mail.ru

Abstract

The purpose of this scientific work is a comprehensive study of the features of the historical development of the institution of public debt in Russia at various stages. To achieve this goal, the following tasks are supposed to be solved: first, the study of the key elements of the development of the institute in the pre-revolutionary period; second, the study of the features of its functioning in the post-revolutionary (Soviet) period; thirdly, an analysis of the current situation with Russia's internal and external debt (late XX early 21st century).

According to the analysis of the pre-revolutionary period of the development of the Russian state, it was concluded that the policy of the authorities regarding the implementation of the institution of public debt was of a varied nature: in one historical period, the state actively used external loans, practically not returning them; in another, it focused on internal development, to help from the outside. A key factor here was a set of factors: social tension, participation or non-participation in hostilities, the level of economic development and the success of foreign policy relations.

The Soviet period is characterized, first, by the application of strict methods of regulating the institution and the stagnation of international economic relations, of which Russia was a participant. The influence of these factors drastically changes the attitude of the authorities to the debt policy - for example, during the Great Patriotic War the USSR massively takes loans from the United Kingdom and the United States. Negatively, the level of public debt is also affected by problems in the implementation of domestic policy.

The modern stage of the development of the institution of public debt is characterized by its active use both at the external and internal levels, by the variety of forms and methods of implementing debt policy. Based on the results of his research, a favorable forecast should be made for the further development of the state's credit and debt relations.

For citation

Oskolkova N.A. *Istorija stanovlenija i razvitija instituta gosudarstvennogo dolga v Rossii* [History of the formation and development of the institution of public debt in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 81-89.

Keywords

Public debt, history, internal debt, external debt

References

1. Gotsa N. In. (2005) Formirovanie gosudarstvennogo dolga Rossii i ego dinamika v doreformennyj period (konec XVIII – pervaya polovina XIX vv.) : avtoref. diss. k.e.n. [Formation of the state debt of Russia and its dynamics in the pre-reform period (late XVIII – first half XIX centuries.): author. diss. Ph. D.] Moscow, 2005. 32 p.
2. Kropotov O. Dolgi Rossii ot pervyh Romanovyh do nashih dnej. Chast' 1: Russkoe carstvo i Rossijskaya imperiya [Debts of Russia from the first Romanovs to the present day. Part 1: Russian Kingdom and Russian Empire] *[Electronic resource] URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fhistrf.ru%2Fbiblioteka%2Fbook%2Fdolghi-rossii-ot-piervykh-romanovykh-do-nashikh-dniei-chast-1-russkoie-tsarstvo-i-rossiiskaia-impieriia&cc_key=*
3. Kropotov O. Dolgi Rossii ot pervyh Romanovyh do nashih dnej. Chast' 2: Russkoe carstvo i Rossijskaya imperiya [Debts of Russia from the first Romanovs to the present day. Part 2: the Union Of Soviet Socialist Republics and the Russian Federation] *[Electronic resource] https://histrf.ru/biblioteka/book/dolghi-rossii-ot-piervykh-romanovykh-do-nashikh-dniei-chast-2-sssr-i-rossiiskaia-fiedieratsiia*
4. Pokachalova E.V. (2007) Publichnyj dolg: teoreticheskie i prakticheskie aspekty rossijskogo finansovogo prava : avtoref. diss. d.yu.n. [Public debt: theoretical and practical aspects of the Russian financial law : avtoref. aiss. d. yu. h.] *[Electronic resource] http://www.dissercat.com/content/publichnyi-dolg-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-rossiiskogo-finansovogo-prava*
5. Popova G.V. (2004) Gosudarstvennyj kredit i gosdolg: Ucheb. posobie [State credit and state debt: Studies.] *RGEU «RINH». Rostov-n/D* [Allowance/ at Rostov state economic University «RINH»]. Rostov-n / A.
6. Safina S.D. (2006) Gosudarstvennye vnutrennie zajmy (finansovo-pravovoj aspekt) : avtoref. diss. k.yu.n. [State internal loans (financial and legal aspect) : author. diss. k. yu. h.] Moscow. *[Electronic resource] http://www.dslib.net/admin-pravo/gosudarstvennye-vnutrennie-zajmy.html*
7. Sachkov V. (1925) Ekonomicheskaya politika SSSR [Economic policy of the Union Of Soviet Socialist Republics.] *Proletarij* [Proletarian] Moscow.
8. Tolstaya A.I. (2010) Istoriya gosudarstva i prava Rossii: Uchebnik dlya vuzov (3-e izdanie, stereotipnoe) [History of state and law of Russia: Textbook for universities (3rd edition, stereotyped).] *Yusticinform, Omega-L* [Yustitsinform, Omega-L]. Moscow. Access from ATP «ConsultantPlus».
9. Khamalinskii I.V. (2017) Gosudarstvennyj dolg Rossijskoj Federacii: sovremennoe sostoyanie [The public debt of the Russian Federation: current state] // *Vestnik mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava.* [Vestnik of the international Institute of Economics and Law.] № 1. Pp. 32-46.
10. Tsaregradskaya Yu. K. (2015) Osobennosti pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo dolga v sovetskij period (1918-1940 gg.) [Features of legal regulation of public debt in the soviet period (1918-1940).] *// Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo.* [News of south-west state university. Series: History and law.] №. 4. Pp. 28-32.
11. Tsaregradskaya Yu. K. (2016) Pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo dolga Rossii kak instituta v sisteme finansovogo prava : avtoref. diss. d.yu.n. [Legal regulation of the public debt of Russia as an institution in the system of financial law: author. diss. d. yu. h.] Moscow. 48 Pp.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 3.34.341;341.1.

Модернизация общественного налогового сознания, и вопросы сотрудничества государств по борьбе с транснациональными налоговыми преступлениями

Сарсембаев Марат Алдангорович

Доктор юридических наук,
профессор кафедры Международного права,
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева;
010000 Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, 2, Казахстан, Астана
e-mail: kafedra_mp@enu.kz

Мурзагалиев Ердос Чарипович

Магистр юридических наук,
старший преподаватель кафедры Международного права,
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
010000 Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, 2, Казахстан, Астана
e-mail: murzagaliev70@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме формирования общественного налогового правосознания, которое зависит от психологического восприятия гражданами в тех или иных странах в отношении реализуемой налоговой политики. От этого зависит благосостояния любого общества и государства. Так как налоговые правонарушения в последнее время выходят на первое место среди различных видов экономических правонарушений. Одна из причин их количественного роста в том, что такого рода правонарушения сложно обнаружить, а виновного бывает трудно привлечь к ответственности.

Более того, это относится к лицам, виновным в совершении налоговых преступлений. По состоянию на 1 января 2017 года в тюрьмах, колониях и СИЗО в России, содержится около 630 тысяч человек. Условия их существования непростые. Все чаще выдвигаются предложения не тратить на это огромные финансовые средства из бюджета, а применять к ним финансовые санкции. Это относится особенно к тем, кто совершают экономические преступления.

Для выработки всесторонней стратегии по профилактике и борьбе с налоговыми преступлениями необходимо разработать единый согласованный план действий, который предполагает действия правительств на национальном уровне, направленные на совершенствование уголовного и налогового законодательства. Большое значение необходимо имеет межправительственное и межгосударственное сотрудничества, способной сыграть решающую роль в деле унификации законодательных актов, развития международных стандартов и координирования действий правоохранительных органов по борьбе с налоговыми преступлениями. Цель такой работы - анализ поступающей из стран ближнего и дальнего зарубежья информации о конкретных преступлениях, а также

консультации и разъяснения странам о законодательстве по борьбе с организованной преступностью в области налогового правонарушения. Применения и исполнения наказания за такие преступления. Кроме того, важной задачей является обновление сведений, подготовка методических материалов для обучения личного состава правоохранительных органов, занимающихся раскрытием дел об организованной преступности в сфере международного налогообложения.

Для цитирования в научных исследованиях

Сарсембаев М.А. Мурзагалиев Е.Ч. Модернизация общественного налогового сознания, и вопросы сотрудничества государств по борьбе с транснациональными налоговыми преступлениями // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 90-97.

Ключевые слова

Модернизация, транснациональное налоговое преступление, налоговое право, индивидуальное налоговое сознания, общественное налоговое сознания, эффективность налогового права.

Введение

Там, где юридические лица платят налоги за себя и за своих работников автоматически, проблем с выплатой налоговых сумм практически не возникает. Другое дело, когда состоятельные и иные физические лица пытаются уйти от налогообложения в своей стране, перевести свои прибыли в другие страны, оффшорные зоны, тем самым не платить налоги, возникает вопрос: почему так происходит? В поисках ответа на данный вопрос есть смысл обратить внимание на проблему ненадлежащего общественного налогового сознания.

Основной раздел

Общеизвестно, что в обществе есть устойчивое мнение о том, что если есть какая-то возможность не платить налогов, то те или иные граждане стремятся не платить их и порой считают такое экономическое поведение социально приемлемым. Тем самым в обществе закрепляется мысль и мнение, что налоги платят граждане, не умеющие или не желающие играть в налоговые игры с государством. Исследуем причины, почему так происходит.

Во-первых, по мнению авторов, в рамках системы государственных закупок Республики Казахстан недостаточно прозрачности, в этих условиях необходимо не только предоставлять информацию о закупках, но и об их социальной и экономической эффективности, в том числе в развитие инфраструктуры. В этом случае неплатежи будут представлять собой общественно порицаемое поведение. Таким образом, по мнению авторов, постепенно можно повернуть общественное и индивидуальное налоговое сознание в сторону обязательности уплаты всеми всех установленных законодательством налогов.

Во-вторых, повороту общественного налогового сознания в законопослушное русло могло бы способствовать внедрение различных форм взаимодействия населения и государственных органов власти, в ходе которых граждане могли бы реально ставить вопросы о целях и направлениях использования денег налогоплательщиков и требовать отчета об их рациональном использовании в конце того или иного квартала или календарного года. Было бы целесообразно

комплектовать общественные советы при государственных органах из числа компетентных и активных представителей гражданского общества.

В-третьих, законопослушное общественное налоговое сознание формируется не только с помощью грамотно организуемой и проводимой информационно-пропагандистской работы в этом направлении. Наши правоохранительные органы не совсем активно борются с налоговыми правонарушениями и преступлениями. Между тем, такая работа должна проводиться повсеместно, последовательно и настойчиво. Думается, есть смысл создать специализированную налоговую полицию, которая должна состоять не только из выпускников юридических, но и финансово-экономических высших учебных заведений, имеющих достаточный стаж работы бухгалтерской, финансовой, организационно-экономической работы в сфере деятельности хозяйствующих субъектов, налоговых учреждений. Функцией такой полиции во внутренней сфере могло бы стать обеспечение надлежащей уплаты налогов всеми юридическими и физическими лицами страны всех установленных законом налогов. Во внешней сфере налоговая полиция могла бы обеспечивать розыск и нахождение с помощью Интерпола, с помощью правоохранительных органов соответствующих стран на основе двусторонних и региональных соглашений и конвенций о сотрудничестве по уголовным и гражданским делам переведенных активов, миллионных и миллиардных финансовых средств, переведенных гражданами в тихие гавани оффшорных зон в целях избежания существенных солидных сумм налогов в доход государства. Такие действия налоговой полиции и иных правоохранительных органов необходимо сопровождать разнообразной информацией о том, что в западных странах неуплата налогов считается тяжким преступлением, что за неуплату налогов привлекаются к ответственности не только обычные граждане, но и лица, занимающие солидные должности, могущие откупиться, имеющие большое влияние. Достаточно сказать, что за неуплату налогов достаточно жестко был наказан один из наиболее титулованных футболистов современности Лионель Месси. Аль-Капоне был посажен в тюрьму обычным налоговым инспектором за неуплату налогов. И в нашем государстве такие наказания за неуплату налогов, невзирая на общественное положение человека, должны стать обычным явлением.

В-четвертых, возрастание общественного и индивидуального налогового сознания зависит от степени изучения положений и норм Налогового кодекса страны, в целом налогового законодательства. Государство в лице Налогового комитета (Департамента государственных доходов) должно выпускать тексты Налогового кодекса, налогового законодательства большими тиражами на государственном, русском и английском языках, в них же прописать название Интернет-ресурса Налогового комитета или Департамента с тем, чтобы пользователи, зайдя на этот Интернет-ресурс всегда могли бы найти тексты всех кодексов, законов, иных нормативных правовых актов по налоговому законодательству. Налоговый комитет (Департамент) должен оперативно вносить все изменения, дополнения, поправки в тексты налогового законодательства республики. Желательно, чтобы Налоговый комитет имел рубрику вопросов и ответов по годам с тем, чтобы любой заинтересованный пользователь мог зайти на эту рубрику, оставить свой вопрос и уже на второй день мог бы иметь профессиональный высококвалифицированный ответ соответствующего подразделения Налогового комитета или Департамента государственных доходов.

Изучение налогового законодательства возможно через научно-практические комментарии Налогового кодекса республики, иных налоговых нормативных актов. Одним из профессиональных постатейных комментариев можно назвать Комментарий к Налоговому

кодексу под редакцией Е.В. Порохова [Порохов, Подопригора, Бабкин, Камалетдинов, 2009].

По мнению авторов было бы желательно текст такого Комментария иметь не только в бумажном, но и в электронном варианте, который оперативно обновлялся бы по мере внесения изменений и дополнений в Налоговый кодекс. Данный Комментарий с помощью электронного текста мог бы конкурировать с Комментарием к тому же Налоговому кодексу Департамента государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан. Пользователи таким образом могли быть в курсе не только новых или видоизмененных статей, но и комментариев по каждой из них. Авторы Комментария могли бы анализировать причины, по которым законодателем было решено внести поправки в Налоговый кодекс республики. Пользователи должны быть уверены, что в любой день своего вхождения на сайт они имеют дело с самыми последними поправками к тексту данного Кодекса и комментариями к ним. Они же могут сравнивать уровень комментирования налогового законодательства в Казахстане и других государствах. В частности, в России вышел в свет добротный Комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации [Ксьянова, Чистякова, 2015].

В Казахстане и России за последние 25 лет суверенного развития вышли в свет учебники и учебные пособия по вопросам налогового права [4]. Эти учебники адресованы студентам юридических и экономических учебных заведений. Но их могут читать и другие заинтересованные читатели. Разумеется, для населения и студентов и учащихся других учебных заведений желательно писать и издавать упрощенные для понимания научно-популярные книги по вопросам налогового права, в целом налогообложения. Пониманию вопросов налогообложения и налогового права способствуют и работы по международному налоговому праву, в частности, работы в этой сфере казахстанского ученого Е.Ч. Мурзагалиева [Мурзагалиев, 2012], российского ученого И.И. Кучерова [Худяков, 2012].

Если всех этих организационно-политических, организационно-правовых мер по поднятию общественного налогового сознания для некоторой части населения окажется недостаточным и граждане этой части будут продолжать не платить налоги, скрывать свои доходы, чтобы уйти от налогообложения, то такое низкое сознание государство будет вынуждено поднимать с помощью административно-правовых и уголовно-правовых мер. Для начала до сознания таких граждан следует довести содержание статьи 205 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года, которая предусматривает наказание за «неполную и (или) несвоевременную уплату неналоговых платежей и поступлений от продажи основного капитала в бюджет», статей 246 и 246-1 за нарушение порядка проведения аудита по налогам, а также статьи 244 «Уклонение гражданина от уплаты налога и (или) других обязательных платежей в бюджет», статьи 245 «Уклонение от уплаты налога и (или) других обязательных платежей в бюджет с организаций», статьи 246 «Незаконные действия в отношении имущества, ограниченного в распоряжении в счет налоговой задолженности налогоплательщика» Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года, предусматривающие различные сроки лишения свободы. Не будет лишним довести до их сведения правоприменительную практику этих и других статей административного и уголовного законодательства страны, статистику осужденных лиц по данным статьям.

К сожалению, на международной арене практически нет многосторонних международных конвенций об ответственности лиц в налоговой сфере. Имеющиеся двусторонние соглашения и конвенции по избежанию двойного налогообложения и предотвращению уклонения от налогообложения в отношении налогов на доход носят преимущественно организационный, профилактический характер, не имеют прямого отношения к ответственности. Было бы

желательно, чтобы Республика Казахстан выступила в качестве инициатора и участника в разработке многосторонней конвенции об установлении ответственности в международной налоговой сфере. Подписание и ратификация такой конвенции почти 200 государствами-членами ООН стало бы одним из мощных средств борьбы против увода капиталов в оффшорные зоны, ликвидации оффшорных зон, стало бы основанием совместной борьбы государств против укрывательства доходов и налогов, основанием раскрытия данных о доходах и налогах, основанием преследования в каждой стране любых лиц, совершивших административные правонарушения и уголовные преступления налогового характера. Такая международная конвенция могла бы резко поднять правовое налоговое сознание тех лиц, которые укрывают свои доходы за пределами Казахстана и тем самым уходят от налогообложения. Одновременно следует проводить грамотную информационно-пропагандистскую работу, адресованную этим лицам. В разных вариациях необходимо напоминать, что оффшорные зоны не являются существенной гарантией сохранности капиталов: пример тому Кипр, который просто взял и экспроприировал практически все иностранные капиталы. Ни одна из стран не стала защищать интересы владельцев этих капиталов. Тайна нахождения выведенных капиталов в оффшоры становиться явным благодаря разоблачающим действиям «WikiLeaks». Поскольку понятно, что капиталы можно преумножать, как правило, с помощью экономики собственной страны (в других странах более жесткая конкуренция), то и капиталы надо накапливать в своей стране и использовать их и отчисляемые налоги на благо своей страны. Работодателям надо увеличивать заработные платы своим сотрудникам, которые в свою очередь будут платить существенные налоги, им (работодателям) следует расширять поле благотворительности, поле по предоставлению грантов для ускоренного развития науки и техники, для реализации социальных проектов. Чем больше будет состоятельных людей в обществе, тем больше будет потребителей товаров, чем выше товарооборот, тем выше экономика, тем больше прибылей для работодателей, для владельцев крупных капиталов, на порядок превышающих суммы уплачиваемых налогов. Говоря другими словами, простое накопительство капиталов за рубежом не приносит пользы ни их владельцам, ни населению страны. Именно на это и указывал Президент Республики Казахстан, призывая вернуть капиталы в страну.

Заключение

Специалисты отмечает о необходимости ужесточение санкции к тем лицам, которые умышленно уклоняются от уплаты налогов, нанося тем самым огромный экономический ущерб бюджету государства. Поэтому в научном сообществе много лет дискутируется вопрос о внесении в санкции ряда статей, предусматривающих ответственность за налоговые преступления такого дополнительного наказания, как конфискация имущества.

Применение такого наказания было бы справедливым и достигло бы тех целей, которые указаны в уголовном законе будто в России или в Казахстане – предупреждение совершения новых налоговых преступлений, восстановление социальной справедливости, и исправление осужденного.

Библиография

1. Число заключенных в России к началу 2017 года достигло исторического минимума. http://www.interfax.ru/russia/553191
2. Комментарий к Налоговому кодексу Республики Казахстан (общая часть и налоговое администрирование) по

состоянию на 1 сентября 2009 г. / Е.В. Порохов, Р.А. Подопригора, С.Б. Бабкин, Р.К. Камалетдинов и др. – Алматы: НИИ финансового и налогового права, 2009. - 696 с.
3. Комментарий к Налоговому кодексу Российской Федераций, В.Р. Дворецкий, Т.Н. Межуева, К.А. Либерман, О.И. Долгополов, И.А. Феоктистов, Ф.Н .Филина Под редакцией А.В. Касьянова, Л.В.Чистяковой. – Москва. – 2015.
4. Кучеров И.И. Международное налоговое право (Академический курс): Учебник. М.: ЗАО «ЮрИнфор», 2007. – 452 с.; Кучеров И.И. Налоговое право России. - М.: ЮрИнфо, 2001. – 543 с.
5. Мурзагалиев Е.Ч. Проблемы ответственности в международном налоговом праве. Монография // Астана: ТОО «Мастер ПО», 2012. - 212 с.
6. Худяков А.И. Налоговое право РК. – Алматы. - 2003. Общая часть. - 512 с.; Алибеков С.Т. Налоговое право Республики Казахстан (Общая и Особенная части): Учебник. — Алматы: Нур-пресс, 2007. — 210 с.; Налоговое право России. Еналеева И.Д., Сальникова Л.В. Учебник. – Москва. - 2006. — 314 с.
7. Nar M. The effects of behavioral economics on tax amnesty //International Journal of Economics and Financial Issues. – 2015. – Т. 5. – №. 2.
8. Coman R. M. " The presumption of guilt" in the investigation of tax evasion crimes //Juridical Tribune/Tribuna Juridica. – 2018. – Т. 8. – №. 1.
9. Kasper M., Kogler C., Kirchler E. Tax policy and the news: An empirical analysis of taxpayers' perceptions of tax-related media coverage and its impact on tax compliance //Journal of Behavioral and Experimental Economics. – 2015. – Т. 54. – С. 58-63.
10. Schneider F., Raczkowski K., Mróz B. Shadow economy and tax evasion in the EU //Journal of Money Laundering Control. – 2015. – Т. 18. – №. 1. – С. 34-51.

Modernization of public tax consciousness and issues of states cooperation against transnational tax crimes

Marat A. Sarsembayev

Doctor of Law,
Professor of International Law,
Eurasian National University named after L.N. Gumilev,
010000 Kazakhstan, Astana, ul. Satpayev, 2;
e-mail: kafedra_mp@enu.kz

Erdos C. Murzagaliev

Master of Laws,
senior lecturer of the Department of International Law,
Eurasian National University named after L.N. Gumilev,
010000 Kazakhstan, Astana, ul. Satpayev, 2;
e-mail: murzagaliev70@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of formation of public legal tax consciousness, which depends on the psychological perception of citizens in those or other countries with respect to the tax policy being implemented. It depends on the welfare of any society and state. Since tax violations recently come to the forefront among several types of economic offenses. One of the reasons for their quantitative growth is that it is difficult to detect such offenses, and the perpetrator can be difficult to bring to justice. Moreover, this applies to persons guilty of committing tax crimes. As of January 1, 2017, there are about 630,000 people in prisons, colonies and pre-trial detention centers

in Russia.

The conditions of their existence are not simple. Increasingly, proposals are being made not to spend massive amounts of money from the budget on this, instead it's suggested to engage financial sanctions to them. This applies especially to those who commit economic crimes.

To develop a comprehensive strategy for the prevention and combating of tax crimes, it is necessary to develop a single coordinated plan of action, which presupposes the actions of governments at the national level aimed at improving criminal and tax legislation. Of immense importance is intergovernmental and interstate cooperation, which can play a decisive role in the unification of legislative acts, the development of international standards and the coordination of law enforcement agencies in the fight against tax crimes. The purpose of this work is the analysis of information coming from countries of near and far abroad on specific crimes, as well as advice and explanations to countries on legislation to combat organized crime in the field of tax offense. The application and execution of punishment for such crimes. In addition, an important task is to update information, prepare methodological materials for training law enforcement personnel involved in the disclosure of cases of organized crime in the field of international taxation.

For citation

Sarsembayev M.A. Murzagaliev E.C. Modernizacija obshhestvennogo nalogovogo soznanija, i voprosy sotrudnichestva gosudarstv po bor'be s transnacional'nymi nalogovymi prestuplenijami [Modernization of public tax consciousness, and issues of cooperation of states in combating transnational tax crimes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 90-97.

Keywords

Modernization, application of punishment, execution of punishment, tax law, individual tax consciousness, public tax consciousness, efficiency of tax law.

References:

1. Chislo zaklyuchennyh v Rossii k nachalu 2017 goda dostiglo istoricheskogo minimuma. [The number of prisoners in Russia by the beginning of 2017 reached a historical minimum]. http://www.interfax.ru/russia/553191
2. Kommentarij k Nalogovomu kodeksu Respubliki Kazahstan (obshchaya chast' i nalogovoe administrirovanie) po sostoyaniyu na 1 sentyabrya 2009 g. [Commentary on the Tax Code of the Republic of Kazakhstan (general part and tax administration) as of September 1, 2009] / E.V. Porohov, R.A. Podoprigora, S.B. Babkin, R.K. Kamaletdinov i dr. – Almaty: NII finansovogo i nalogovogo prava, 2009. - 696 s [Almaty: Institute of Financial and Tax Law, 2009. - 696 p.].
3. Kommentarij k Nalogovomu kodeksu Rossijskoj Federacij [Commentary to the Tax Code of the Russian Federation], V.R.Dvoreckij, T.N.Mezhueva, K.A.Liberman, O.I.Dolgopolov, I.A.Feoktistov, F.N.Filina Pod redakciej A.V.Kas'yanova, L.V.CHistyakovoj. – Moskva. – 2015.
4. Kucherov I.I. Mezhdunarodnoe nalogovoe pravo (Akademicheskij kurs): Uchebnik. M.: ZAO «YUrInfor», 2007. – 452 s. [International Tax Law (Academic course): Textbook. M .: ZAO YurInfor, 2007. - 452 p]; Kucherov I.I. Nalogovoe pravo Rossii. - M.: YUrInfo, 2001. – 543 s [Kucherov II Tax law of Russia. - Moscow: YurInfo, 2001. - 543 p].
5. Murzagaliev E.CH. Problemy otvetstvennosti v mezhdunarodnom nalogovom prave. Monografiya // Astana: TOO «Master PO», 2012. - 212 s. [Problems of responsibility in international tax law. Monograph // Astana: "Master Software" LLP, 2012. - 212 p.]
6. Hudyakov A.I. Nalogovoe pravo RK. – Almaty. - 2003. Obshchaya chast'. - 512 s. [Tax Law of the Republic of Kazakhstan. - Almaty. - 2003. The general part. - 512 s]; Alibekov S.T. Nalogovoe pravo Respubliki Kazahstan (Obshchaya i Osobennaya chasti): Uchebnik. — Almaty: Nur-press, 2007. — 210 s.; Nalogovoe pravo Rossii. Enaleeva I.D., Sal'nikova L.V. Uchebnik. – Moskva. - 2006. — 314 s [Tax law of Russia. Enaleeva ID, Salnikova L.V. Textbook. - Moscow. - 2006. - 314 p.].
7. Nar, M. (2015). The effects of behavioral economics on tax amnesty. *International Journal of Economics and Financial*

Issues, *5*(2).
8. Coman, R. M. (2018). " The presumption of guilt" in the investigation of tax evasion crimes. Juridical Tribune/Tribuna Juridica, 8(1).
9. Kasper, M., Kogler, C., & Kirchler, E. (2015). Tax policy and the news: An empirical analysis of taxpayers' perceptions of tax-related media coverage and its impact on tax compliance. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, *54*, 58-63.
10. Schneider, F., Raczkowski, K., & Mróz, B. (2015). Shadow economy and tax evasion in the EU. *Journal of Money Laundering Control*, *18*(1), 34-51.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.9

Эффективность предупреждения коррупционных преступлений

Кулакова Мария Николаевна

Ведущий специалист,
Арбитражный суд Волго-Вятского округа,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
Нижегородская правовая академия,
603000, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Костина, 2б;
e-mail: maria_kulakova91@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена одному из приоритетных направлений государственной антикоррупционной политики – предупреждению коррупционных преступлений. Методологическую базу составили диалектический метод познания социальных явлений и общенаучные методы. Проведено прикладное исследование с применением метода опроса в форме анкетирования граждан разного возраста, образования, рода деятельности, проживающих в различных регионах России (всего 300 респондентов). Приводится анализ содержащихся в литературе положений о предупреждении коррупционных преступлений. Поддерживаются идеи научного осмысления антикоррупционной политики, законодательного и практического применения достижений криминологической науки. В статье содержатся выводы о непроработанности концепции антикоррупционной политики и отсутствии системного противодействия коррупционным преступлениям. Результаты проведенного прикладного исследования выявили низкую эффективность антикоррупционных мер. Требуется обеспечение неотвратимости уголовной ответственности и строгости наказания за коррупционные преступления.

Для цитирования в научных исследованиях

Кулакова М.Н. Эффективность предупреждения коррупционных преступлений // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 98-109.

Ключевые слова

Коррупционные преступления, субъекты коррупционных преступлений, предупреждение, эффективность противодействия коррупции, уголовная ответственность, антикоррупционная политика, антикоррупционные меры.

Введение

Проблема эффективности предупреждения коррупционных преступлений становится все более актуальной в современных условиях, в которых характеристиками коррупционных отношений стали системность, распространенность, безнаказанность, общественная опасность, обыденность, угроза кризиса внутренней и внешней политики и т. п.

Ответственность за коррупционные преступления обусловлена уровнем их общественной опасности. Суды по требованию прокуратуры стали изымать у российских чиновников имущество в пользу государства в тех случаях, когда лица не в состоянии доказать в качестве источников легальные задекларированные доходы [У чиновников…, www]. Таким образом, конфискация in rem (положения, обязывающие подозреваемого доказывать в суде законность происхождения имущества) [Корня, Чуракова, 2015] становится актуальной и реальной.

Снизить уровень коррупции могут только неотвратимость и строгость уголовной ответственности за коррупционные преступления – а это уже задача современной уголовной политики. Сущность уголовной политики, по мнению ученых (Г.Н. Горшенкова, П.Н. Панченко, В.П. Ревина), заключается в формировании главной линии, стратегических и тактических направлений борьбы с преступностью [Горшенков, 2014, 14].

В Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» первым среди свыше двадцати основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции определено «проведение единой государственной политики в области противодействия коррупции».

Антикоррупционная политика

Политика предполагает интеграцию и организацию государственных, социальных институтов, больших масс людей в единое целое – систему противодействия коррупции. Но эта система должна рассматриваться не как нечто автономное, самостоятельное образование в системе государственного управления, а как ее составляющее звено, или подсистема [Горшенков, Иванова, 2013, 8-14].

Научные знания о коррупционных преступлениях во многом определяют антикоррупционную политику в целом и в основных ее направлениях в особенности: уголовно-правовом, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном, криминологическом [Иванова, 2012, 251].

Сущность антикоррупционной политики должна быть раскрыта в концепции, или системе взглядов на механизм политического управления системой противодействия коррупции. Эта концепция должна включать в себя следующее: способ понимания и уяснения сущности и предназначения этого механизма; цели и задачи противодействия с учетом реальности их достижения; принципы, ориентирующие субъекта управления на правовые положения, обстоятельства, которые следует учитывать при программировании, планировании деятельности.

Определение понятия «антикоррупционная политика» многими учеными сводится к мерам государства и общества [Горный, www], государственной антикоррупционной деятельности [Астанин, 2009, www; Новиков, 2009, www], в результате чего происходит подмена сущности антикоррупционной политики антикоррупционной деятельностью государства, т. е. отождествление политики и деятельности, что методологически неверно.

В последние годы в стране существенным образом активизировалось научное осмысление проводимой государственной политики в целом и ее конкретных видов, отмечается тесная взаимосвязь политики с экономикой, идеологией, культурой, моралью. Исследователи отмечают несовершенство действующей антикоррупционной политики, ее несистемный характер, оторванность от объективной реальности, недостаточное использование научных исследований и разработок по вопросам противодействия и профилактики коррупции.

Субъекты коррупционных преступлений

Одним из факторов, влияющих на эффективность предупредительного воздействия, можно назвать разнообразную трактовку субъектов коррупционного преступления. Из рабочего определения междисциплинарной группы по коррупции Совета Европы следует, что коррупция подразумевает под собой взяточничество и любое другое поведение лиц, исполняющих обязанности в государственном или частном секторе, повлекшие за собой нарушения полномочий, исходя из статуса государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента, и имеющие целью получение любых противозаконных выгод не только для себя, но и для других [Богданов, Лобзов, Гордиенко, 2014, 52].

На основе приведенного определения к субъектам коррупционных преступлений относятся лица, наделенные статусом, дающим им возможность влиять на правовое положение граждан: государственные служащие (и должностные лица); служащие органов местного самоуправления; лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях; частные нотариусы и аудиторы; сотрудники частных охранных и детективных служб; лица, подстрекающие вышеупомянутых лиц путем подкупа к нарушению своих обязанностей, возложенных на них по статусу.

В качестве основы для классификации коррупционных преступлений в научной литературе предложены следующие критерии: в зависимости от субъекта преступления деяния коррупционного характера подразделяются на совершенные должностными лицами и совершенные иными лицами; в зависимости от публичного статуса субъекта преступления деяния коррупционного характера делятся на публичные и непубличные, исходя из условий признания преступлений коррупционными.

В зависимости от наличия у субъекта, который совершил коррупционное преступление, признаков лица, принадлежащего к одной из категорий, указанной в примечаниях к ст. 285 УК (должностные лица), признаков лица, указанных в примечаниях к ст. 201 УК (лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или прочей организации), или иных лиц, коррупционные преступления необходимо классифицировать на те, которые совершаются должностными лицами, и совершенные другими лицами.

Из-за неполного охвата лиц и составов коррупционных преступлений уголовное законодательство недостаточно отражает проявления коррупции. При отсутствии четких границ, размытости объекта антикоррупционной политики полученные знания страдают неполнотой и, следовательно, недостоверностью и не в состоянии обеспечить сколь-нибудь полное, целенаправленное (а тем более системное) противодействие. Поэтому современную антикоррупционную политику отождествляют с профанацией, приобретающей непоследовательный, хаотичный, бюрократически-имитационный характер [Щедрин, 2015].

Оценка коррупционных преступлений

В последние годы отмечаются тенденция увеличения количества заявлений и сообщений от граждан о совершенных преступлениях и обратная тенденция уменьшения зарегистрированных преступлений (В.С. Овчинский, И.М. Мацкевич) [Реформа…, www]. К примеру, профессор В.С. Овчинский приводит следующие данные: в 2000 г. от граждан поступило 13,7 млн заявлений (сообщений) о совершенных преступлениях, при этом зарегистрировано 3,3 млн преступлений. Следовательно, по каждому четвертому заявлению принято решение о возбуждении уголовного дела.

Согласно официальным данным МВД РФ, в 2014 г. органами внутренних дел рассмотрено 29,28 млн заявлений о преступлениях и правонарушениях, что на 3,3% больше, чем в 2013 г. Почти по каждому семнадцатому сообщению (5,9%) принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 1728,6 тыс. уголовных дел, что на 1,9% меньше показателя 2013 г. [Состояние преступности…, www]. Данные о количестве заявлений (сообщений) о преступлениях за 2015-2017 гг. отсутствуют.

При этом количество преступлений коррупционной направленности в 2016 г. возросло на 1,4% по сравнению с 2015 г., составив 32,9 тыс. случаев [Сколько преступлений…, www]. Конечно, следует учитывать также их высокую латентность, в первую очередь естественную.

Прокуратурой Нижегородской области отмечен рост преступности в Нижегородской области в 2017 г., но при этом статистические данные о преступлениях коррупционной направленности вообще отсутствуют [В Нижегородской области…, www].

И.М. Мацкевич относит коррупционные преступления к нетрадиционным преступлениям (таким, как транснациональная организованная преступность, киберпреступность, отмывание денег, незаконный ввоз мигрантов, торговля людьми и экологические преступления), которые характеризуются низким уровнем выявления и широким распространением. Парадоксальность ситуации ученый видит в том, что подобных преступлений совершается больше, а регистрируется меньше [Мацкевич, 2017, 50-53].

Следовательно, оценка результатов противодействия преступности (коррупционной в том числе) на основе статистики не является достоверной, поскольку создается лишь видимость борьбы.

Сложность оценки заключается также и в том, что, по мнению Председателя Верховного суда России В. Лебедева, за период 2011-2015 гг. уголовных дел о взятках, сумма которых составляет до 10 тыс. руб., было 65% [Лейва, www]. При этом средний размер взятки в стране в 2015 г. составил 172,9 тыс. руб. Мелкие взятки как бы «растворяют» в своей массе коррупционные преступления, их легче выявить и таким образом обеспечить показатели антикоррупционной деятельности.

Профессор В.В. Скоробогацкий обращает внимание на противодействие так называемой «безденежной коррупции» (в обмен на выполнение определенных работ или оказание услуг), имеющей большое распространение, противодействие которой связано со значительными сложностями [Эмих, 2014, 164]. В настоящее время в качестве предмета взятки законодателем рассматриваются лишь «деньги, ценности, иное имущество или услуги имущественного характера, иные имущественные права» (п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции»), но не рассматриваются не менее значимые нематериальные блага (здоровье, честь, деловая репутация) [Долгова, 2005, 718]. Депутаты Госдумы выступили с инициативой расширить предмет взятки, рассмотрев иные ее формы: оказание услуг, бартерные сделки

[Замахина, 2017]. В частности, предусматривается внесение изменений в ст. 290 УК РФ. В качестве профилактической меры предлагается приравнять к получению взятки выражение лицом согласия на ее получение.

Об уголовной ответственности юридических лиц

В последние годы в отечественной науке ведутся активные дискуссии относительно возможности признания субъектами преступлений юридических лиц, в том числе по коррупционным преступлениям. Ответственность субъекта преступления в российском уголовном праве традиционно базируется на способности физического лица, обладающего здоровой или незначительно измененной психикой, противостоять выбору преступного варианта поведения. Именно эта способность позволяет говорить о вине лица. Вина лежит в основе уголовной ответственности и закреплена в качестве принципа уголовного права, входит в понятие преступления, определяет содержание субъективной стороны состава преступления, является важным признаком института соучастия.

Вопрос введения уголовной ответственности юридических лиц не находит однозначного понимания. Существует несколько подходов к институту уголовной ответственности юридических лиц.

Сторонники уголовной ответственности юридических лиц (А.А. Комоско [Комоско, 2007], И.С. Власов [Власов, 2015, 82]) в качестве аргумента указывают на то обстоятельство, что субъекты права называются лицами – физическими или юридическими. Если физическое лицо привлекается к уголовной ответственности, то и юридическое лицо может являться субъектом преступления. Уголовно-правовые меры воздействия в отношении юридических лиц будут способствовать не только борьбе с преступлениями, но и правомерной деятельности юридических лиц, выявлению преступной деятельности высокопоставленных чиновников, повлекут негативные последствия материального и иного характера в отношении учредителей юридического лица. Некоторые сторонники признания юридических лиц субъектами преступления считают наиболее приемлемой в уголовном праве теорию объективной концепции вины организации в совершении преступления, которая представляет собой несоблюдение организацией правовых норм, если у юридического лица существовала обязанность их не нарушать.

Противники уголовной ответственности юридических лиц (Е.В. Богданов [Богданов, 2011], С.С. Арбузов, С.П. Кубанцев [Арбузов, Кубанцев, 2012, 99]) придерживаются мнения, что польза от введения уголовной ответственности юридических лиц отсутствует. В итоге это будет выгодно только правоохранительным органам, которые получат возможность осуществлять открытое воздействие в отношении юридических лиц, а также конкурентам юридических лиц. Составы преступлений, субъектами которых, предположительно, будут юридические лица, могут расширяться, что в конечном счете приведет к возложению всей ответственность на юридические лица, а реальные виновники совершенного преступного деяния (физические лица) могут избежать уголовного преследования и законного наказания. Поскольку принцип неотвратимости ответственности за коррупционные преступления не реализуется в полной мере, отсюда следует уверенность должностного лица в своей безнаказанности.

Есть авторы, предлагающие компромиссный вариант (В.И. Лафитский, О.И. Семыкина [Лафитский, Семыкина, 2014, 5]) – отказаться от попыток внедрения в российскую уголовно-правовую систему уголовной ответственности юридических лиц и ограничиться применением

иных мер уголовно-правового характера в отношении организаций, к которым относят лишение предоставленных льгот, лишение лицензии, наложение ареста на имущество, запрет заниматься определенной деятельностью или приостановление определенной деятельности, возложение иных специальных обязанностей, ликвидацию и т. д. Вместе с тем большинство из указанных мер воздействия и так предусмотрено нормами действующего законодательства (административного, процессуального), поэтому закрепление за ними статуса уголовно-правового воздействия представляется излишним.

В настоящее время введение уголовной ответственности юридических лиц в России представляется преждевременным, поэтому возможный положительный эффект маловероятен.

Результаты проведенного прикладного исследования

75% опрошенных респондентов считают, что дача взятки стала нормой поведения. Этот вывод подтверждает полученные ранее результаты многочисленных исследований о толерантном отношении общества к коррупции [Аглямова, 2012; Журавлев, Юревич, 2013; Камнева, 2013]. Вследствие этого граждане нередко становятся участниками так называемой «низовой» (бытовой) коррупции, заключающейся, к примеру, в подкупе должностного лица или представителя коммерческой организации. По данным исследования, 20% опрошенных попадали в коррупционную ситуацию в течение года.

У респондентов сложилось мнение касательно предмета взятки. Большинство из них считают предметом взятки денежную сумму (51,9%). 25,9% в качестве предмета взятки допускают услугу. Обычные подарки в качестве взятки-подкупа или взятки-благодарности (к примеру, бутылка вина, коробка конфет, цветы) назвали 3,7% респондентов. 18,5% опрошенных в качестве предмета взятки отметили любую выгоду.

По мнению респондентов, размер взятки зависит в большей мере от степени риска, которому подвергается чиновник (36,7%), от суммы сделки (33,3%), от жадности чиновника – получателя взятки (30%). Интересное мнение высказано респондентами относительно восприятия обществом должностного лица как коррупционера. Это мнение получило подтверждение в ответах на следующий вопрос: «Как Вы считаете, вынуждает ли коррупционная корпоративная этика должностное лицо становиться частью коррупционной системы?» Ответы распределились следующим образом: да, если должностное лицо пойдет против сложившихся правил, ему не добиться карьерного роста (40%); да, иначе должностное лицо не сможет нормально работать (5%); нет, должностное лицо может работать и вопреки коррупционным схемам (45%); остальные 10% не сформировали своего мнения и затруднились ответить. Таким образом, практически каждый второй респондент считает неизбежным втягивание должностного лица в коррупцию.

Респонденты оценили эффективность проводимых в России антикоррупционных мер. Все респонденты отметили их неэффективность, некоторые при этом назвали их «показными». Так называемые «громкие дела» создают лишь видимость борьбы с коррупционными преступлениями, никак не отражаясь на ее эффективности. Подобных преступлений совершается больше, а регистрируется меньше [Кулакова, 2017, 147].

Большинство респондентов (55%) считают, что меры неэффективны, растут размер и количество взяток; 45% оценили меры как недостаточно эффективные, так как темпы снижения уровня коррупции в России слишком низкие.

Респондентам были предложены вопросы относительно ответственности за коррупционные

преступления. 31,8% относятся скорее положительно, чем отрицательно к ужесточению уголовной ответственности за дачу взятки; 27,3% – положительно. Лишь 9,1% респондентов относятся скорее отрицательно, чем положительно, при этом они аргументировали свой ответ тем, что меры ужесточения уголовной ответственности окажутся недейственными из-за низкой раскрываемости подобных преступлений.

В настоящее время депутаты Госдумы предлагают ужесточить наказание за коррупционные преступления. В антикоррупционное законодательство могут быть внесены на рассмотрение правки, увеличивающее сроки за дачу взятки с двух до трех лет, а за получение взятки – с трех до четырех лет [В Госдуме…, www]. Возможно, изменения наказаний за злоупотребление полномочиями коснутся также третейских судей.

В качестве действенных мер (кроме ужесточения уголовной ответственности) опрошенные назвали в первую очередь конфискацию имущества как меру уголовно-правового характера, включаемую в систему видов уголовного наказания, разные виды контроля, лишение права занимать должность государственного (муниципального) служащего как на определенный срок, так и бессрочное.

Почти половине респондентов (45%) известны случаи получения «вознаграждения» коллегами или знакомыми за исполнение служебных обязанностей, при этом 25% из них известны неоднократные случаи подобного.

На вопрос о том, готовы ли респонденты сообщить о фактах коррупции, половина опрошенных ответили положительно, но из них лишь 10% готовы оставить свои контактные данные, остальные – только анонимно. 25% респондентов вообще не стремятся сообщать о коррупционных правонарушениях. Каждый четвертый опрошенный не сформировал своего мнения и затруднился ответить.

29,6% респондентов считают, что проще сообщить о фактах коррупции по телефону доверия (или в почтовый ящик), 26,8% – в правоохранительные органы, 18,5% – в прокуратуру, 14,8% – по электронному почтовому ящику, 11,1% – в антикоррупционную комиссию. Некоторые респонденты готовы сообщить в любой орган, но при этом высказали опасение возможных негативных последствий для заявителя. И эти опасения, надо заметить, не беспочвенны. Поэтому не случайно в Общественной палате РФ готовят законопроект о защите заявителей о коррупции, поправки в Федеральный закон «О противодействии коррупции», касающиеся защиты органами прокуратуры лиц, сообщивших о коррупционных преступлениях коллег [Куликов, 2017]. Согласно планируемым антикоррупционным поправкам, сообщение о коррупционном правонарушении можно направить в прокуратуру, правоохранительные органы, а также своему непосредственному начальству. С того момента, как лицо бросит вызов коррупции, оно получит защиту со стороны государства.

Выводы

1) Нормативное определение антикоррупционной политики не выработано. Непроработанность концепции антикоррупционной политики, недостаточное отражение ее в стратегии и тактике уголовной политики, отсутствие системного противодействия коррупционным преступлениям (кампанейский характер) не позволяют повысить эффективность антикоррупционных мер.
2) Требуется обеспечение неотвратимости уголовной ответственности и строгости наказания за коррупционные преступления.

3) Необходимо решить задачу системного взаимодействия государства и гражданского общества в предупреждении коррупционных преступлений.
4) До тех пор, пока с коррупционной преступностью отождествляется вся должностная (служебная) преступность, следовательно, основным правовым признаком выступает не коррупционная сделка, которая неизбежно влечет соучастие, а должностное положение, корысть, говорить об эффективности предупреждения коррупционных преступлений не только преждевременно, но в первую очередь ненаучно.
5) Эффективными санкциями для предупреждения коррупционных преступлений могут стать: ратификация ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, предусматривающей признание «незаконного обогащения» госслужащих уголовно наказуемым деянием; введение в УК РФ конфискации как полноценного вида уголовного наказания (в настоящее время это мера уголовно-правового характера); введение в УК РФ нового вида конфискации in rem; перенос дел о взятках до 10 тыс. руб. в отдельный состав преступления.
6) Сложная система отношений, связанных с совершением коррупционных преступлений, снижает эффективность предупредительного воздействия на них, изменить эту ситуацию в лучшую сторону могут научное осмысление антикоррупционной политики и законодательное и практические применение достижений криминологической науки.

Библиография

1. Аглямова Г.М. Виктимологические аспекты предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2012. № 4. С. 74-82.
2. Арбузов С.С., Кубанцев С.П. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2012. № 10. С. 99-106.
3. Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003478683
4. Богданов А.В., Лобзов К.М., Гордиенко В.В. Коррупция как измена государственным интересам и интересам гражданского общества РФ и пути ее пресечения // Вестник Московского университета МВД. 2014. № 1. С. 49-55.
5. Богданов Е.В. Проблема уголовной ответственности юридических лиц // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 33-35.
6. В Госдуме предлагают ужесточить наказание за коррупцию. URL: https://sun-news.ru/politika/3188-v-gosdume-predlagayut-uzhestochit-nakazanie-za-korrupciyu.html
7. В Нижегородской области выросла преступность. URL: http://kriminalnn.ru/2018/03/28/v-nizhegorodskoj-oblasti-v-2017-godu-zafiksirovan-rost-chisla-prestuplenij-454/
8. Власов И.С. О введении в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 82-89.
9. Гомонов Н.Д. Коррупция как криминологический феномен // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 10. С. 114-121.
10. Горный М. Противодействие коррупции. URL: http://www.anticor.wildfield.ru/analit/protiv_korr.html
11. Горшенков Г.Г., Иванова А.А. Антикоррупционная политика. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского института управления, 2013.
12. Горшенков Г.Н. Антикоррупционная политика и деятельность // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 10-17.
13. Долгова А.И. Коррупционная преступность // Долгова А.И. (ред.) Криминология. М.: Норма, 2005.
14. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Психологическая газета: мы и мир. 2013. № 2 (197).
15. Законопроект о защите заявителей о коррупции. URL: http://gulagu.net/news/7418.html
16. Замахина Т. Понятие «взятка» могут расширить // Российская газета. 2017. 1 июня.
17. Иванова А.А. Коррупционное преступление: подходы к определению // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 3 (23). С. 249-255.
18. Камнева Е.В. Психологические аспекты феномена коррупции // Гуманитарные науки. 2013. № 4 (12). С. 67-71.

19. Комоско А.А. Исторические аспекты целесообразности и возможности применения уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве // История государства и права. 2007. № 9. С. 18-19.
20. Корня А., Чуракова О. Генпрокуратура предлагает конфисковывать предположительно незаконное имущество // Ведомости. 2015. 28 апреля.
21. Кулакова М.Н. Предупреждение коррупционных преступлений: состояние и проблема эффективности // Всероссийская научно-практическая конференция «Четвертые юридические чтения». Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 144-147.
22. Куликов В. Сообщили куда следует // Российская газета. 2017. 20 февраля.
23. Лафитский В.И., Семыкина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 5-13.
24. Лейва М. В Кремле предложили не учитывать мелкие взятки при борьбе с коррупцией. URL: http://www.rbc.ru/politics/26/01/2016/56a75d979a79474bbdd2edb2
25. Мацкевич И.М. Преступность и преступление 21-го века: точки несоприкосновения // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 49-53.
26. Новиков С.Ю. Антикоррупционная политика российского государства в современных условиях: автореф. дис. … канд. полит. наук. Ставрополь, 2009. URL: http:// www.dissercat.com/content/antikorruptsionnaya-politikarossiiskogo-gosudarstva-v-sovremennykh-usloviyakh
27. О противодействии коррупции: федер. закон Рос. Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19.12.2008: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 22.12.2008 // Российская газета. 2008. 30 декабря.
28. Реформа МВД «пошла по наклонной» из-за систематического вранья, в том числе и из-за занижения данных о преступности в стране. URL: http://www.arms-expo.ru/news/archive/
29. Сколько преступлений совершили в России в 2016 году. URL: http://www.the-village.ru/village/city/situation/256531-crime
30. Состояние преступности – январь-декабрь 2014 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/2994866
31. У чиновников начали отбирать имущество. URL: https://pasmi.ru/archive/127864/
32. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.1996: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.06.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
33. Щедрин Н.В. Принцип «основного звена» в противодействии коррупции // Российский криминологический взгляд. 2015. № 2. С. 428-430.
34. Эмих В.В. Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции» (обзор выступлений) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. № 4. С. 160-172.

The effectiveness of the prevention of corruption-related crimes

Mariya N. Kulakova

Leading Specialist,
The Commercial Court of the Volga-Vyatka District,
Postgraduate at the Department of criminal law and criminology,
Nizhny Novgorod Law Academy,
603000, 2b Kostina st., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: maria_kulakova91@mail.ru

Abstract

The article is devoted to one of the priority directions in the state anti-corruption policy – the prevention of corruption-related crimes. Research methodology is based on the use of the fundamental ideas of dialectical materialism, universal and scientific research methods, special scientific methods. The sphere of application of the results of the research includes combating

corruption-related crimes. The anti-corruption policy is characterised by non-systematicity, isolation from the objective reality, insufficient use of research and development for combating and preventing corruption. The criminal law does not sufficiently reflect manifestations of corruption due to incomplete coverage of persons and corruption-related crimes. Therefore, the evaluation of the results of counteraction to corruption-related crimes on the basis of statistics cannot be considered reliable. The state of the problem of counteraction is aggravated by citizens' tolerant attitude to corruption and unwillingness to report corruption. More than half of the respondents admit and even justify concealment in respect of corrupt behaviour. It is important to involve civil society institutions in the fight against corruption in order to educate the legal and civil consciousness, to acquire the skills of anti-corruption behaviour. The author supports the ideas of scientific understanding of anti-corruption policy, legislative and practical application of the achievements of criminology.

For citation

Kulakova M.N. (2018) Effektivnost' preduprezhdeniya korruptsionnykh prestuplenii [The effectiveness of the prevention of corruption-related crimes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 98-109.

Keywords

Corruption-related crimes, subjects of corruption-related crimes, prevention, effectiveness of counteraction to corruption, criminal liability, anti-corruption policy, anti-corruption measures.

References

1. Aglyamova G.M. (2012) Viktimologicheskie aspekty preduprezhdeniya korruptsionnoi prestupnosti v sfere mestnogo samoupravleniya [Victimological aspects of the prevention of corruption-related crime in the sphere of local self-government]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo* [Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and law], 4, pp. 74-82.
2. Arbuzov S.S., Kubantsev S.P. (2012) O perspektive vvedeniya v Rossii instituta ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits [On the prospect of introducing the institution of criminal liability of legal entities in Russia]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 10, pp. 99-106.
3. Astanin V.V. (2009) *Antikorruptsionnaya politika Rossii: kriminologicheskie aspekty. Doct. Diss. Abstract* [Anti-corruption policy in Russia: criminological aspects. Doct. Diss. Abstract]. Moscow. Available at: https://search.rsl.ru/ru/record/01003478683 [Accessed 10/02/18].
4. Bogdanov A.V., Lobzov K.M., Gordienko V.V. (2014) Korruptsiya kak izmena gosudarstvennym interesam i interesam grazhdanskogo obshchestva RF i puti ee presecheniya [Corruption as treason to state interests and interests of the civil society of the Russian Federation and ways of its suppression]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs], 1, pp. 49-55.
5. Bogdanov E.V. (2011) Problema ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits [The problem of criminal liability of legal entities]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 8, pp. 33-35.
6. Dolgova A.I. (2005) Korruptsionnaya prestupnost' [Corruption crime]. In: Dolgova A.I. (ed.) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Norma Publ.
7. Emikh V.V. (2014) Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya "Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti protivodeistviya korruptsii" (obzor vystuplenii) [The All-Russian scientific conference "Topical problems of scientific support for the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption" (a review of speeches)]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Scientific yearbook of the Institute of philosophy and law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences], 14 (4), pp. 160-172.
8. Gomonov N.D. (2013) Korruptsiya kak kriminologicheskii fenomen [Corruption as a criminological phenomenon]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* [Legal science: history and modernity], 10, pp. 114-121.
9. Gornyi M. *Protivodeistvie korruptsii* [Counteraction to corruption]. Available at: http://www.anticor.wildfield.ru/analit/protiv_korr.html [Accessed 10/02/18].
10. Gorshenkov G.G., Ivanova A.A. (2013) *Antikorruptsionnaya politika* [Anti-corruption policy]. Nizhny Novgorod:

Nizhny Novgorod Institute of Management.
11. Gorshenkov G.N. (2014) Antikorruptsionnaya politika i deyatel'nost' [Anti-corruption policy and activities]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Topical problems of economics and law], 1 (29), pp. 10-17.
12. Ivanova A.A. (2012) Korruptsionnoe prestuplenie: podkhody k opredeleniyu [Corruption-related crimes: approaches to the definition]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Topical problems of economics and law], 3 (23), pp. 249-255.
13. Kamneva E.V. (2013) Psikhologicheskie aspekty fenomena korruptsii [Psychological aspects of the phenomenon of corruption]. *Gumanitarnye nauki* [Humanities], 4 (12), pp. 67-71.
14. Komosko A.A. (2007) Istoricheskie aspekty tselesoobraznosti i vozmozhnosti primeneniya ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits v rossiiskom zakonodatel'stve [Historical aspects of the expediency and possibility of indroducing criminal liability of legal entities in Russian legislation]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 9, pp. 18-19.
15. Kornya A., Churakova O. (2015) Genprokuratura predlagaet konfiskovyvat' predpolozhitel'no nezakonnoe imushchestvo [The Prosecutor General's office proposes to confiscate allegedly illegal property]. *Vedomosti* [Gazette], 28th Apr.
16. Kulakova M.N. (2017) Preduprezhdenie korruptsionnykh prestuplenii: sostoyanie i problema effektivnosti [Prevention of corruption-related crimes: the state and the problem of efficiency]. *Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Chetvertye yuridicheskie chteniya"* [Proc. Conf. "The 4th legal readings"]. Syktyvkar: Piritim Sorokin Syktyvkar State University, pp. 144-147.
17. Kulikov V. (2017) Soobshchili kuda sleduet [Reported to be]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian gazette], 20th Feb.
18. Lafitskii V.I., Semykina O.I. (2014) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v otechestvennom zakonodatel'stve: k istorii voprosa "pro et contra" [Criminal liability of legal entities in the domestic legislation: on the history of the "pro et contra" issue]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 2, pp. 5-13.
19. Leiva M. *V Kremle predlozhili ne uchityvat' melkie vzyatki pri bor'be s korruptsiei* [The Kremlin proposed not to take into account small bribes in the fight against corruption]. Available at: http://www.rbc.ru/politics/26/01/2016/56a75d979a79474bbdd2edb2 [Accessed 10/02/18].
20. Matskevich I.M. (2017) Prestupnost' i prestuplenie 21-go veka: tochki nesoprikosnoveniya [Crime and crimes in the 21st century: points of contact]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique], 11, pp. 49-53.
21. Novikov S.Yu. (2009) *Antikorruptsionnaya politika rossiiskogo gosudarstva v sovremennykh usloviyakh. Doct. Diss. Abstract* [Anti-corruption policy in the Russian state under modern conditions. Doct. Diss. Abstract]. Stavropol. Available at: http:// www.dissercat.com/content/antikorruptsionnaya-politikarossiiskogo-gosudarstva-v-sovremennykh-usloviyakh [Accessed 10/02/18].
22. O protivodeistvii korruptsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 25.12.2008 № 273-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 19.12.2008: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.12.2008 [On counteraction to corruption: Federal Law of the Russian Federation No. 273-FZ of December 25, 2008] (2008). *Rossiiskaya gazeta* [Russian gazette], 30th Dec.
23. *Reforma MVD "poshla po naklonnoi" iz-za sistematicheskogo vran'ya, v tom chisle i iz-za zanizheniya dannykh o prestupnosti v strane* [The reform of the Ministry of Internal Affairs "went downhill" because of systematic lies, including the understatement of crime in the country]. Available at: http://www.arms-expo.ru/news/archive/ [Accessed 10/02/18].
24. Shchedrin N.V. (2015) Printsip "osnovnogo zvena" v protivodeistvii korruptsii [The principle of the "main link" in the fight against corruption]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad* [Russian criminological outlook], 2, pp. 428-430.
25. *Skol'ko prestuplenii sovershili v Rossii v 2016 godu* [How many crimes were committed in Russia in 2016]. Available at: http://www.the-village.ru/village/city/situation/256531-crime [Accessed 10/02/18].
26. *Sostoyanie prestupnosti – yanvar'-dekabr' 2014 goda* [The state of crime-in January – December 2014]. Available at: https://mvd.rf/reports/item/2994866 [Accessed 10/02/18].
27. *U chinovnikov nachali otbirat' imushchestvo* [They have begun to confiscate property of officials]. Available at: https://pasmi.ru/archive/127864/ [Accessed 10/02/18].
28. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996 [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (St. 2954)* [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 2954)], 25.
29. *V Gosdume predlagayut uzhestochit' nakazanie za korruptsiyu* [The State Duma proposes to toughen the punishment for corruption]. Available at: https://sun-news.ru/politika/3188-v-gosdume-predlagayut-uzhestochit-nakazanie-za-korrupciyu.html [Accessed 10/02/18].
30. *V Nizhegorodskoi oblasti vyrosla prestupnost'* [Crime has risen in the Nizhny Novgorod region]. Available at: http://kriminalnn.ru/2018/03/28/v-nizhegorodskoj-oblasti-v-2017-godu-zafiksirovan-rost-chisla-prestuplenij-454/ [Accessed 10/02/18].
31. Vlasov I.S. (2015) O vvedenii v Rossii instituta ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits [On introducing the institution of criminal liability of legal entities in Russia]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 11, pp.

82-89.
32. *Zakonoproekt o zashchite zayavitelei o korruptsii* [The draft Federal Law “On protection of the persons who reported about corruption offenses from prosecution and infringement of their rights and legitimate interests”]. Available at: http://gulagu.net/news/7418.html [Accessed 10/02/18].
33. Zamakhina T. (2017) Ponyatie “vzyatka” mogut rasshirit' [The concept of "bribe" can be expanded]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian gazette], 1st Jun.
34. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (2013) Psikhologicheskie faktory korruptsii [Psychological factors of corruption]. *Psikhologicheskaya gazeta: my i mir* [Psychological newspaper: we and the world], 2 (197).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.1

Некоторые проблемы реализации принципа состязательности при осуществлении судебного контроля в ходе досудебного производства в уголовном процессе

Атакиши Аббас Муса

Старший преподаватель,
кафедра уголовного процесса,
Бакинский государственный университет,
AZ1001, Азербайджанская Республика, Баку, ул. М. Гусейна, 76/6;
e-mail: abbas@azeurotel.com

Аннотация

В статье описываются становление нового вида судебного контроля в ходе досудебного производства в уголовном процессе Азербайджанской Республики и Российской Федерации, законодательное развитие конституционных установлений состязательности, устанавливается связь между реформой уголовного процесса и развитием института судебного контроля, освещаются разные подходы законодательного урегулирования состязательных начал в уголовном судопроизводстве. Судебный контроль оценивается как действенный механизм обеспечения прав и свобод личности, рассматриваются признаки судебного контроля как формы осуществления правосудия, его предмет и содержание, направления и характер. Проанализированы сущностные вопросы, проблемы и направления развития судебного контроля, эффективность уточнения и расширения направлений судебного контроля, вопросы обеспечения состязательности в толкованиях конституционного суда, в прецедентах, связанных с жалобами по уголовным делам в Европейский суд по правам человека. Затрагиваются проблемы, возникающие в связи с обжалованием и рассмотрением жалоб, выдвигаются предложения по решению законодательных, теоретических и практических проблем.

Для цитирования в научных исследованиях

Атакиши А.М. Некоторые проблемы реализации принципа состязательности при осуществлении судебного контроля в ходе досудебного производства в уголовном процессе // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 110-124.

Ключевые слова

Уголовный процесс, состязательность, досудебное производство, судебный контроль, обжалование, рассмотрение жалобы, судебное решение.

Введение

Хотя понятие судебного контроля не является новым, после принятия первой национальной Конституции Азербайджанской Республики реализация гарантий, предусмотренных для обеспечения защиты прав и свобод человека (ст.ст. 12, 71), была воспринята как важное направление. Согласно ст. 26 Конституции, государство гарантирует защиту прав и свобод каждого не запрещенными законом средствами и способами. В новой редакции ст. 60 Конституции, принятой в результате референдума (26 сентября 2016 г.), особо провозглашается, что гарантируется защита прав и свобод каждого в административном порядке и в суде.

Еще до принятия Конституции были предприняты определенные законодательные шаги, нацеленные на усиление защиты прав и свобод человека, развитие судебной власти, но именно положения новой Конституции составили фундаментальную базу и правовой источник реформ, которые должны обязательно проводиться в указанном направлении.

В первую очередь стоял вопрос передачи ограничения прав и свобод человека в области уголовно-процессуального права в компетенцию суда с возможностью оспаривания его решений в вышестоящем суде. Требовались переустройство судебной власти, оптимальное регулирование его взаимодействия с правоохранительными органами, развитие конституционных основ правосудия по отраслям права, установление процессуальных правил, позволяющих осуществить право на обращение и повторное обращение в суд.

Развитие конституционных установлений состязательности

Законодатель, пытаясь создать общие основы и условия для разрешения уголовно-процессуальных вопросов, связанных со случаями ограничения прав и свобод человека, в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) Азербайджанской Республики объединил нормы об осуществлении судебного контроля в едином правовом институте. Думается, что подобный подход к вопросу согласуется с требованиями ст. 125 Конституции Азербайджанской Республики. Так, вхождение судебного контроля в правосудие, особенно в рассматриваемом смысле, хотя и вызвало серьезные дискуссии в теории развития современного законодательства, а также расширение судебной защиты прав и свобод человека, больше оправдывает подобную позицию. Кроме того, конституционные нормы, наряду с укреплением судебной власти и расширением ее полномочий, специально закрепляют, что судебную власть осуществляют посредством правосудия только суды (ч. 1 ст. 125 Конституции). В следующих частях данной статьи не только перечисляются традиционные виды правосудия: конституционное, гражданское и уголовное производство, но и указывается, что судебная власть осуществляется посредством и других форм, предусмотренных законом (ч. 3 ст. 125 Конституции). Подобный подход демонстрирует, что правосудие может осуществляться посредством других форм: 1) при специальном установлении законом; 2) по вопросам, не дублирующим конституционное, гражданское и уголовное производство и не охватываемым указанными производствами; 3) уполномоченным судом; 4) с соблюдением общих начал правосудия.

В сформировавшейся в нашей стране системе новых общественных отношений большое значение имели утвердившиеся веками, принадлежащие обвиняемому в совершении преступления лицу без представления перед судом и без судебного решения принцип неприкосновенности права на свободу (невозможности взятия под арест), защита права на собственность, хранение личной, семейной, коммерческой и государственной тайны и иные подобные важные свободы, права и интересы.

Суд до суда в досудебном производстве уголовных дел

Требование о реорганизации судебной власти и обеспечении прав и свобод человека способствовало возникновению и развитию новых институтов права. Именно в этом отношении понятие судебного контроля в уголовном процессе приобрело новое содержание. Судебный контроль в новом содержании означал не расположение вышестоящего суда над нижестоящими судами и их решениями, а в первую очередь оценку наличия возможностей применения органами и должностными лицами, осуществляющими досудебное производство постановлений и действий, ограничивающих права и свободы человека, представленных фактических оснований вызвать правовое ограничение и вынести решение о необходимости ограничения или ее отсутствии. За счет ограничения полномочий прокурора возникали новые аспекты подсудности и полномочий суда. Этим рассчитывалось, что реформа уголовно-процессуального законодательства и вновь создаваемые нормы, и институты права должны открыть новую страницу в данной сфере[1].

Во многих странах мира создание подобных уголовно-процессуальных норм и проведение реформ в данной сфере носит неоднозначный характер. Исследователи видят эффективность и долговечность изменений не в их целостном и однократном формировании, а в длительном развитии. Считается, что система уголовного судопроизводства развивается как человеческое тело. Причина неудачи в поиске средств для лечения (оздоровления) данной системы схожа с неудачей поиска средств лечения рака [Allen, 1996, 989, 994]. Кратковременная жизнь реформ 1990-х гг. в уголовном процессе Франции отмечается как подтверждение данной позиции [Смирнов, 2001].

Преимущества и недостатки состязательной системы в уголовном судопроизводстве серьезно обсуждаются и в иностранных процессуально-правовых научных исследованиях. Ученые не только придают чисто судебным рассмотрениям по существу дела особое значение, но также отдают предпочтение суду до суда, предполагая обеспечение законности и обоснованности решений и действий, применения некоторых следственных действий по проверке в судебном порядке, и все более при этом опираются именно на элементы следственной системы уголовного процесса континентальной Европы [Caenegem, www].

На наш взгляд, немаловажное значение имеет тенденции расширения судебного контроля в досудебной стадии уголовного судопроизводства. Появились некоторые новые тенденции: рассмотрение обвинения как средство защиты прав лица; возможность оспаривания постановлений о возбуждении уголовных дел в суде; возможность суда в целях проверки

[1] См.: Дорошков В. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования // Российская юстиция. 1999. № 7. С. 26-28; Жуйков В.М. Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1997; Кашубов В.П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства ее реализации // Государство и право. 1998. № 2. С. 66-71; Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: реальность и перспективы // Государство и право. 1998. № 3. С. 31-39; Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений – важнейшая функция судебной власти (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): дис. … канд. юрид. наук. М., 1998; Лебедев В.М. Судебная власть на защите конституционного права в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. М., 1998; Солодило А.В. Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные прав и свободы граждан в уголовном процессе России: дис. … канд. юрид наук. М., 1998; Устимов М.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Саранск, 1999.

законности проведения следственных и иных действий истребовать и проверить материалы, связанные с постановлениями в порядке судебного контроля; назначение экспертизы по ходатайству стороны защиты и др. Кажется, подобные подходы неизбежно приведут к изменению позицию законодателя. Если обвинение рассматривается как средство защиты личности, то тогда почему защищаемое лицо не может оспаривать подобную защиту в суде? Такой подход укрепляется и тем, что во многих случаях лицо длительное время находится под тяжким обвинением и строгими мерами принуждения. Подобные дела передаются для рассмотрения в суды, которые часто прибегают к неправильной практике, переквалифицируя деяние подсудимого на менее тяжкий состав преступления, освобождая из-под стражи и тем самым способствуя назначению мягких наказаний (у этих людей не остается заинтересованности в дальнейших состязаниях). Действенный судебный контроль позволил бы в значительных случаях сократить подобные случаи уже в ходе досудебного производства и оградить лиц от незаконных преследований и ареста, других мер процессуального принуждения и ограничения прав и свобод.

Законодатели оставили вне судебного контроля и постановления о возбуждении уголовных дел. В некоторых случаях торопливо и без достаточных оснований возбуждаются уголовные дела, привлекаются силы и средства, теряется время, а потом выясняется, что уголовное дело было возбуждено зря. Были допущены ошибки в отношении лиц, затронуты их репутации. Думается, в целях устранения подобных отклонений возможность обжалования постановлений о возбуждении уголовных дел в порядке судебного контроля и принятых решений имела бы качественное значение.

Многие зарубежные исследователи подчеркивают важность досудебного производства как стадии, придерживаясь позиции превращения судей из пассивных арбитров в активных субъектов даже в странах с англо-саксонской системой права. Подобный подход расценивается как средство, уменьшающее спорные вопросы между сторонами и обеспечивающее равную защиту для них обоих. Например, в 1966 г. в Англии и Уэльсе, а в 2010 г. в Шотландии была закреплена норма об озвучивании обвиняемым заявления о защите досудебного разбирательства [Duff, 2007; Quirk, 2006].

Независимо от преимуществ подобного подхода с точки зрения экономии времени и финансовых средств, признается, что это является наступлением на состязающийся идеал соревнования соперников [Garland, McEwan, 2012; Johnston, 2016].

Сторонники установления фактов и объявления состязающимися сторонами своей позиции до суда настаивают на том, что «уголовный процесс» не является игрой, в которой обвиняемому должен предоставляться спортивный шанс [Auld, www; Line, Wyld, Plater, 2016]. Ряд теоретических исследований вывел заключения о том, что судебный контроль во Франции и в Голландии не дает необходимых гарантий четкости установления истины по делу [Brants, Field, 2016; Hodgson, 2001; Hodgson, 2006].

Прийти к заключению о преимуществе системы состязательности или следственной системы в установлении истины трудно и, пожалуй, невозможно, так как мы не обладаем способом установления того, сколько невинных людей были обвинены и сколько обвиняемых были оправданы в какой системе [Jackson, 1988; Peake, 2014]. Именно поэтому больше, в том числе в странах с англо-саксонской системой права, начали говорить о преимуществе смешанных систем. Считается, что для инквизиторализма уголовный процесс является поиском истины, а для состязательной системы цель уголовного процесса заключается в серьезной проверке обвинения [Caenegem, www; Ferguson, www].

Законодательный подход УПК Азербайджанской Республики серьезно отличается от

подхода законодателя Российской Федерации. В Российской Федерации институт (понятие) судебного контроля не нашел в законодательстве прямого закрепления, однако правила судебного контроля регламентированы в общей части УПК в ст.ст. 123-127 главы 16 пятого раздела («Ходатайства и жалобы»). Здесь отражен порядок обжалования действий и решений различных видов субъектов. В ст. 125 УПК РФ по-иному сформулированы случаи возможности обжалования в судебном порядке и осуществление судебного контроля, сюда не отнесено применение оперативно-розыскных мероприятий. Вместе с тем в указанной норме предусмотрено, что при осуществлении уголовного процесса «…а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, либо затруднит доступ граждан к правосудию» могут быть обжалованы в суд. Думается, что, хотя установление подобного порядка в общей части УПК является положительным явлением, более эффективным было бы отдельное регулирование судебного контроля или судебной проверки и в этом отношении серьезно способствовало бы и в теоретических подходах, особенно обеспечению целостности правосудия и служению досудебной стадии уголовного процесса в целом судебной перспективе и деятельности правосудия [Воскобитова, 2017, 168-173].

Различное отношение может быть выражено и к установлению круга субъектов, наделенных правом обжалования. Наряду с участниками уголовного судопроизводства, законодательство Российской Федерации также признает подобное право граждан, у которых нарушено право доступности суда (ст. 125 УПК РФ). Хотя и законодательство Азербайджанской Республики, и постановления Конституционного Суда предусматривают широкий круг субъектов, вследствие ограниченного круга субъектов и случаев обжалования (ст. 449 УПК АР) данное право является достаточно ограниченным, так как при установлении круга участников судопроизводства на основе требований глав 6-8 второго раздела УПК основной вопрос, который может возникнуть, связан с защитой прав лиц, которые не соответствуют признакам участника или явно не являются участниками.

Сущностные проблемы

Хотя и со дня вступления УПК в силу прошло больше 17 лет, все еще остаются проблемы в понимании и практике применения института судебного контроля. В первую очередь нет однозначного теоретического определения и принятия понятия судебного контроля. Это связано с рядом серьезных причин.

Во-первых, следует отметить вопрос содержания понятия судебного контроля. Хотя законодатель включил данный институт в раздел особых производств отдельной главой из 13 статей, не установлена норма, определяющая сущность и содержание судебного контроля. Как выше было указано, ему не удалось реализовать положения ст. 125 Конституции и определить судебный надзор в качестве полноценного средства правосудия. Он ограничился указанием особенностей в отдельных случаях уголовного судопроизводства под названием «Особые производства».

Ст. 442 УПК установлено, что «судебный надзор осуществляет в рамках своих полномочий соответствующий суд первой инстанции по месту принудительного проведения следственных действий, применения меры процессуального принуждения или осуществления оперативно-розыскной меры». Как видно, здесь судебный надзор в определенной степени выражен по

предмету, однако не приведен обобщенный признак содержания судебного контроля.

Во-вторых, здесь расширена сфера уголовно-процессуальных отношений и круг правоотношений, регулируемых уголовно-процессуальными нормами, судебный надзор охватил сферу деятельности, не регулируемую нормами данной отрасли права. Так, насколько бы крепко ни было связано с действиями и решениями, охватываемыми оперативно-розыскной деятельностью, уголовно-процессуальной деятельностью, его регулирование, оно не согласуется с предметом и методом уголовно-процессуального права. Но по смыслу данной нормы определенные действия и решения, связанные с осуществлением оперативно-розыскной деятельности, охватываются понятием уголовного процесса (ст. 7.0.3 УПК).

В-третьих, слово «надзор» хотя и привлекательно с точки зрения действенности и средств осуществления, но думается, что вовсе не оправдывает себя и отдает предпочтение побочным целям в ущерб основной цели[2]. В чем заключается надзор суда, позволяющего принудительное проведение следственных действий или применение меры пресечения арест? Или какой надзор и как осуществляет суд, вынесший постановление о слежке лица? В таком случае больше и в значительной степени правильнее было бы говорить не о надзоре, а о разрешении. Если учесть, что данное полномочие перешло суду от прокурора (прокурорского контроля), то сущностная сторона вопроса отдаляется от оправдания подобного названия. Некоторые авторы при определении понятия судебного надзора (контроля) исходят из того, что российское понятие «судебный контроль» не тождественно ни французскому (controle judiciare), ни американскому (judicial review) подобным понятиям. Именно понятие судебного контроля нашло свое доктринальное и законодательное закрепление в Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г. как реальная состязательность в досудебных стадиях уголовного процесса. При этом понимание теории судебного контроля приводит к фундаментальному институциональному противопоставлению полицейской и судебной деятельности, возвращение старых правил правосудия является весьма привлекательным []. [3] Но все-таки, на наш взгляд, считать их совсем противными не следует, потому что и в этих странах тоже имеется судебный контроль, который особенно отличается по предмету и содержанию.

В-четвертых, законодатель допустил разночтения и смешивание и в выборе выражений. Несмотря на то, что глава названа «Осуществление судебного контроля», употреблены выражения «принудительное проведение» в отношении следственных действий, «применение» – в отношении мер принуждения, «осуществление» – в отношении оперативно-розыскных мер. В таком случае может возникнуть смешанность в выборе критериев, установленных для признания суда уполномоченным (например, место расположения и территория деятельности органа, пытающегося применить правовое ограничение, вид суда (общий, по тяжким преступлениям или военный), конкретизация места применения действия или ограничения и т. д.). В этом контексте, несмотря на то, что законодатель не включил в состав вида доказательств «материалы» относительно оперативно-розыскной деятельности (ст. 137 УПК

[2] См.: Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы. Нижний Новгород, 2002; Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном процессе: понятие, виды, сущность и содержание. URL: www.twirpx.com; Фоков А. Участие защитника в стадии судебного контроля // Российская юстиция. 2000. № 2. С. 38.

[3] См.: Головко Л.В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления // Государство и право. 2013. № 9; Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.

Азербайджанской Республики), «материалы» (сведения, документы и другие предметы) относительно разведывательной и контрразведывательной деятельности, все-таки законодательно вопрос решен на определенном уровне, а особенно касательно по применению оперативно-розыскных мероприятий, которые, кроме неотложных обстоятельств, производятся на основании постановлений суда. А этот вопрос, в отличие от уголовно-процессуального права Российской Федерации, рассматривается судом в порядке судебного контроля на основании норм УПК Азербайджанской Республики. Материалы этих мероприятий имеют доказательственное значение только тогда, когда они представлены в органы предварительного следствия (но не прокурору) или суд, которые обязаны проверить их в соответствии с требованиями УПК. При рассмотрении этих вопросов суду предоставлены полномочия о предложении представления или истребования дополнительных материалов, проверки на основании обращений сторон законности и обоснованности принимаемых решений. Принятие суда до суда можно расширить и в принятии доказательств, особенно связанных сведениями оперативно-розыскной деятельности. Несмотря на то, что правовая позиция Конституционного Суда Азербайджанской Республики в постановлении от 11 февраля 2015 г. «О толковании некоторых положений статей 137 и 445.2 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики» в общем весьма привлекательна, все-таки суд ясным образом не дал толкование нормы, а ограничился повторением ее содержания и указал: «Если материалы, добытые на основании постановления о проведении оперативно-розыскного мероприятия, добыты в соответствии с Законом Азербайджанской Республики “Об оперативно-розыскной деятельности” и представлены в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики, а также всесторонне проверены в порядке судебного контроля, то в соответствии с требованиями статьи 137 данного Кодекса могут быть признаны в качестве доказательств по уголовному преследованию».

В-пятых, необходимо также уточнить выражение «в рамках своих полномочий соответствующий суд первой инстанции», так как правом рассмотрения дел в этой сфере как суды первой инстанции обладают только районные (городские) и военные суды, а другие суда первой инстанции, т. е. суды по тяжким преступлениям, остаются в стороне. С другой стороны, полномочия судов одинаковы, различаются лишь территория и субъекты. Однако подобный подход оставляет в стороне судебную деятельность по проверке обоснованности и законности решений судов первой инстанции. Но именно такая проверка больше включает признаки контроля. Являющиеся элементами контроля требование, проверка документов и материалов, изменение или отмена решений характерны именно для проверки обоснованности и законности судебных решений.

Судебный надзор во многих случаях принципиально различается по рассматриваемым вопросам. Вначале необходимо отметить, что здесь полностью не обеспечиваются принцип состязательности и состязание. Во многих случаях не устанавливается или не привлекается к процессу субъект, интересы которых затрагиваются требованиями стороны обвинения или оперативно-розыскного органа. Если даже исключить применение оперативно-розыскных мер с использованием нелегальных средств и способов, имеется много схожих случаев в связи с уголовно-процессуальной деятельностью. Например, в случае избрания меры пресечения в виде ареста в отношении обвиняемого, которому не удалось предъявить обвинение, защитник, пытающийся оспаривать данное решение, не допускается на следствие, а по закону при обжаловании судебного постановления об аресте в большинстве случаев суд допускается на проверку постановлений по данным жалобам даже при обжаловании наложения ареста на

имущество или проведения следственных действий, осуществляемых с разрешения суда и их последствий. Хотя и при подобном подходе к вопросу позиция Конституционного Суда заслуживает одобрения, однако на практике не исключен отход от данной позиции. В любом случае законодатель и суды не должны упускать из виду толкования, включающие консолидацию, теоретические и практические данные и результаты конституционного производства с точки зрения последовательной защиты прав и свобод человека и обеспечения развития института судебного контроля.

В соответствии с постановлением Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики «О толковании статьи 449.2.3 Уголовно-Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики» от 5 августа 2009 года положение статьи 449.2.3 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики «другие лица, права и свободы которых нарушены вследствие принятия постановления или проведения действия» признает право свидетеля на обжалование процессуальных действий или постановлений органа, осуществляющего уголовный процесс, вследствие того, что он относится к другим участникам уголовного процесса. Для этого указаны основания, заключающиеся в следующем: если осуществленные действия и принятые решения в ходе уголовного преследования: а) затрагивают их права и законные интересы; б) могут нанести вред их правам и свободам, закрепленным в Конституции Азербайджанской Республики; в) могут затруднить обращение (доступ) к правосудию. Таким образом, указан четкий путь использования лицами, участвующими в качестве свидетелей в уголовном процессе, в ряде случаев эффективного и гибкого способа правовой защиты [Жуйков, 1997].

Постановлением Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики «О проверке соответствия постановления Военной коллегии Верховного Суда Азербайджанской Республики от 7 июля 2011 года Конституции и законам Азербайджанской Республики» от 17 апреля 2012 г. сформулировано заключение о том, что, согласно требованиям ст.ст. 442, 449 Уголовно-gроцессуального rодекса Азербайджанской Республики, суд, осуществляющий судебный надзор, вправе рассматривать процессуальные действия или постановления органа, осуществляющего уголовный процесс, на основании жалобы обвиняемого (подозреваемого) и его защитника, потерпевшего и его законного представителя, а также других лиц, права и свободы которых были нарушены вследствие принятия постановления или проведения действия, т. е. подтверждена возможность каждого использовать судебный надзор в случае нарушения прав и свобод.

Постановлением Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики «О проверке соответствия статьи 448.5 Уголовного-gроцессуального rодекса Азербайджанской Республики Конституции Азербайджанской Республики» от 16 сентября 2014 г. установлено, что вывод законодателя об отклонении просьбы об избрании или продлении меры пресечения в виде ареста в порядке судебного контроля и одновременно признание ст. 448.5 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики, позволяющей применять домашний арест на 7 дней и содержание под стражей, не соответствующей ч. I ст. 28 и ч. III ст. 149 Конституции Азербайджанской Республики, оказали значительное влияние на понимание назначения судебного контроля.

Постановлением Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики «О толковании некоторых положений статей 137 и 445.2 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики» от 12 февраля 2015 г. подтверждено, что при поступлении в суд постановления о проведении оперативно-розыскного мероприятия в соответствии со ст. 445.2

Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики в порядке судебного контроля должны быть проверены его законность и обоснованность с точки зрения обеспечения прав и свобод человека; если материалы, добытые на основании проведения оперативно-розыскного мероприятия, всесторонне проверены в порядке судебного контроля, то они могут быть признаны в качестве доказательства.

Конституционный Суд, еще раз подтвердив свою позицию, рассмотрел вопрос выяснения круга лиц, имеющих право на обжалование, и в Постановлении своего Пленума «О толковании положения “другие лица, имеющие право обжалования” статьи 449.2.3 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики» от 12 марта 2015 г. пошел еще дальше, указав, что положение «другие лица» не исключает право обжалования данных постановлений или действий лицами: а) не являющимися участниками и сторонами уголовного процесса, однако участвующими в уголовном процессе; б) осуществляющими в той или иной форме уголовно-процессуальные права или обязанности; в) права и свободы которых, закрепленные в Конституции и законах Азербайджанской Республики, нарушены вследствие принятия процессуального постановления или проведения действия.

Таким образом, Конституционный Суд Азербайджанской Республики хотя и не имеет возможности рассматривать соответствующие вопросы по собственной инициативе, тем не менее внес свой вклад в развитие института судебного контроля и теоретическое и практическое решение ряда важных вопросов. Однако в конкретных случаях наблюдаются отходы от данной позиции.

Заключение

Судебный надзор лишен возможности обеспечить в достаточной степени состязание сторон? и это также создает трудности с точки зрения соблюдения времени и процедурных правил. Хотя рассмотрение вопроса в краткие сроки полезно с точки зрения оперативности и эффективной защиты прав, суд в большинстве случаев не может обеспечить глубокое изучение вопроса, осуществление дополнительных мер и объективное рассмотрение ходатайств, представлений и жалоб и, несмотря на это, как правило, выносит решения о удовлетворении ходатайств и представлений и в большинстве случаев неудовлетворении жалоб. Хотя законодатель установил сроки именно с точки зрения быстрой и гибкой защиты общественных и частных интересов, обеспечения следов и доказательств при предоставлении разрешений, изолирования лица, совершившего преступление и др., немедленного устранения нарушений закона и обеспечения прав и законных интересов лица в случае наложение незаконного ареста на имущество, подвержения лица незаконному аресту и иным ограничениям.

При рассмотрении жалобы или протеста на постановление о наложении ареста на имущество при вероятности его добытия преступным путем, если проверка доводов, выдвинутых в жалобе или протесте обуславливает требование дополнительных доказательств и данных и закон считает это возможным, в случае непосредственного воздействия вопроса на установление способа приобретения имущества и направления запроса в соответствующий орган для этого в организационно-техническом отношении получение информации за короткое время объективно может оказаться невозможным. В этом случае недостаточность необходимых оснований дает суду основание для отказа от применения разрешения и ограничения, однако на практике суды проявляют чрезмерную осторожность и особенно в случаях невозможности расследования указанных жалобщиком обстоятельств отказываются удовлетворить жалобу. В связи с этим продление судом сроков рассмотрения жалобы также не могло дать

положительного результата, однако думаем, что в этой ситуации полезно было бы включение законодателем положения об основаниях обязанности суда не удовлетворить просьбу или отказаться от удовлетворения жалобы.

Развитие судебного контроля также тормозит наличие серьезных коллизий между традиционными законодательными ограничениями и нормами права, что в большинстве случаев снижает его значение как нового и эффективного института права и не стимулирует к совершенствованию.

В случае применения в отношении лица задержания, какой-либо меры пресечения, если в процессуальных нормах не предусмотрены какие-либо требования, в связи с этим, без судебного постановления его свобода серьезно ограничивается (и даже иногда применяются подобные ограничения в отношении иных участников процесса). На основе имеющихся материалов на эмпирическом примере продемонстрировав значимость права обжалования в суд и одновременно недостатки подхода законодателя, можно лучше понять необходимость серьезного усовершенствования регуляции вопроса. Имеются и случаи, когда затрагиваются интересы иных лиц.

Например, гражданка, являющаяся женой лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под арест с объявлением в розыск, допрашивается следователем в качестве свидетеля по делу. Спустя несколько дней прибывшей в аэропорт для поездки за границу в связи с состоянием здоровья объявляется, что ее право на выезд ограничено и не допускается выезд из страны. При этом ей не дается какая-либо дополнительная информация, соответствующее решение. Жалобы, направленные следователю, прокурору, вышестоящему прокурору, не только не рассматриваются по существу, они возвращаются лицам, действия которых были обжалованы, которые ограничиваются тем, что заявляют о применении ограничения в связи с уголовным делом. Гражданка, ссылаясь на нарушение ее права, обратилась в суд в порядке судебного контроля. Она обосновывает свою жалобу тем, что фактически применено ограничение ее права на выезд из страны на основе ограничения ее права на свободу как подозреваемого или обвиняемого. Так, ст. 9 Миграционного кодекса Азербайджанской Республики установлено, что право гражданина на выезд из страны может быть временно ограничено лишь при задержании или избрании в отношении него какой-либо меры пресечения согласно Уголовно-процессуальному кодексу Азербайджанской Республики до освобождения, до завершения срока меры пресечения либо до отмены меры пресечения.

Таким образом, налицо явное нарушение конституционного права лица, не являющегося ни подозреваемым, ни обвиняемым по делу, лишь допрошенным в качестве свидетеля. Суд (с полномочиями судебного контроля) после рассмотрения в течение одного месяца, ссылаясь на ст. 449.3 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики, вынес определение об отказе принятия жалобы к производству, признав жалобу возникшей не в порядке судебного контроля, а со ссылкой на регулирующие подсудность ст.ст. 2.2. и 2.2.4 Административно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики, т. е. признав спор возникшим из административных правоотношений.

Это при том, что УПК не предусмотрел вынесение подобного определения и отказ от рассмотрения жалоб в порядке судебного контроля. В то же время, как выше было указано, ограничение было применено не каким-либо административным органом и не в рамках административных отношений, а ведущими следствие следователем и прокурором и в рамках уголовно-процессуальных отношений.

Апелляционный Суд не удовлетворил поданную апелляционную жалобу и оставил решение в силе. Конституционный, Суд ссылаясь на требования ст. 130 (полномочия суда) Конституции

Азербайджанской Республики и ст. 34.4.1 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде», отказался принимать жалобу к производству ввиду отсутствия постановления последней судебной инстанции (постановления Верховного Суда Азербайджанской Республики) после полного использования права на обжалование судебного акта и подачи жалобы на постановление Апелляционного Суда.

Как видно, Конституционный Суд, с одной стороны, не соблюдает свои официальные толкования, а с другой стороны, не учитывает, что законом не установлена подача кассационной жалобы (в Верховный Суд) на заключительное решение апелляционного суда по жалобе, поданной в порядке судебного контроля. А ограничение было принято более года тому назад. Продолжая защиту своих прав, гражданка подала иск в административно-процессуальном порядке.

Содержащие несовершенные положения по срокам административно-процессуальные правила приводят к длительному рассмотрению спора по защите простого по сущности, но важного нарушенного права без присутствия стороны ответчика на судебных заседаниях, и в конечном итоге выносится непонятное решение об отклонении иска. Поданная на решение апелляционная жалоба не была удовлетворена на основании того, что жалобщица не лишена права на выезд из страны и въезд в страну, ее право на выезд из страны ограничено до завершения предварительного следствия.

Таким образом, факты остаются на месте, ясны и оценки. Прошел еще год, Верховный Суд, рассмотрев жалобу в кассационном порядке удовлетворил частично, иск признал невозможным и разъяснил, что данный спор должен быть рассмотрен в порядке судебного контроля, т. е. все надо начать с начала. Обратим внимание на тот факт, что недостатки уголовного процесса не удалось устранить ни им самим, ни иным правовым институтом, а правонарушение явно продолжается.

Приведенный эмпирический пример наглядно демонстрирует, что уголовно-процессуальное законодательство следует развивать и усовершенствовать. В конечном итоге в первую очередь должны быть устранены подлежащие обжалованию действия и постановления в ходе досудебного производства, ограничения в круге жалобщиков, уголовно-процессуальное право должно отдавать предпочтение самостоятельному решению своих проблем и обеспечить условия для равенства и состязания сторон для реальной защиты нарушенных прав. В этом смысле считаем, что должен быть также пересмотрен дуальный порядок подачи жалоб до суда, следует соблюдать пользование правом обращения в суд и преимущество судебных постановлений.

Дуальный порядок обжалования также является фактором, в определенной степени противодействующим осуществлению судебной проверки. Неясно, как будет осуществляться рассмотрение жалоб в случае, если одновременно подана жалоба в суд и прокурору. В этом случае, если прокурор, рассмотрев жалобу, вынесет решение, продолжит ли суд рассмотрение жалобы? Если суд вынесет решение, останется ли в силе требование о вынесении решения прокурором? Ясно, что после вынесения судебного решения прокурор обязан соблюдать его. Если суд не удовлетворил жалобу, то может ли прокурор удовлетворить жалобу при одинаковых или различных основаниях?

Рассмотрев жалобу одновременно, достигают ли прокурор и суд целей уголовного процесса? Если законом установлены конкретные сроки обращения для судебного рассмотрения и рассмотрения жалобы, то прокурор по своей должности имеет возможность проверить законность и обоснованность такого постановления или действия и без его обжалования и принимать решение по нему, а это нарушает преимущество судебного

рассмотрения и судебных постановлений.

После подачи жалобы в суд какой-либо орган и должностное лицо, а также прокурор не должны иметь возможность рассмотрения поступившей к ним схожей жалобы после получения соответствующего сообщения, необходимо действовать лишь в рамках судебной проверки.

Сбор доказательств в следственной системе, в том числе под судебным наблюдением (контролем), для представления в суд первой инстанции не следует рассматривать как противодействующим состязательности, есть структурная разница: одним из основных элементов состязательной системы считается представление доказательств в судебном рассмотрении дела. В уголовном процессе Турецкой Республики (Закон о правосудии наказаний 2004 г.) очень эффективно внедрены возможности ознакомления и получения копий документов (источников доказательств) до суда, начиная с ранних процессуальных и следственных действий. Такой подход к элементам состязательности более отвечает требованиям Европейского суда по правам человека, который в своих решениях по жалобам по делам уголовного судопроизводства исходит из того, что состязательный характер является элементом уголовного судопроизводства, между сторонами обвинения и защиты необходимо соблюдение принципа равенства, обоим сторонам должна быть предоставлена возможность ознакомления со всеми доказательствами. И только в исключительных и совершенно необходимых случаях в целях защиты основных прав других лиц и важных публичных интересов допускается ограничение права защиты.

Судебный контроль в досудебной стадии производства по уголовному делу структурно можно охарактеризовать так: обвинитель-прокурор или начальник следственного органа контролирует следователя и полицию, судья контролирует обвинителя-прокурора, вышестоящий суд (в основном апелляционном порядке) рассматривает жалобы и протесты на постановления судьи и принимает окончательное решение по вопросу, тем самым обеспечивается наибольший эффект судебного контроля в досудебных инстанциях.

С учетом вышеуказанного думается, что нормы, связанные с рассмотрением жалоб, необходимо собрать в отдельной главе и сформулировать основную норму следующим образом: «В ходе досудебного производства каждое лицо может в установленном настоящим Кодексом порядке обжаловать в суд действия (бездействие) или решения осуществляющих уголовное преследование (уголовный процесс) или участвующих в этом процессе по каким-либо основаниям дознавателя, следователя, прокурора и других должностных лиц, которые могут нарушить его конституционные права».

Как выше было указано, недопустимо смешивать судебный контроль с традиционными формами судопроизводства. Хотя в процессуальной литературе предприняты попытки охарактеризовать судебный контроль в качестве межотраслевого института, заменить его административным производством, гражданским производством, оценить как институт государственного права, эффективность данного института может повысить не отказ от этого гибкого и эффективного по своей сущности средства защиты прав и свобод человека, а последовательное обеспечение его регулирования, особенно его конкретизации и усовершенствования в сфере уголовно-процессуальных правоотношений, в которой применяются особенно жесткие ограничения.

Следует рассматривать судебный контроль как средство обеспечения демократизма и справедливости уголовного процесса, балансирование частных и публичных интересов, истинную демонстрацию справедливости в обществе.

Библиография

1. Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти. М., 2017. 287 с.
2. Жуйков В.М. Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту. М., 1997.
3. Смирнов А.В. Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состязательность // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 145-155.
4. Allen R.J. The Simpson affair, reform of the criminal justice process, and magic bullets // University of Colorado law review. 1996. Vol. 67.
5. Auld L.J. A review of the criminal courts of England and Wales. URL: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+/http://www.criminal-courts-review.org.uk/
6. Brants C., Field S. Truth-finding, procedural traditions and cultural trust in the Netherlands and England and Wales: when strengths become weaknesses // International journal of evidence and proof. 2016. Vol. 20. P. 266-288.
7. Caenegem W. van. Advantages and disadvantages of the adversarial system in criminal proceedings. URL: https://epublications.bond.edu.au/law_pubs/224/
8. Duff P.R. Disclosure in Scottish criminal procedure: another step in an inquisitorial direction // International journal of evidence and proof. 2007. Vol. 11. P. 153-180.
9. Ferguson P. Reforming criminal procedure: should adversarial systems of justice become more like inquisitorial ones? URL: https://law.rutgers.edu/sites/law/files/attachments/Ferguson%20-%20Reforming%20Criminal%20Procedure%20-%20Should%20Adversarial%20Systems%20of%20Justice%20Become%20More%20Like%20Inquisitorial%20Ones.pdf
10. Garland F., McEwan J. Embracing the overriding objectives: difficulties and dilemmas in the new criminal climate // International journal of evidence and proof. 2012. Vol. 16. P. 233-262.
11. Hodgson J. The police, the prosecutor and the judge d'instruction: judicial supervision in France, theory and practice // British journal of criminology. 2001. Vol. 41. P. 342-361.
12. Hodgson J. The role of the criminal defense lawyer in an inquisitorial procedure: legal and ethical constraints // Legal ethics. 2006. Vol. 9. P. 125-144.
13. Jackson J.D. Theories of truth finding in criminal procedure: an evolutionary approach // Cardozo law review. 1988. Vol. 10. P. 475-527.
14. Johnston E. All rise for the interventionist: the judiciary in the 21st century // Journal of criminal law. 2016.
15. Line L., Wyld C., Plater D. Pre-trial defence disclosure in South Australian criminal proceeding: time for change // Adelaide law review. 2016. Vol. 37. P. 101-134.
16. Peake J. Creating a hybrid system of procedure in international criminal law: a blending of adversarial and inquisitorial processes // ILSA Quarterly. 2014. Vol. 22. P. 22-28.
17. Quirk H. The significance of culture in criminal procedure reform: why the revised disclosure scheme cannot work // International journal of evidence and proof. 2006. Vol. 10. P. 42-59.

Some problems of implementing the adversarial principle in the exercise of judicial control during pre-trial proceedings in criminal procedure

Abbas M. Atakishi

Senior Lecturer,
Department of criminal procedure,
Baku State University,
AZ1001, 76/6 M. Guseina st., Baku, Republic of Azerbaijan;
e-mail: abbas@azeurotel.com

Abstract

The article aims to identify the foundations of a new form of judicial control (review) in the course of pre-trial proceedings in the criminal procedure in the Azerbaijan Republic and the Russian Federation, to describe the legislative development of constitutional provisions related to the

adversarial system, the relationship between the reform in the criminal procedure and the development of the institution of judicial control, understanding of judicial control in the adversarial and investigative systems of the criminal procedure in different countries, various approaches to the legislative response of adversarial principles in criminal proceedings. Judicial control is viewed as an effective mechanism for ensuring the rights and freedoms of man. The author examines the features of judicial control as a form of the administration of justice, its subject and content, directions and nature. The article analyses the essential issues, problems of and directions in the development of judicial control, the efficiency of clarification and expansion of directions in this control, concerns related to ensuring the adversarial system in the interpretations of the constitutional court, in precedents related to complaints in criminal cases of the European Court of Human Rights. The author pays special attention to problems emerging from appealing and reconsideration of complaints, proposes ways to solve legislative, theoretical and practical problems.

For citation

Atakishi A.M. (2018) Nekotorye problemy realizatsii printsipa sostyazatel'nosti pri osushchestvlenii sudebnogo kontrolya v khode dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse [Some problems of implementing the adversarial principle in the exercise of judicial control during pre-trial proceedings in criminal procedure]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 110-124.

Keywords

Criminal procedure, adversarial system, pre-trial proceedings, judicial control, appealing, examination of a complaint, judicial decision.

References

1. Allen R.J. (1996) The Simpson affair, reform of the criminal justice process, and magic bullets. *University of Colorado law review*, 67.
2. Auld L.J. *A review of the criminal courts of England and Wales*. Available at: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+/http://www.criminal-courts-review.org.uk/ [Accessed 26/02/18].
3. Brants C., Field S. (2016) Truth-finding, procedural traditions and cultural trust in the Netherlands and England and Wales: when strengths become weaknesses. *International journal of evidence and proof*, 20, pp. 266-288.
4. Caenegem W. van. *Advantages and disadvantages of the adversarial system in criminal proceedings*. Available at: https://epublications.bond.edu.au/law_pubs/224/ [Accessed 26/02/18].
5. Duff P.R. (2007) Disclosure in Scottish criminal procedure: another step in an inquisitorial direction. *International journal of evidence and proof*, 11, pp. 153-180.
6. Ferguson P. *Reforming criminal procedure: should adversarial systems of justice become more like inquisitorial ones?* Available at: https://law.rutgers.edu/sites/law/files/attachments/Ferguson%20-%20Reforming%20Criminal%20Procedure%20-%20Should%20Adversarial%20Systems%20of%20Justice%20Become%20More%20Like%20Inquisitorial%20Ones.pdf [Accessed 26/02/18].
7. Garland F., McEwan J. (2012) Embracing the overriding objectives: difficulties and dilemmas in the new criminal climate. *International journal of evidence and proof*, 16, pp. 233-262.
8. Hodgson J. (2001) The police, the prosecutor and the judge d'instruction: judicial supervision in France, theory and practice. *British journal of criminology*, 41, pp. 342-361.
9. Hodgson J. (2006) The role of the criminal defense lawyer in an inquisitorial procedure: legal and ethical constraints. *Legal ethics*, 9, pp. 125-144.
10. Jackson J.D. (1988) Theories of truth finding in criminal procedure: an evolutionary approach. *Cardozo law review*, 10, pp. 475-527.
11. Johnston E. (2016) All rise for the interventionist: the judiciary in the 21st century. *Journal of criminal law*.
12. Line L., Wyld C., Plater D. (2016) Pre-trial defence disclosure in South Australian criminal proceeding: time for change. *Adelaide law review*, 37, pp. 101-134.

13. Peake J. (2014) Creating a hybrid system of procedure in international criminal law: a blending of adversarial and inquisitorial processes. *ILSA Quarterly*, 22, pp. 22-28.
14. Quirk H. (2006) The significance of culture in criminal procedure reform: why the revised disclosure scheme cannot work. *International journal of evidence and proof*, 10, pp. 42-59.
15. Smirnov A.V. (2001) Reformy ugolovnoi yustitsii kontsa XX veka i diskursivnaya sostyazatel'nost' [The reforms of the criminal justice of the late 20th century and discursive adversariness]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 12, pp. 145-155.
16. Voskobitova L.A. (2017) *Teoreticheskie osnovy sudebnoi vlasti* [Theoretical foundations of judicial power]. Moscow.
17. Zhuikov V.M. (1997) *Teoreticheskie i prakticheskie problemy konstitutsionnogo prava na sudebnuyu zashchitu* [Theoretical and practical problems of the constitutional right to judicial protection]. Moscow.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343

Судебная экспертиза как средство доказывания по уголовным делам о незаконном предпринимательстве

Соловьева Полина Викторовна

Студентка,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, Волгоград, Университетский просп., 100;
e-mail: polya.solovyova.polya@yandex.ru

Аннотация

В настоящее время в связи с развитием предпринимательства все чаще совершаются противоправные деяния в сфере экономики. Для успешного расследования и раскрытия незаконного предпринимательства приходится прибегать к назначению судебных экспертиз. В статье делается вывод о том, что судебная экспертиза является основной формой применения специальных знаний в области расследования преступлений о незаконном предпринимательстве, обеспечивает компетентное и методически обоснованное исследование объектов, имеющих значение для установления обстоятельств дела. Судебная экспертиза является одним из видов доказательств, подтверждающих или опровергающих вину лица в совершении преступления, поэтому при ее производстве необходимо соблюдать процессуальный порядок подготовки и назначения, чтобы при проведении экспертизы не допустить ошибок, способных повлиять как на результат самой экспертизы, так и на исход дела. Каждый вид судебной экспертизы требует особой подготовки и назначения к ее производству, а своевременность назначения экспертизы и правильное формулирование заданий и вопросов экспертам обеспечивают оперативность и полноту всего расследования по делу незаконного предпринимательства. В заключении отмечается, что подготовка и назначение судебных экспертиз по делам о незаконном предпринимательстве должна осуществляться как с учетом общих правил подготовки и производства судебной экспертизы, закрепленных в УПК РФ, так и с учетом особенностей каждого вида экспертизы, назначаемой при расследовании незаконного предпринимательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Соловьева П.В. Судебная экспертиза как средство доказывания по уголовным делам о незаконном предпринимательстве // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 125-131.

Ключевые слова

Незаконное предпринимательство, назначение и производство судебной экспертизы, подготовка к судебной экспертизе, судебно-экспертная деятельность, заключение эксперта.

Введение

Для того чтобы понять важность соблюдения порядка назначения и подготовки к судебной экспертизе, необходимо определить значение и роль судебной экспертизы в уголовном процессе. УПК РФ не дает понятия судебной экспертизы, но его закрепляет ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: судебная экспертиза – это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, проводящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Из определения можно выявить круг лиц, которые могут назначать экспертизу, а также саму ее цель – установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Результат экспертизы – заключение эксперта – является одним из видов доказательств согласно п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Таким образом, выводы эксперта могут быть источником доказательственной информации или же составлять основу доказательственной базы.

Значение судебной экспертизы в уголовном процессе по делам о незаконном предпринимательстве довольно велико, так как при расследовании данных преступлений зачастую производятся экспертизы для исследования и разрешения вопросов, которые требуют специальных знаний в области бухгалтерии, кредитования, экономики, финансов, налогообложения, аналитики и других областей, затрагивающих рассматриваемое правонарушение, с целью получения профессиональной оценки степени соответствия объекта заданным характеристикам, полученным при расследовании дела.

Понятие экспертиза, как писала Е.Р. Россинская, применяется в науке и практике для обозначения исследований, требующих использование профессиональных знаний [Россинская, 2016, 94]. Для проведения такой экспертизы необходима компетенция эксперта, которую ученые определяют по-разному. Так, В.В. Зырянов определяет компетенцию эксперта как обладание «знаниями определенной отрасли, а также методами исследования объектов и закономерностей» [Зырянов, 2003, 230]. В.Е. Корноухов и А.И. Журавлева вносят в содержание компетенции эксперта такие составляющие, как знания из соответствующей судебно-экспертной отрасли, знание не только материальных, но и процессуальных норм, регламентирующих проведение экспертизы, а также владение комплексом методик экспертного исследования [Журавлева, 2000, 515]. Также следует отметить необходимость знания уголовно-процессуального законодательства в области судебных экспертиз в целом, прав и обязанностей эксперта для понимания границ компетенции и объема полномочий в своей деятельности.

Стоит выделить и мнение законодателя, который признает судебного эксперта как аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, производящего судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей (ст. 12 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

Таким образом, эксперту для проведения судебной экспертизы необходимо иметь на то свои права и обязанности, определенные законодательством Российской Федерации. А значит, результаты судебной экспертизы, выполненной компетентным экспертом, будут являться весомым доказательством по делам о незаконном предпринимательстве. Поскольку сфера

предпринимательства – это специфическая сфера деятельности, то и знания эксперта по уголовным делам о незаконном предпринимательстве должны охватывать способы подделки документов, в особенности лицензий, признаки нелегального дохода, способы уклонения от налогов и обязательных сборов и др.

Судебная экспертиза по уголовным делам о незаконном предпринимательстве

Рассматривая правовую базу производства судебной экспертизы, необходимо в первую очередь отметить Конституцию Российской Федерации, в которой закрепляются основные права и запреты в экономической деятельности, УК РФ, регламентирующий наказание за осуществление незаконного предпринимательства, УПК РФ, Федеральные законы «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», «О бухгалтерском учете», «Об аудиторской деятельности» и др.

Из анализа данных нормативно-правовых актов можно сделать вывод о роли судебной экспертизы, которая заключается в помощи следствию и суду, в обнаружении и выявлении обстоятельств и фактов намеренного и противозаконного искажения экономической информации, и трудно переоценить ее значении в решении самого вопроса о возбуждении уголовного дела [Умирбаева, 2014, 166].

Следует разобраться и в предмете судебной экспертизы, назначаемой по уголовным делам о незаконном предпринимательстве. П.Д. Зубов предметом судебно-экономической экспертизы считает установление фактов путем решения задач по вопросам, связанным с финансово-хозяйственной деятельностью субъекта [Зубов, www]. Также в предмет рассматриваемой экспертизы входят конкретные факты, выявленные в ходе судебного разбирательства или расследования, требующие специальных знаний для стоимостной и экономической оценки [Там же].

Но не только предмет судебной экспертизы помогает понять ее значение и роль, задачи, которые ставятся перед экспертом и выполняются в ходе судебной экспертизы по делам о незаконном предпринимательстве, способствуют определению ее места в уголовном судопроизводстве.

При расследовании преступлений в сфере незаконного предпринимательства судебная экспертиза решает следующие задачи:

– задачи, направляемые на установление элементов преступления, в первую очередь способа совершения преступного деяния;
– задачи, направляемые на установление причинно-следственной связи между общественно-опасным деянием и наступившими последствиями;
– задачи, решаемые с целью установления последствия преступной деятельности [Казакова, Соловьева, 2015].

Таким образом, судебная экспертиза является основной формой применения специальных знаний в области расследования преступлений о незаконном предпринимательстве, обеспечивает компетентное и методически обоснованное исследование объектов, имеющих значение для установления обстоятельств дела. А также она является одним из видов доказательств, подтверждающих или опровергающих вину лица в совершении преступления, поэтому при ее производстве необходимо соблюдать процессуальный порядок подготовки и назначения судебной экспертизы, чтобы при проведении не допускать ошибок, способных

повлиять на результат самой экспертизы, а следовательно, и на исход дела.

В практической деятельности у уполномоченных государственных органов возникает ряд проблем, связанных с назначением и производством судебной экспертизы. Такие сложности вызывает зачастую организация судебно-экономических экспертиз, при производстве которых необходима серьезная подготовка материалов для последующего исследования, требующего длительного времени. В связи с этим назначать судебную экспертизу следует сразу после полной ее подготовки, когда будут собраны нужные данные, материалы, документы.

В целях недопущения данных проблем такой этап, как подготовка судебной экспертизы, очень важен для ее производства и успешного результата. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» закрепляется, что органам предварительного расследования, а также судам необходимо в полном объеме использовать достижения науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, назначать судебную экспертизу во всех случаях, когда для разрешения вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве, ремесле.

Опираясь на особенности исследования объектов, связанных с экономическими преступлениями, можно сделать вывод о том, что для расследования таких преступлений необходимы специальные знания в области предпринимательства, бухгалтерского учета, налоговых, сметных и кассовых требований, документальной ревизии и т. д. И для того, чтобы правильно и продуктивно воспользоваться знаниями эксперта, уполномоченным государственным органам нужно тщательно и в полном объеме подготавливать материалы для назначения экспертизы, осуществлять необходимые процессуальные действия.

Итак, по мнению Е.С. Тонкого, подготовка к назначению судебных экспертиз по уголовным делам о незаконном предпринимательстве должна включать:

– изучение особенностей системы учета и отчетности, документооборота у хозяйствующего субъекта;
– ознакомление с его нормативными актами, регламентирующими финансовую, хозяйственную и производственную деятельность, а также ознакомление со специальной литературой по вопросам производства и назначения судебных экспертиз по уголовным делам о незаконном предпринимательстве;
– проведение необходимых следственных и иных действий для установления обстоятельств расследуемого совершенного незаконного предпринимательства;
– определение достоверности бухгалтерских документов, их выемку;
– выемку регистров, материалов документальных поверок и контроля;
– выбор экспертного учреждения, формирование вопросов, выносимых на разрешение выбранного эксперта;
– определение срока проведение экспертизы, а также выбор момента ее назначения [Тонкий, 2015].

В зависимости от того, какой вид экспертизы назначается по уголовному делу о незаконном предпринимательстве, содержание подготовительных действий к судебной экспертизе будет отличаться. Например, при подготовке к почерковедческой экспертизе необходимо совершить такие действия, как хранение документов в упакованном и опечатанном виде и направление их в таком виде и состоянии, в каком они были изъяты при проведении следственных действий, а

также подготовить материалы для назначения экспертизы, такая подготовка начинается с осмотра следователем подлежащих исследованию документов.

В общем, результаты осмотра документа имеют лишь ориентировочное значение, но могут помочь уполномоченному лицу в формулировке вопросов эксперту, а также в сборе и подготовке материалов для назначения почерковедческой экспертизы.

Для подготовки же судебной экспертизы документов совершается ряд следующих действий: определение документа и непосредственно объекта исследования, подготовка и собирание сравнительных материалов, а также собирание необходимых для производства экспертизы сведений [Россинская, 2016, 121].

Итак, общим для всех видов судебных экспертиз, назначаемых по уголовным делам о незаконном предпринимательстве, является то, что материал, представляемый на экспертизу, должен быть качественным и полным, его фиксация должна соответствовать процессуальному закону [Тонкий, 2015]. Такие требования важны, поскольку эксперт дает заключение, опираясь на материалы, собранные и представленные органом, подготавливающим и назначающим экспертизу. Именно поэтому значимость этапа подготовки судебной экспертизы затрагивается в ряде авторских работ и является актуальной по сегодняшний день. Ведь, как показывает практика, довольно много ошибок допускается при подготовке судебной экспертизы, что, естественно, влияет на ее результат.

Например, З.А. Умирбаева отмечает, что отсутствие внимания со стороны органов предварительного расследования и судов к подготовке материалов и объектов исследования является одной из важных причин, почему государственному органу, назначившему экспертизу, возвращаются материалы без ее производства. На сегодняшний день из-за названных проблем непредставления объекта исследования возвращается без производства судебной экспертизы 10,4% всех материалов по уголовным делам о незаконном предпринимательстве, а ввиду неполноты представляемых на экспертизу материалов возвращается 80,7% всех материалов по рассматриваемым делам [Умирбаева, 2014, 167].

Стоит ответить, что в связи с особенностью преступлений в области незаконного предпринимательства возникает сложность в своевременной подготовке судебной экспертизы. Такие проблемы вызывают отсутствие достаточности имеющихся материалов для проведения экспертного исследования, отсутствие возможности обеспечить сохранность объектов, подлежащих исследованию, также это может быть и самонадеянность уполномоченного лица на возможность дальнейшего расследования дела без заключения эксперта и т. д. [Казакова, Соловьева, 2015]

Заключение

Таким образом, подготовка к судебной экспертизе по уголовным делам о незаконном предпринимательстве является важным и ответственным действием при ее назначении. Каждому виду экспертизы должен соответствовать свой ряд действий, производимых органами предварительного расследования или судом. Данным органам необходимо в пределах своей компетенции понимать значимость процесса подготовки к назначению судебной экспертизы и знать, какие действия совершать при том или ином виде экспертиз. Своевременность назначения и последовательность подготовки экспертизы по уголовным делам о незаконном предпринимательстве обеспечивают оперативность и полноту всего расследования по данному делу.

Библиография

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 18.01.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/
2. Журавлева И.А. Экспертные методики и их классификация. М.: Юристъ, 2000.
3. Зубов П.Д. Судебная экспертиза в области экономических преступлений. URL: http://elib.spbstu.ru/dl/2/v17-4315.pdf/download/v17-4315.pdf
4. Зырянов В.В. К вопросу о содержании специальных знаний эксперта. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003.
5. Казакова С.Е., Соловьева Н.А. Современная модификация адсорбционно-люминесцентного метода в судебно-технической экспертизе документов // Вестник ВолГУ. Серия 10: Инновационная деятельность. 2015. № 4 (19). С. 53-58.
6. Климович Л.П. Научные основы современной судебной экономической экспертизы. М.: Проспект, 2016. 144 с.
7. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/
8. Россинская Е.Р. (ред.) Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология). М.: Норма, 2016. 368 с.
9. Тонкий Е.С. Организация и алгоритмизация расследования незаконного предпринимательства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 24 с.
10. Умирбаева З.А. Некоторые проблемы производства судебных экспертиз // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 166-168.
11. Шинкарук В.М. Основание возбуждение уголовного дела: терминологические проблемы межотраслевого характера // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. № 2 (31). С. 162-166.

Forensic examination as a means of proof in criminal cases of illegal entrepreneurship

Polina V. Solov'eva

Student,
Volgograd State University,
400062, 100 Universitetsky av., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: polya.solovyova.polya@yandex.ru

Abstract

Currently, due to the development of entrepreneurship, illegal acts are being increasingly committed in the sphere of economy. For successful investigation and disclosure of illegal business it is necessary to resort to calling expert evidence. The article concludes that the forensic examination is the main form of the application of special knowledge in the field of investigation of crimes of illegal entrepreneurship, which provides a competent and methodically justified study of objects relevant to the establishment of the circumstances of a case. Forensic examination is one of the types of evidence that confirm or refute the guilt of a person in committing a crime, therefore, in the process of examination it is necessary to observe the procedure for preparing for and calling expert evidence, so that during the examination, no errors can affect both the result of the examination and the outcome of the case. The author of the article points out that preparing for and calling expert evidence in cases of illegal entrepreneurship should be carried out taking into account both the general rules of preparing for and calling expert evidence, enshrined in the Criminal Procedure Code, and with due regard to the characteristics of each type of examination.

For citation

Solov'eva P.V. (2018) Sudebnaya ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya po ugolovnym delam o nezakonnom predprinimatel'stve [Forensic examination as a means of proving in criminal cases of illegal entrepreneurship]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 125-131.

Keywords

Illegal entrepreneurship, preparing for and calling expert evidence, preparation for forensic examination, forensic activities, expert opinion.

References

1. Kazakova S.E., Solov'eva N.A. (2015) Sovremennaya modifikatsiya adsorbtsionno-lyuminestsentnogo metoda v sudebno-tekhnicheskoi ekspertize dokumentov [Modern modification of the adsorption-luminescent method in forensic technical examination of documents]. *Vestnik VolGU. Seriya 10: Innovatsionnaya deyatel'nost'* [Bulletin of Volgograd State University. Series 10: Innovation activities], 4 (19), pp. 53-58.
2. Klimovich L.P. (2016) *Nauchnye osnovy sovremennoi sudebnoi ekonomicheskoi ekspertizy* [Scientific fundamentals of modern judicial economic examination]. Moscow: Prospekt Publ.
3. *O sudebnoi ekspertize po ugolovnym delam: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 21.12.2010 № 28* [On judicial examination in criminal cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 28 of December 21, 2010]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ [Accessed 11/03/18].
4. Rossinskaya E.R. (ed.) (2016) *Teoriya sudebnoi ekspertizy (Sudebnaya ekspertologiya)* [The theory of forensic examination (Forensic expertology)]. Moscow: Norma Publ.
5. Shinkaruk V.M. (2016) Osnovanie vozbuzhdenie ugolovnogo dela: terminologicheskie problemy mezhotraslevogo kharaktera [The grounds for initiating a criminal case: terminological inter-sectoral problems]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Law], 2 (31), pp. 162-166.
6. Tonkii E.S. (2015) *Organizatsiya i algoritmizatsiya rassledovaniya nezakonnogo predprinimatel'stva. Doct. Diss. Abstract* [The organisation and algorithmisation of investigation in cases of illegal entrepreneurship. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
7. Umirbaeva Z.A. (2014) Nekotorye problemy proizvodstva sudebnykh ekspertiz [Some problems of forensic examination]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of Kutafin Moscow State Law University], 3, pp. 166-168.
8. *Voprosy organizatsii proizvodstva sudebnykh ekspertiz v ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniyakh organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: prikaz MVD Rossii ot 29.06.2005 № 511 (red. ot 18.01.2017)* [Issues of calling expert evidence in forensic divisions of internal affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 511 of June 29, 2005 (as amended on January 18, 2017)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ [Accessed 11/03/18].
9. Zhuravleva I.A. (2000) *Ekspertnye metodiki i ikh klassifikatsiya* [Expert techniques and their classification]. Moscow: Yurist" Publ.
10. Zubov P.D. *Sudebnaya ekspertiza v oblasti ekonomicheskikh prestuplenii* [Judicial examination in the field of economic crimes]. Available at: http://elib.spbstu.ru/dl/2/v17-4315.pdf/download/v17-4315.pdf [Accessed 11/03/18].
11. Zyryanov V.V. (2003) *K voprosu o soderzhanii spetsial'nykh znanii eksperta* [On the content of special expert knowledge]. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

УДК 343

Анализ судебных разъяснений США о необходимости реализации регулятивного направления уголовно-правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности

Ивенин Владимир Олегович

Адъюнкт,
Нижегородская академия МВД России,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: 073297@gmail.com

Аннотация

В работе приводятся материалы судебной практики Соединенных Штатов Америки по исключению преступности деяния сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих имитацию преступной деятельности, актуализируется проблематика отсутствия подобной правоприменительной основы в отечественном уголовном законодательстве. Статья является продолжением ранее представленного научному сообществу авторского исследования, посвященного уголовно-правовым средствам обеспечения оперативно-розыскной деятельности в зарубежном законодательстве. Демонстрируются официальные позиции судебных органов по применению указанных ранее правовых институтов. Рассматриваются фигурирующие в судебных разъяснениях критерии правомерности причинения вреда в рамках имитирующего преступную деятельность поведения, приводится иерархичная классификация правовых источников соответствующего уголовно-правового регулирования. Указывается на то, что тематический анализ зарубежного законодательства способен оказать немалую методологическую помощь при потенциальном юридико-техническом конструировании материально-правовой базы в части формирования конкретных нормативных основ регулятивного и охранительного уголовно-правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ивенин В.О. Анализ судебных разъяснений США о необходимости реализации регулятивного направления уголовно-правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 132-142.

Ключевые слова

Уголовно-правовое обеспечение, оперативно-розыскная деятельность, институт иной преступной деятельности, имитация преступного поведения, судебная практика.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) зачастую олицетворяется в проведении мероприятий, непосредственно сопряженных с риском причинения вреда общественным отношениям. Обуславливается подобная позиция спецификой оперативной работы, проведением таких оперативно-розыскных мероприятий, как оперативное внедрение, проверочная закупка, оперативный эксперимент. Функционирование ОРД напрямую связано с достижимостью целей отечественного уголовного судопроизводства; исходя из ее публично-правового характера, из перечня задач данной деятельности, очевидным становится околокриминальный характер данной правоохранительной сферы, и в этом выражается основное отличие работы оперативных подразделений от производства по уголовному делу в порядке предварительного расследования, которое обеспечивается качественной доказательственной базой именно посредством грамотного и своевременного оперативного сопровождения и сопутствующих проверочных мероприятий.

В связи с тем, что при непосредственном легендированном контакте в рамках оперативного внедрения, в частности с криминальным контингентом, сотрудников государственных органов, уполномоченных на ОРД, либо конфидентов, оказывающих им содействие (сотрудничество), оперативные работники участвуют в формально преступной активности, с точки зрения системы отправления правосудия может встать вопрос о наказуемости оперативных работников по формальным основаниям их участия в преступной деятельности. Разрешить подобный вопрос могло бы наличие специализированного обстоятельства, исключающего преступность деяния, в УК РФ, но, к сожалению, рассуждения о целесообразности включения такого в уголовное законодательство России находятся пока лишь на уровне доктрины.

Необходимость реализации регулятивного направления уголовно-правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности

Намного лучше, как мы выяснили ранее в другом однородном исследовании [Ивенин, 2018], данный аспект урегулирован в уголовном праве США. Роль средства по реализации регулятивного направления уголовно-правового обеспечения в США играет обстоятельство «исполнения закона либо правоохранительных полномочий», такое обстоятельство, как уголовно-правовое явление, относится к теории «квалифицированного иммунитета»[1].

Значение для оперативно-розыскной сферы подобного обстоятельства выражается в делегировании компетентным органам исполнительной власти возможности самим устанавливать для субъектов полагаемой деятельности полномочия по правомерному причинению вреда, участию в формально-преступной активности. Например, предусмотренная Генеральным прокурором США «иная преступная деятельность» благодаря указанному выше обстоятельству имеет уголовно-правовую природу (см. рис. 1).

Фактически регулятивное направление уголовно-правового обеспечения ОРД в США представлено корреляцией федерального и регионального уголовного законодательства,

[1] См. подробнее о различиях абсолютного и квалифицированного иммунитета: Absolute immunity law and legal definition. URL: https://definitions.uslegal.com/a/absolute-immunity/

подзаконных нормативно-правовых актов и судебных прецедентов, таким образом, всем элементам такой правовой основы придается уголовно-правовое значение (см. рис. 2).

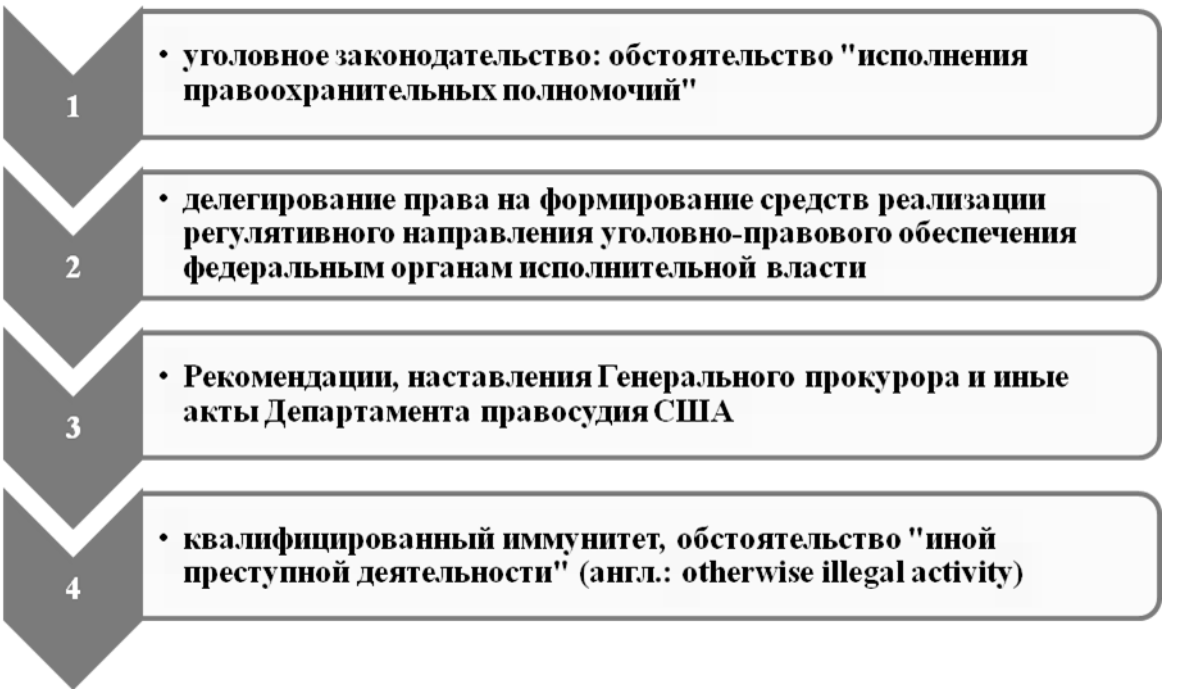

Рисунок 1 - Алгоритм реализация регулятивного направления уголовно-правового обеспечения посредством актов Генерального прокурора США

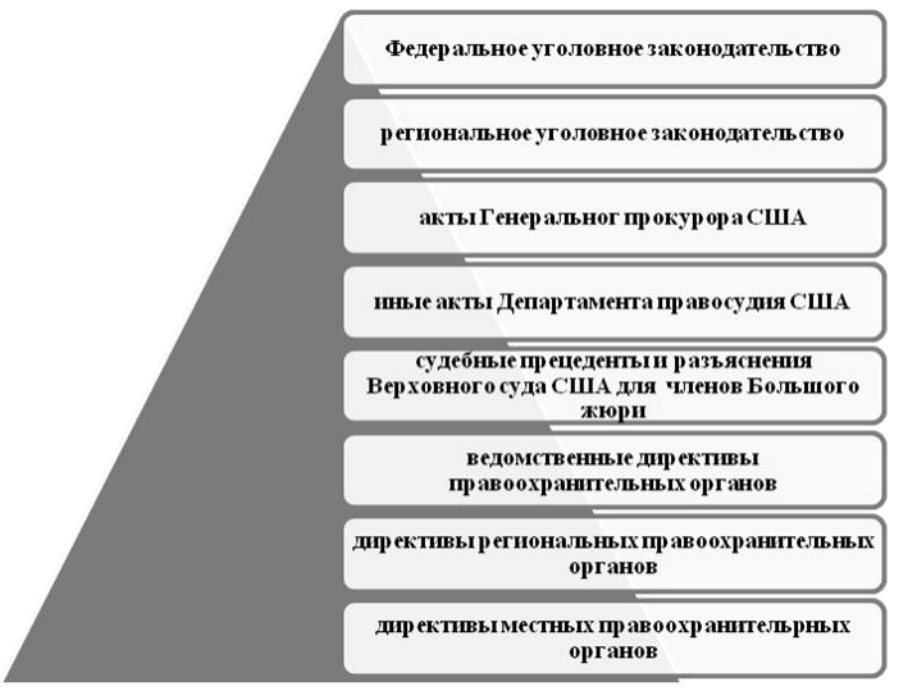

Рисунок 2 - Правовая основа реализации регулятивного направления уголовно-правового обеспечения ОРД в США

В США существует мероприятие, предполагающее тайное внедрение в криминальную

среду, и вопросы о мнимом соучастии, о правомерной провокации, о сопутствующем причинении вреда в рассматриваемом государстве регламентированы более объемно и юридически грамотнее, чем в континентальной системе права.

Ключевым для правоприменения обстоятельством является институт «иной незаконной деятельности» (англ. otherwise illegal activity), придающий правомерность формально преступной активности субъекта ОРД при должной авторизации. Согласно пп. 10, 11 п. «В» раздела I Руководящих принципов Генерального прокурора США по использованию конфиденциальных информаторов, существует два уровня «иной незаконной деятельности» (англ. tier 1, tier 2). Наиболее наглядно и системно такая классификация, равно как и правовая сущность данного вида иммунитета, продемонстрирована в тексте доклада Комитету Палаты представителей Соединенных Штатов по судебной власти от сентября 2015 г. № GAO-15-807 «Конфиденциальные осведомители: обновление политики и дополнительное руководство по улучшению надзора со стороны Министерства юстиции и Министерства внутренней безопасности США». В соответствии же с указанными выше источниками:

1) уровень 1 делегирует право на совершение определенных, заранее спланированных формально преступных деяний, предусмотренных федеральным уголовным законодательством. Это самый высокий уровень авторизации, требующий разрешения от федеральной прокуратуры, это более высокая система подотчетности; к данному уровню относят преступную активность конфидента или тайного сотрудника в обстановке:

1.1) совершения или серьезного риска совершения любого акта насилия со стороны лица или лиц, не являющихся конфиденциальными осведомителями;

1.2) коррупционного поведения или значительного риска коррупционного поведения со стороны федеральных, региональных или местных публичных должностных лиц;

1.3) производства, импорта, экспорта, владения или незаконного оборота контролируемых веществ в количестве, равном или превышающем те объемы, что указаны в Руководящих принципах Соединенных Штатов о вынесении приговоров [United States Sentencing Commission guidelines manual 2016, www];

1.4) финансовых потерь или существенного риска финансовых потерь в суммах, равных или превышающих те, которые указаны в Руководящих принципах Соединенных Штатов о вынесении приговоров;

1.5) предоставления конфиденциальным осведомителем любому лицу, кроме сотрудника Департамента правосудия, каких-либо предметов, оказания услуг или осуществления работ, необходимых для совершения федерального, регионального или местного правонарушении третьим лицом, у которого были трудности с получением данных предметов, услуг или результатов работ;

1.6) предоставления конфиденциальным осведомителем любому лицу, кроме сотрудника Департамента правосудия, контролируемого вещества с низкой вероятностью возврата;

2) уровень 2 делегирует право на совершение формально преступных деяний, запрещенных федеральным, региональным или местным уголовным законодательством, лицом, внедренным в рамках тайного расследования с меньшим уровнем авторизации, в этом случае достаточно лишь разрешения ответственного полевого агента Департамента правосудия [The Attorney General's guidelines…, www].

Обращаем ваше внимание на то, что уголовно-правовое содержание «иной преступной деятельности» связано с квалифицированным иммунитетом мнимого соучастника и является специализированным видом защит, в сущности, обстоятельством, исключающим преступность

деяния. Руководящие принципы по вынесению приговора в США в комментарии 1 к секции 3B1.2 гласят: «лицо, которое не несет уголовной ответственности за совершение преступления, например, тайный сотрудник правоохранительных органов, не является соучастником преступления» [United States Sentencing Commission guidelines manual 2016, www].

Упомянутый институт находит свое отражение и в других примерах судебной практики США. К примеру, в п. 12 решения Верховного Суда Монтаны от 29 июня 1999 г. № 98-073 по жалобе Марка Дж. Брэди на Департамент правосудия фигурирует формулировка, содержание которой можно перевести следующим образом: «участие в любой деятельности, которая запрещена федеральным, региональным или местным законодательством, не считая покупку украденных или контрабандных товаров или изготовления ложных документов, удостоверяющих личность, должно быть заранее одобрено Генеральным прокурором. Утверждение должно быть зафиксировано в письменной форме». В рамках указанного дела рассматривалось противоправность действий тайного агента Брэди по хранению наркотических средств, используемых им для вхождения в доверие к разрабатываемому. Так, в абз. 2 п. 21 данного решения приводится интерпретация генерального прокурора по практике целенаправленного совершения правоохранительными структурами противоправных действий применительно конкретно указанного случая: «Владение 134 фунтами марихуаны [частным лицом], имеющими уличную стоимость от 385 000 долларов США до 536 000 долларов США, является преступлением как по региональному, так и по федеральному закону. Агент должен иметь разрешение как своего начальника, так и генерального прокурора на использование такой контрабанды в целях проведения тайного расследования» [The grievance of Mark J. Brady…, www].

В то же время к вопросу об адекватности дозволенной девиации уголовно-правовое и уголовно-процессуальное законодательство США не возводит указанный вид иммунитета в абсолют, так как? кроме авторизации и предварительного утверждения границ противоправной деятельности субъекта тайного расследования, должны быть фактические обстоятельства, в том числе оперативно-тактическая обстановка, свидетельствующая о действительной необходимости, выбранной сотрудником или конфидентом модели поведения. Например, обратим внимание на определение судьи восточного района Нью-Йорка Джорджа Чейни Пратта, вынесенного для предварительного слушания по ряду дел, объединенных в одно производство – «США против Майерса» 1981 г., а именно по делам:

1) «США против Майкла О. Майерса, Анджело Дж. Эррикетти, Луи К. Йохансона и Говарда Л. Кридена» 1981 г. (№ CR 80-00249);

2) «США против Раймонда Ф. Сидерера, Анджело Дж. Эррикетти, Луи К. Йохансона и Говарда Л. Кридена» 1981 г. (№ CR 80-00-253);

3) «США против Фрэнкатомпсона-младшего, Джона М. Мерфи, Говарда Л. Криденена и Джозеффа Сильвестри» 1981 г. (№ 80-00291).

В тексте определения, в разделе III и в подразделе «А» раздела V данного судебного решения, упомянутый судья дает присяжным заседателям разъяснение относительно допустимости формально преступной провокационной деятельности сотрудников тайного расследования при осуществлении «иной незаконной деятельности». В тексте определения сказано: «во всех случаях, когда государственные служащие при выполнении своих правоохранительных функций оказывают помощь преступникам или участвуют вместе с ними в их преступной деятельности, возникают вопросы относительно правомерности или законности их поведения и относительно того, должен ли закон наказывать кого-либо за участие

в преступной деятельности, спровоцированной государственными органами в частности. Ответы должны опираться на соображения философии, психологии, статутного законодательства, конституционного права, практических потребностей правоприменения и даже недифференцированных внутренних чувств к правильному и неправильному» [United States v. Myers…, www]. С этой целью приводится комплекс вопросов, на которые было необходимо ответить при принятии решения об отмене обвинения на том основании, что лицо нарушило закон именно в рамках тайной операции, в числе таких вопросов следующие:

1. Осуществляли ли государственные агенты инициирование или подстрекательство к преступной деятельности?
2. Было ли их участие существенным для преступления?
3. Участвовал ли подсудимый в подобной преступной деятельности до контакта с правительственным агентом?
4. Является ли деятельность государственного агента, если рассматривать ее отдельно, преступной?
5. Насколько легка или сложна работа сотрудников правоохранительных органов по борьбе с данным видом преступной деятельности?
6. Было ли необходимым полиции использовать данную тактику для эффективного раскрытия преступления?
7. Предоставляло ли государство средства или орудия (например, наркотики, лабораторное оборудование, химикаты, деньги, чемоданы) для совершения преступления?
8. Если использовался осведомитель, был ли он надежным? Была ли у него судимость?
9. Выплачивается ли осведомителю гонорар в размере, зависимом от числа или важности обвиняемых, или осужденных лиц?
10. Нарушал ли осведомитель закон, призывал ли других нарушать его?
11. Оказывал ли осведомитель или тайный агент давление, угрозы в адрес обвиняемых с целью склонения их к совершению преступления?
12. Занимались ли информатор или тайные агенты другой деятельностью, не связанной непосредственно с преступлением, но нарушающей закон или являвшейся аморальной?
13. Проявляли ли государственные служащие должное внимание к судебному или полицейскому процессу?
14. Лжесвидетельствовали ли государственные агенты ложными сообщениями полиции, судье или большому жюри присяжных?
15. Действительно ли деятельность агентов наносит ущерб невинным гражданам, не являющимся объектом расследования?
16. Имеет ли деятельность государственных служащих какие-либо прямые или косвенные негативные общественные последствия?
17. Стояли ли агенты под прикрытием в стороне, пока в их присутствии совершалось преступление?
18. Какую ценность для правоохранительных органов имеет информация, полученная осведомителем или агентом под прикрытием?
19. Насколько важными являются преступление и его раскрытие для общественных отношений в целом?
20. Насколько тщательно деятельность осведомителя контролировалась государственными агентами?
21. Является ли обозначенное возмутительное поведение агентов частным случаем или же

частью широкораспространенной и постоянной практики?

22.Считалась ли данная следственная тактика угрожающей и ненадежной, тем самым потенциально способствующей привлечению невиновных людей к уголовному преследованию и возможному осуждению? [Ibidem]

В разделе III указанного определения судья обозначает перед присяжными свою личную точку зрения: «Хотя в Верховном Суде Соединенных Штатов и имеется указание некоторых несогласных судей о том, что деятельность под прикрытием, обман, уловка и тому подобные приемы должны быть недопустимыми в полиции согласно нашей Конституции, подавляющим большинством мнений по этому вопросу и Верховным Судом признается, что для борьбы с преступностью в нашем обществе полиции разрешено использовать уловки, хитрости, возможности совершения преступлений, агентов под прикрытием, которые непосредственно взаимодействуют с преступными элементами».

Судебная позиция в США по толкованию и применению нормативно-правовых актов имеет немалое значение для судопроизводства, в англо-американском праве широко распространено правило «judex est lexloquens» («судья есть говорящий закон»), в связи с чем в государствах данной правовой системы отсутствует проблема применения, например, иммунитета от уголовного преследования в отношении субъектов тайного расследования, если соответствующее нормативное предписание не предусмотрено региональным законодательством. В подобных случаях суды США могут опираться на рекомендации Генерального прокурора или ведомственные подзаконные акты, разъяснять их положения членам Большого жюри.

Такая судебная практика не является чем-то исключительным, из ряда вон выходящим. Например, в истребованном для Апелляционного суда девятого округа США решении Верховного Суда по делу «США против Рассела» № 71-1589 от 1973 г. приводятся следующие доводы в защиту сотрудников государственных органов, совершивших запрещенную законом провокацию в процессе оперативной работы: «Незаконное изготовление наркотиков – это не случайный, не единичный преступный инцидент, а продолжающееся, хотя и незаконное, предприятие. Добиться осуждения за незаконное изготовление наркотиков из-за трудностей сбора доказательств преступного поведения в прошлом часто оказывается практически невыполнимой задачей. Так, по делу о наркопреступлениях сотрудники правоохранительных органов обратились к одному из практически единственных осуществимых средств выявления – к проникновению в среду наркопреступников и ограниченному участию в их противоправной деятельности. Такое проникновение является признанным и допустимым средством расследования» [United States v. Russell, www].

Исходя из содержания подвергнутого анализу нормативного материала, для исключения преступности деяния или уголовной ответственности сотрудника либо конфидента в США существуют два требования:

1) к правомерности участия в преступной деятельности;
2) к правомерности причиненного в рамках указанного участия вреда.

Рассмотрим требование к правомерности участия в преступной деятельности.

Правомерность участия предполагает не только наличие предварительно собранного пакета документов, но и следственную целесообразность вовлечения сотрудника или конфидента в преступную деятельность. Упомянутое ранее Руководство Генерального прокурора в разделе «Н» [Participation in otherwise illegal activity…, www] гласит, что ни одному служащему не рекомендуется и не одобряется участие в иной незаконной деятельности, за исключением

случаев, когда такое участие и вред оправданы следующими целями:

1) получение информации или доказательств, необходимых для успеха расследования, если без разумного доступа к участию невозможно ее получение;

2) установление или поддержание прикрытия (при угрозе рассекречивания);

3) предотвращение смерти или серьезных телесных повреждений.

Вопросом интерпретации данной позиции зарубежной прокуратуры также занимался профессор А.П. Дмитренко, начальник кафедры уголовного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, в сотрудничестве с Е.А. Русскевич. Они дали разъяснение положений, предусмотренных разделами «К» и «Н» упомянутого Руководства [Дмитренко, Русскевич, 2015, 29], следует обратить внимание на то, что приведенный данными исследователями перевод соответствующего документа несколько отличается от предложенного нами варианта, однако юридическое содержание трактовок в целом не различается.

Дальнейший анализ обозначенного нормативно-правового акта показывает, что условия освобождения от уголовной ответственности оперативного работника правоохранительных органов США также предусматривают определенные рамки или границы дозволенного отклонения от правомерного поведения, в Руководстве говорится, что внедренное лицо не может:

1) участвовать в любом акте насилия, кроме случаев самообороны;

2) инициировать или провоцировать любое планирование совершения преступных деяний, за исключением случаев, предусмотренных в разделе V Руководства;

3) осуществлять несанкционированные тайные следственные действия.

Вопрос о правомерности причиненного вреда разрешается в соответствии с уровнем санкционирования «иной преступной деятельности». Специальный агент от Департамента правосудия имеет право организовывать следующие мероприятия, преступность которых исключается ввиду осуществления таковых в рамках оперативной работы:

1) проступок или иное равное незначительное преступление по федеральному, региональному или местному законодательству;

2) консенсуальный мониторинг (для ФБР) или скрытый мониторинг (для Центрального разведывательного управления) без судебной санкции;

3) приобретение похищенных или контрабандных товаров;

4) доставка или продажа похищенного имущества, законный владелец которого не может быть установлен;

5) контролируемая поставка наркотиков, которые не будут вовлечены в коммерческий оборот;

6) дача взяток;

7) создание ложного представления у третьих лиц относительно тайны личности или права собственности на имущество;

8) проведение не более пяти операций по отмыванию денег, не превышающих в совокупности сумму в 1 млн долларов [Undercover and sensitive operations unit…, www].

Санкционировать совершение преступлений в рамках внедрения может помощник директора правоохранительного органа после утверждения Комитетом по надзору за тайными операциями, однако, если имеется риск для жизни и здоровья тайного сотрудника или третьих лиц, разрешение на преступную деятельность может дать только директор ФБР, его помощник-исполнитель или заместитель, но лишь после рассмотрения Комитетом по надзору за тайными

операциями.

Заключение

Игнорирование зарубежного опыта реализации уголовно-правовых положений об обеспечении ОРД было бы непростительным попустительством для любого правоведческого исследования, особенно в сфере публично-правового научного знания.

Более того, тематический анализ зарубежного законодательства способен оказать немалую методологическую помощь при потенциальном юридико-техническом конструировании материально-правовой базы в части формирования конкретных нормативных основ регулятивного и охранительного уголовно-правового обеспечения ОРД, будь то нормы правоустанавливающие или те, что будут содержать в диспозиции признаки составов преступлений, согласующихся с предложенной ранее системой.

Библиография

1. Дмитренко А.П., Русскевич Е.А. Зарубежный опыт законодательной регламентации причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны при проведении оперативного внедрения // Материалы Межведомственного круглого стола «Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности». Рязань: Концепция, 2015. С. 24-31.
2. Ивенин В.О. Об уголовно-правовом обеспечении оперативно-розыскной деятельности в зарубежном законодательстве // Вестник ВУиТ. 2018. № 2. С. 160-171.
3. Participation in otherwise illegal activity by undercover employees: Attorney General's guidelines on Federal Bureau of Investigation undercover operations. URL: https://vault.fbi.gov/FBI%20Undercover%20Operations%20/FBI%20Undercover%20Operations%20Part%201%20of%201
4. The grievance of Mark J. Brady, petitioner and appellant, v. Montana Department of Justice, respondent and respondent (No. 98-073). URL: http://caselaw.findlaw.com/mt-supreme-court/1440444.html
5. The Attorney General's guidelines regarding the use of confidential informants. URL: https://www.justia.com/criminal/docs/use-of-confidential-informants-guidelines/
6. Undercover and sensitive operations unit: Attorney General's guidelines on FBI undercover operations, November 13, 1992. URL: https://www.justice.gov/archives/ag/undercover-and-sensitive-operations-unit-attorney-generals-guidelines-fbi-undercover-operations
7. United States Sentencing Commission guidelines manual 2016. URL: https://www.ussc.gov/sites/default/files/pdf/guidelines-manual/2016/GLMFull.pdf/
8. United States v. Myers, 527 F. Supp. 1206 (E.D.N.Y. 1981). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/527/1206/2368969/
9. United States v. Russell, 411 U.S. 423 (1973). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/411/423/case.html

Analysis of judicial explanations of the USA about the need for implementing the regulatory direction in the criminal legal support for operational-search activities

Vladimir O. Ivenin

Postgraduate,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
603950, 3 Ankudinovskoe hwy, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: 073297@gmail.com

Abstract

The article deals with the materials of the judicial practice of the United States of America regarding the exclusion of criminality of the actions of employees of operative units, imitating criminal activity, as well as identifies problems arising from the lack of such a framework for law enforcement in domestic criminal legislation. The author of the article continues his research on criminal legal means used for providing support to operational-search activities in foreign legislation. The article demonstrates the official positions of judicial bodies on the application of the previously mentioned legal institutions. Special attention is being paid to the criteria of the legitimacy of causing harm in the framework of the behaviour imitating criminal activity, as well as the hierarchical classification of the legal sources of the corresponding criminal legal regulation. The article points out that the thematic analysis of foreign legislation on the regulation of operational-search activities in the mentioned sphere (i. e. infiltration missions and participation of police officers in criminal activity) is able to provide considerable methodological assistance in the potential legal and technical design of the material and legal basis in terms of the formation of the specific regulatory framework for providing regulatory and protective criminal legal support to operational-search activities.

For citation

Ivenin V.O. (2018) Analiz sudebnykh raz"yasnenii SShA o neobkhodimosti realizatsii regulyativnogo napravleniya ugolovno-pravovogo obespecheniya operativno-rozysknoi deyatel'nosti [Analysis of judicial explanations of the USA about the need for implementing the regulatory direction in the criminal legal support for operational-search activities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 132-142.

Keywords

Criminal legal support, operational-search activities, institution of otherwise illegal activity, imitation of criminal behaviour, judicial practice.

References

1. Dmitrenko A.P., Russkevich E.A. (2015) Zarubezhnyi opyt zakonodatel'noi reglamentatsii prichineniya vreda ob"ektam ugolovno-pravovoi okhrany pri provedenii operativnogo vnedreniya [Foreign experience of the legislative regulation of causing harm to objects of criminal law protection during infiltration missions]. *Materialy Mezhvedomstvennogo kruglogo stola "Problemy primeneniya ugolovnogo zakonodatel'stva pri osushchestvlenii operativno-rozysknoi deyatel'nosti"* [Proc. Round Table "Problems of applying criminal legislation in operational-search activities"]. Ryazan: Kontseptsiya Publ., pp. 24-31.
2. Ivenin V.O. (2018) Ob ugolovno-pravovom obespechenii operativno-rozysknoi deyatel'nosti v zarubezhnom zakonodatel'stve [On criminal legal support for operational-search activities in foreign legislation]. *Vestnik VUiT* [Bulletin of the Volzhsky University after V.N. Tatischev], 2, pp. 160-171.
3. *Participation in otherwise illegal activity by undercover employees: Attorney General's guidelines on Federal Bureau of Investigation undercover operations*. Available at: https://vault.fbi.gov/FBI%20Undercover%20Operations%20/FBI%20Undercover%20Operations%20Part%201%20of%201 [Accessed 14/03/18].
4. *The grievance of Mark J. Brady, petitioner and appellant, v. Montana Department of Justice, respondent and respondent (No. 98-073).* Available at: http://caselaw.findlaw.com/mt-supreme-court/1440444.html [Accessed 14/03/18].
5. *The Attorney General's guidelines regarding the use of confidential informants*. Available at: https://www.justia.com/criminal/docs/use-of-confidential-informants-guidelines/ [Accessed 14/03/18].
6. *Undercover and sensitive operations unit: Attorney General's guidelines on FBI undercover operations, November 13, 1992*. Available at: https://www.justice.gov/archives/ag/undercover-and-sensitive-operations-unit-attorney-generals-

guidelines-fbi-undercover-operations [Accessed 14/03/18].
7. *United States Sentencing Commission guidelines manual 2016*. Available at: https://www.ussc.gov/sites/default/files/pdf/guidelines-manual/2016/GLMFull.pdf/ [Accessed 14/03/18].
8. *United States v. Myers, 527 F. Supp. 1206 (E.D.N.Y. 1981)*. Available at: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/527/1206/2368969/ [Accessed 14/03/18].
9. *United States v. Russell, 411 U.S. 423 (1973)*. Available at: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/411/423/case.html [Accessed 14/03/18].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.1

Отдельные проблемы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела

Мантарджиев Михаил Васильевич

Аспирант,
кафедра уголовного процесса,
Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: mihailis92@mail.ru

Аннотация

В статье излагаются результаты анализа актуальных проблем доказывания в уголовно-процессуальной деятельности, а также проблем, присущих стадии возбуждения уголовного дела. Доказывание представляет собой многоэлементную уголовно-процессуальную деятельность, выражающуюся в собирании, проверке и оценке доказательств. Внимание акцентируется на единстве процесса доказывания с учетом дефицита доказательств на этапе проверки сообщения о преступлении. Доказывание заключается в собирании, проверке и оценке доказательств. Каждый из указанных элементов является важной составляющей, однако они не в достаточной мере урегулированы законом, что требует разработки вопроса с учетом особенностей первоначальной стадии. Также в статье обращается внимание на отсутствие регламентации производства ряда процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела, таких как изъятие, получение объяснений. Так как содержание объяснений является донором для последующих протоколов допроса, отвечающих требованиям закона, нами предлагается включение в указанную стадию нового процессуального действия. С целью экономии времени, сил, средств на основе проведенного исследования нами предлагается ввести в стадию возбуждения уголовного дела такое следственное действие, как допрос, что послужит повышению эффективности всего уголовного судопроизводства.

Для цитирования в научных исследованиях

Мантарджиев М.В. Отдельные проблемы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 143-151.

Ключевые слова

Доказательства, доказывание, собирание доказательств, проверка и оценка доказательств, проверка сообщения о преступлении, объяснения, допрос.

Введение

Доказывание в уголовном процессе всегда вызывало к себе интерес как ученых, так и представителей практики. Данная деятельность пронизывает весь уголовный процесс с момента регистрации сообщения о преступлении и вплоть до момента принятия судом итогового решения.

Проблемы доказывания были исследованы многими известными учеными, такими как В.И. Зажицкий, С.В. Бородин, В.Н. Григорьев, Н.В. Жогин, А.М. Ларин, П.А. Лупинская, Ф.Н. Фаткуллин, С.А. Шейфер.

Несмотря на неоднозначное отношение в современной науке к стадии возбуждения уголовного дела – «упразднить нельзя реформировать» [Стародубова, 2013, 69], она служит отправной точкой всего уголовного процесса. Обладая общими признаками стадий уголовного процесса, она имеет не свойственные другим стадиям признаки, предопределяющие ряд проблем. Учитывая многоаспектность темы, многие ученые-процессуалисты обращались к вопросам доказывания в стадии возбуждения уголовного дела (включая П.П. Сердюкова, В.В. Золотых, С.А. Шейфера, А.Р. Михайленко, А.П. Рыжакова, М.С. Строговича, А.С. Александрова, Л.М. Володину, И.С. Дикарева, Н.В. Жогина, Ф.Н. Фаткуллина, О.А. Малышеву, И.В. Овсянникова). Предметом дискуссий были вопросы наличия доказывания на этапе проверки сообщения о преступлении, классификации средств доказывания, предмета и пределов познания, самостоятельности данной стадии, обеспечения прав граждан, значения результатов проверочных мероприятий, цели и задачи данной стадии, причем предлагались различные решения. Но поскольку об указанных проблемах уже писали, мы хотим дополнить этот перечень еще и тем, что мы видим на сегодняшний день, а это, в частности, такие проблемы, как структура уголовно-процессуального доказывания, возможность применения отдельных процессуальных действий для получения доказательств, возможность использования сведений, полученных на этапе проверки сообщения о преступлении, в качестве доказательств при последующем расследовании.

Так, исходя из положений ст. 85 УПК РФ, доказывание в уголовном процессе состоит в собирании, проверке и оценке доказательств. Каждый из указанных структурных элементов является отдельным полем для научных дискуссий со своей проблематикой. Однако структура процесса доказывания требует своего совершенствования, так как с уверенностью можно отметить, что она не отвечает требованиям этапа проверки сообщения о преступлении.

Собирание доказательств в науке уголовного процесса определяется как деятельность участников доказывания, каждый из которых в пределах предоставленных законом прав и полномочий предусмотренными в законе средствами и способами, осуществляет розыск, выявление, обнаружение сведений и материальных объектов с тем, чтобы собрать их в одном месте, в уголовном деле [Семенцов, 2013, 122].

Но большее внимание к себе привлекают проверка и оценка доказательств. Если формировать доказательственную базу дозволено не только дознавателю, следователю, прокурору, суду, но и защитнику, подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям, то проверка доказательств, в силу своей важности и требования профессиональности к этой деятельности, является приоритетным правом дознавателя, следователя, прокурора, суда. В уголовно-процессуальном законе отсутствует определение понятия «проверка доказательств», законодатель ограничился лишь указанием методов проверки доказательств и субъектов, уполномоченных осуществлять

указанную деятельность. Уголовно-процессуальный закон указывает на то, что проверка каждого отдельного доказательства осуществляется путем сопоставления его с другими имеющимися доказательствами, установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Ряд авторов полагает, что проверка доказательств является условно самостоятельным элементом, поскольку она практически растворяется в собирании и оценке доказательств [Кудрявцева, Попов, 2006, 202]. Придерживаясь указанной позиции, В.А. Лазарева присоединяется к числу тех, кто считает термин «исследование доказательств» более точным, нежели «проверка доказательств» [Лазарева, 2015, 28].

Проверка и оценка доказательств не являются одномоментным актом (действием) уполномоченного лица, а осуществляются на всем протяжении уголовного-процессуальной деятельности.

Некоторые авторы, в частности А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, определяют цель проверки доказательств как подтверждение или опровержение проверяемого доказательства. По мнению указанных авторов, задачей проверки доказательств является формирование совокупности доказательств, достаточной для вывода об их достоверности [Смирнов, Калиновский, www].

Полагаем, что проверка доказательств имеет двуединую направленность. В первую очередь это выявление соответствия или несоответствия доказательственной информации фактически произошедшим событиям, имевшим место в действительности. А во-вторых, это проверка процессуальной формы конкретного доказательства, т. е. проверка соответствия процедуры получения и фиксации требованиям уголовно-процессуального закона.

Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела

В стадии возбуждения уголовного дела доказывание осуществляется небольшим объемом процессуальных средств, в силу чего и совокупность доказательств (процессуальных) может быть небольшой. А вот совокупность иных сведений может иметь большой «объем», но при этом проверка в рамках доказывания касается только доказательств. Возникает вопрос: должны ли мы проверять имеющиеся «сведения»? На данном этапе проверка доказательств может занимать лишь определенный сегмент процессуальной деятельности, но это вовсе не означает, что дознаватель, следователь не обязаны предпринимать меры по проверке иной информации, поступающей к ним при проверке сообщения о преступлении, т. е. проверочная деятельность будет шире доказательственной проверки. И важность этой проверочной деятельности заключается в том, что она позволяет принимать законные и обоснованные решения не только на основе доказательств, но и на основе совокупности иной информации, также проверенной и представляющейся достоверной следователю, дознавателю.

Проверочная деятельность следователя, дознавателя на этапе проверки сообщения о преступлении не должна ограничиваться только проверкой доказательств. При этом сведения, которые получают оперативно-розыскным путем, могут проверяться процессуальными средствами (с помощью опросов, истребования различных материалов, назначением и производством экспертиз и т. д.). Получается, что проверочная деятельность осуществляется процессуальными и непроцессуальными средствами, и, кстати, на основе этих проверочных действий могут появляться доказательства.

Проверка доказательств – это не единственное направление деятельности следователя.

Также предполагается, что он должен проверить и иные сведения, которые статуса доказательств не имеют, поэтому проверочная деятельность следователя на этапе проверки сообщения о преступлении существенным образом отличается от проверки доказательств. Мы полагаем, что законодательное закрепление понятия «проверка доказательств» способствовало бы разрешению споров в науке и практике.

Заслуживает внимания тот факт, что Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ задал новый вектор в уголовно-процессуальном доказывании – в сторону расширения способов формирования доказательственной базы. Благодаря внесенным изменениям в стадии возбуждения уголовного дела разрешено проведение следственных действий, которые ранее были недоступны этому институту. Это такие следственные действия, как получение образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов и их изъятие, назначение судебной экспертизы, проведение освидетельствования. Осмотр места происшествия, предметов и документов до внесения соответствующих поправок можно было проводить только в случаях, не терпящих отлагательства. Сняты имевшееся ограничения на проведение осмотра трупа в стадии возбуждения уголовного дела.

Расширение возможностей для формирования доказательственной базы в рассматриваемой стадии дает право использовать собранные в стадии возбуждения уголовного дела доказательства в дальнейшем при производстве по уголовному делу, что принципиально меняет сущность процесса доказывания. Такое положение позволяет утверждать о единстве процесса доказывания в уголовном процессе. Как справедливо отмечает Ю.А. Ляхов, единство процесса доказывания необходимо, так как возбуждение уголовного дела даже тогда, когда оно возбуждается против определенного лица, – это лишь начальный этап процесса доказывания по уголовному делу [Ляхов, 2011, 109]. Но вышесказанное не отменяет того факта, что доказывание на разных этапах имеет свои специфические особенности, присущие только данной стадии уголовного процесса.

Проверка сообщения о преступлении – это комплекс процессуальной деятельности, в рамках которого могут быть получены доказательства теми процессуальными средствами, которые для этой цели предназначены (это в первую очередь следственные действия, а также иные процессуальные действия).

Законодательная неточность и непоследовательность в расширении круга процессуальных действий явились почвой для научных дискуссий и ошибок правоприменителя. В ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусмотрены истребование документов и предметов и изъятие их в порядке, установленном УПК РФ. Однако уголовно-процессуальный закон не дает нам ответа на вопрос: что же такое «изъятие»?

Ряд авторов, используя широкую трактовку и допущенную законодателем некорректность положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ («…истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом…»), считает возможным производство на стадии возбуждения уголовного дела и таких следственных действий, как выемка и обыск [Томин, Попов, Зинченко, 2014, 231].

Казалось бы, решение видится в применении аналогии закона. Именно так рассуждает Ю.А. Ляхов, указывая на то, что речь идет о производстве выемки [Ляхов, 2011, 111].

Профессор А. Халиков считает, что, так как в случае производства изъятия предметов и документов в порядке, установленном УПК РФ, нет какого-либо указания на поисковый характер, речь идет о правилах, аналогичных производству выемки, которые изложены в ст. 183 УПК РФ.

Подобное является вольным толкованием УПК РФ, так как изъятие является самостоятельным процессуальным действием. Это самостоятельное действие, направленное на получение материалов, необходимых для проверки сообщения о преступлении. Законодательный пробел в данном случае не позволяет прибегать к аналогии. В отношении иных процессуальных действий, включая опрос, изъятие, истребование, не предусматриваются достаточные гарантии их законности, можно сказать, нет ни формы проведения этих действий, ни гарантии законности при их производстве.

Казалось бы, законодательный пробел в данном случае позволяет использовать схожее по замыслу следственное действие, а именно выемку. Однако данный подход нам видится неправильным, не соответствующим положениям закона. Данная неопределенность позволяет производить выемку до принятия решения о возбуждении уголовного дела и использовать полученные таким образом предметы и документы в последующем при доказывании, что категорически недопустимо.

Генеральная прокуратура Российской Федерации рекомендует подчиненным прокурорам при осуществлении прокурорского надзора за законностью рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении обращать особое внимание на недопустимость производства обысков и выемок до возбуждения уголовного дела.

Мы разделяем позицию А.А. Сумина, который утверждает, что не может идти речь об отождествлении законодателем следственного действия «выемка» и непонятного «изъятия» [Сумин, 2013, www]. Действительно, что такое «изъятие»? В законе не предусматривается процедура производства дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа изъятия. Аналогичную позицию высказывает Н.В. Карагодин, а именно – закон не позволяет проводить в стадии возбуждения уголовного дела обыск и выемки [Карагодин, 2013].

Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что возможно изъятие предметов и документов в ходе проведения таких следственных действий, как производство осмотров, производство обыска, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и их осмотр, проверка показаний на месте. Таким образом, в результате допущенных законодателем неточностей в формулировках можно ожидать расширения практики производств различных следственных действий, сопровождающихся изъятиями, которые существенным образом ограничивают конституционное право граждан на неприкосновенность жилища, до возбуждения уголовного дела, без их согласия и судебного решения [Соколовская, Чаднова, 2017, 183].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что, исходя из содержания ч. 1 ст. 144 УПК РФ, применение выемки по аналогии закона в данном случае недопустимо. В законе указано, что изъятие происходит в порядке, установленном УПК РФ, но такого порядка нет. Законом предусмотрены иные процессуальные действия, включая получение объяснений, изъятие, истребование, в отношении которых не предусматриваются достаточные гарантии их законности, можно сказать их нет вообще. Ни формы проведения этих действий, ни гарантии законности при их производстве законодателем не предусмотрено.

Нельзя обойти стороной и такое процессуальное действие, как получение объяснений. Предусмотрев в ч. 1 ст. 144 УПК РФ право должностного лица получать объяснения, законодатель не определил правовую природу понятия объяснения и не установил порядок производства данного действия, что самым негативным образом стало отражаться на доказательственном значении этой процессуальной формы получения сведений [Ларинков,

Шиплюк, 2015, 77]. В УПК РФ детально не регламентирован процессуальный порядок получения объяснения, отсутствует предусмотренная законом процессуальная форма закрепления полученных при этом сведений. Нечеткость и неполнота закона в указанной части, несомненно, влекут неоднозначное его понимание и применение.

Отметим, что объяснения отбираются как у пострадавшего лица, так и лица, заподозренного в совершении преступления, а также сторонних очевидцев. Подобное равноправие нам видится не совсем правильным.

Объяснения на этапе проверки сообщения о преступлении, можно сказать, являются одним из основных средств получения и накопления сведений о произошедшем событии. Однако судебная и следственная практика не признает в качестве самостоятельного доказательства объяснения. В силу этого в последующем сведения, накопленные посредствам получения объяснений, обретают статус уголовного-процессуального доказательства путем проведения такого следственного действия, как допрос.

Получается, следователями, дознавателями после возбуждения уголовного дела выполняется допрос, дублирующий в содержательном плане объяснения, т. е. объяснения являются непосредственным «донором» последующего процессуального следственного действия, выполняемого, по сути, повторно. Последствиями этого являются трата времени, силы, средств и потеря скорости расследования. Несомненно, такая практика негативным образов влияет на весь ход уголовного судопроизводства.

Можно было бы перенести информацию, полученную на стадии возбуждения уголовного дела в форме объяснений, в стадию предварительного следствия и использовать ее без ограничений. Но, как было отмечено выше, опрос не сопровождается процессуальными гарантиями, поэтому его сложно адаптировать непосредственно к процессу доказывания с теми требованиями, которые предусмотрены законодателем.

И.Л. Петрухин, говоря о юридическом значении объяснений, отмечает, что следователь обязан проверить их, учесть при производстве расследования. Объяснения представляют собой лишь рассуждения, умозаключения и в прямом смысле этого понятия не являются доказательствами [Петрухин, 2003]. Эта двойственность требует от следователя эффективности труда, а с другой стороны, ограничивает его потенциал рамками требований, которые выдвинуты к доказательствам в судах – объяснения доказательствами не признаются.

А.А. Попов справедливо отмечает, что на эту проблему может быть и иной взгляд: предоставление дополнительных процессуальных средств для проверки сообщения о преступлении, а также для определения статуса субъектов правоотношений укрепляет данную стадию. Оно обеспечивает ее более надежными средствами для принятия обоснованного итогового решения, означающего начало предварительного расследования или отказ от него [Попов, 2014, 100].

В науке довольно активно обсуждается предложение о законодательном закреплении процессуального статус лиц, у которых отбираются объяснения в ходе проверки сообщения о преступлении. На этот счет верным представляется позиция С.М. Кузнецова, согласно которой в случае реализации указанных предложений исчезнет грань между получением объяснений и допросом и будет непонятно, для чего необходимо одновременное существование двух различных по наименованию, но одинаковых по содержанию процессуальных действий [Кузнецов, 2014]. Для завершения реформирования стадии возбуждения уголовного дела в нее следует допустить и такое следственное действие, как допрос [Там же, 62].

Заключение

С учетом вышесказанного наиболее правильным шагом в сложившейся ситуации нам видится расширение круга следственных действий, дозволенных в стадии возбуждения уголовного дела. Предлагаем включить наравне с другими процессуальными и следственными действиями в ч. 1 ст. 144 УПК РФ такое следственное действие, как допрос.

Библиография

1. Карагодин В.Н. Осмотр места происшествия, обыск или выемка? // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 128-132.
2. Кудрявцева А.В., Попов В.С. Участие защитника в процессе доказывания на стадии предварительного расследования и в суде первой инстанции. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006.
3. Кузнецов С.М. Проблемы использования объяснений, полученных на стадии возбуждения уголовного дела в доказывании // Алтайский юридический вестник. 2014. № 5. С. 59-62.
4. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М.: Юрист, 2015. 359 с.
5. Ларинков А.А., Шиплюк В.А. Объяснения, полученные на стадии возбуждения уголовного дела, и их место среди источников уголовно-процессуальных доказательств // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 4 (48). С. 75-81.
6. Ляхов Ю.А. Единство процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве России // Государство и право. 2011. № 4. С. 109-112.
7. Петрухин И.Л. (ред.) Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: ТК Велби, 2003.
8. Попов А.А. Стадия возбуждения уголовного дела: получение объяснений или допрос? // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (37). С. 99-102.
9. Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. 593 с.
10. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17039#038824138455464174
11. Соколовская Н.С., Чаднова И.В. К вопросу об изъятии предметов и документов при проверке сообщения о преступлении // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 181-184.
12. Стародубова Г.Б. Стадия возбуждения уголовного дела: упразднить нельзя реформировать // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 69-73.
13. Сумин А.А. Некоторые проблемы применения статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Адвокат. 2013. № 4. URL: http://base.garant.ru/57736857
14. Томин В.Т., Попов А.П., Зинченко И.А. Уголовный процесс России. Проблемные лекции. Пятигорск, 2014. 412 с.

Some problems of proving at the stage of initiating a criminal case

Mikhail V. Mantardzhiev

Postgraduate,
Department of criminal procedure,
Kuban State University,
350040, 149 Stavropolskaya st., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: mihailis92@mail.ru

Abstract

The article presents the results of the analysis of topical problems relating to proving in criminal procedural activity, as well as problems inherent to the stage of initiating a criminal case. Proving is

a multi-element criminal procedural activity that consists in gathering, verifying and evaluating evidence. Attention is focused on the unity of the process of proving with due regard to the lack of evidence at the stage of checking a crime report. Proving means gathering, verifying and evaluating evidence, each of these elements being an important component, but none of them is sufficiently regulated by law, which requires solving the problem, taking into account the specifics of the initial stage. The article draws attention to the lack of regulation of performing a number of procedural actions at the stage of initiating a criminal case. Since the content of explanations is used for subsequent interrogation protocols that meet the requirements of the law, the article points out that it is advisable to include a new procedural action in this stage. In order to save time, effort and resources, it is necessary to introduce such an investigatory action as interrogation into the stage of initiating a criminal case, which will help to increase the effectiveness of criminal proceedings.

For citation

Mantardzhiev M.V. (2018) Otdel'nye problemy dokazyvaniya v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [Some problems of proving at the stage of initiating a criminal case]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 143-151.

Keywords

Evidence, proving, gathering evidence, verifying and evaluating evidence, checking crime reports, explanations, interrogation.

References

1. Karagodin V.N. (2013) Osmotr mesta proisshestviya, obysk ili vyemka? [Crime scene investigation, search or seizure?] *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian juridical journal], 5, pp. 128-132.
2. Kudryavtseva A.V., Popov V.S. (2006) *Uchastie zashchitnika v protsesse dokazyvaniya na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya i v sude pervoi instantsii* [Participation of a defender in the process of proving at the stage of preliminary investigation and in the court of first instance]. Chelyabinsk: Poligraf-Master Publ.
3. Kuznetsov S.M. (2014) Problemy ispol'zovaniya ob"yasnenii, poluchennykh na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela v dokazyvanii [Problems of using explanations obtained at the stage of initiating a criminal case in proving]. *Altaiskii yuridicheskii vestnik* [Altai law journal], 5, pp. 59-62.
4. Larinkov A.A., Shiplyuk V.A. (2015) Ob"yasneniya, poluchennye na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela, i ikh mesto sredi istochnikov ugolovno-protsessual'nykh dokazatel'stv [Explanations, obtained at the stage of initiating a criminal case, and their place among the sources of criminal procedural evidence]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation], 4 (48), pp. 75-81.
5. Lazareva V.A. (2015) *Dokazyvanie v ugolovnom protsesse* [Proving in criminal proceedings]. Moscow: Yurist Publ.
6. Lyakhov Yu.A. (2011) Edinstvo protsessa dokazyvaniya v dosudebnom ugolovnom sudoproizvodstve Rossii [The unity of the process of proving in the pre-trial criminal proceedings of Russia]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 4, pp. 109-112.
7. Petrukhin I.L. (ed.) (2003) *Kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [A commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow: TK Velbi Publ.
8. Popov A.A. (2014) Stadiya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: poluchenie ob"yasnenii ili dopros? [The stage of initiating a criminal case: obtaining explanations or interrogation?] *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 3 (37), pp. 99-102.
9. Sementsov V.A. (2013) *Izbrannye stat'i po ugolovnomu protsessu* [Selected articles on criminal procedure]. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug Publ.
10. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. *Kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [A commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article)]. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17039#038824138455464174 [Accessed 23/03/18].

11. Sokolovskaya N.S., Chadnova I.V. (2017) K voprosu ob iz"yatii predmetov i dokumentov pri proverke soobshcheniya o prestuplenii [On the seizure of objects and documents when checking a crime report]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 416, pp. 181-184.
12. Starodubova G.B. (2013) Stadiya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: uprazdnit' nel'zya reformirovat' [The stage of initiating a criminal case: abolishment or reforming]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess* [Judicial power and criminal procedure], 2, pp. 69-73.
13. Sumin A.A. (2013) Nekotorye problemy primeneniya stat'i 144 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [Some problems of the application of Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Advokat* [Lawyer], 4. Available at: http://base.garant.ru/57736857 [Accessed 23/03/18].
14. Tomin V.T., Popov A.P., Zinchenko I.A. (2014) *Ugolovnyi protsess Rossii. Problemnye lektsii* [Criminal procedure in Russia. Problem lectures]. Pyatigorsk.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34

Модель дознания по Концепции судебной реформы 1991 года

Степырева Альбина Марсовна

Адъюнкт,
кафедра уголовного процесса,
Уфимский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
450103, Российская Федерация, Уфа, ул. Муксинова, 2;
e-mail: stepyreva_171077@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности модели дознания по Концепции судебной реформы 1991 года. Отмечается, что данная концепция предполагала возложение на органы дознания производства неотложных следственных действий, оказание содействия следователю в расследовании преступлений, исполнение поручений следователя, оперативно-розыскное сопровождение уголовных дел. Авторы Концепции судебной реформы считали, что дознание как форму предварительного расследования необходимо ликвидировать, расследование уголовных дел должно быть сосредоточено в следственном органе, однако законодатель пошел по пути сохранения дознания как формы предварительного расследования. Одним из главных преимуществ дознания является его оперативность, которая в настоящее время должна заключаться в эффективном функционировании ведомственных служб дознания. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2002 года предусматривал производство дознания в сокращенные сроки по уголовным делам, возбужденным в отношении конкретного лица, все остальные преступления должны были расследоваться в форме предварительного следствия, независимо от тяжести совершенного преступления. Дальнейшие изменения уголовно-процессуального законодательства привели к увеличению сроков расследования преступлений в форме дознания, наделению руководителей органов дознания определенным статусом, что повлекло стирание граней между дознанием и предварительным следствием. Автор приходит к выводу, что дознание должно характеризоваться сокращенными сроками, упрощенной процедурой, сочетанием процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий, осуществляться органами дознания под руководством и надзором прокурора.

Для цитирования в научных исследованиях

Степырева А.М. Модель дознания по Концепции судебной реформы 1991 года // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 152-160.

Ключевые слова

Концепция судебной реформы, дознание, предварительное расследование, следственный орган, оперативно-розыскные мероприятия.

Введение

Одной из важнейших задач судебной реформы, согласно п. 2 Постановления Верховного совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1, признавалось «обеспечение суверенного права РСФСР осуществлять правосудие и уголовное преследование на своей территории в соответствии с собственным материальным и процессуальным правом» [Постановление Верховного совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1, 1991].

Как верно считает Т.К. Рябинина относительно происходившего в тот момент времени процесса модернизации, «обсуждение этого вопроса шло сразу по нескольким направлениям: о возможности ликвидации стадии возбуждения уголовного дела; о функциях, осуществляемых органами дознания и следствия, и, соответственно, об общности и различии их процессуальной деятельности; об отделении дознания от предварительного следствия; о введении двух форм дознания; о создании единого следственного комитета; о возвращении института следственного судьи; о более рациональном распределении полномочий между прокурором и руководителем следственного органа; о введении сокращенной или ускоренной формы досудебного производства; о возможности выделения категории уголовного проступка. Вместе с тем затянувшаяся дискуссия по поводу совершенствования предварительного расследования вызывала уже не столько интерес, сколько серьезную тревогу, поскольку многочисленные предложения по реформированию этой стадии уголовного процесса никак не складывались в стройную систему ввиду того, что они порой слишком разноплановы и затрагивают сразу несколько "болевых точек" предварительного расследования» [Рябинина, 2013].

Основная часть

Согласно Концепции судебной реформы 1991 г., «суды, прокуратура, органы дознания и предварительного следствия все более обнаруживают несостоятельность своих общих усилий по охране законности и правопорядка» [Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1, 1991].

Как указано в Концепции, отсутствует внятный предел между процессуальной и непроцессуальной деятельностью: «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР использует многочисленные административные процедуры (особенно в главе о возбуждении уголовных дел); одинаковое юридическое значение придается дознанию, следствию и протокольной форме досудебной подготовки материалов; начальник следственного отдела, то есть административный руководитель, наделен процессуальными функциями» [Там же].

В Концепции обращается внимание на некоторые парадоксы взаимодействия прокуратуры, следственных органов и дознания. К примеру, указывается на зависимость следователя прокуратуры от воли прокурора, следователь органа внутренних дел находился в подчинении начальника управления внутренних дел на уровне края (области) и начальника районного управления внутренних дел. Из текста Концепции в связи с этим следует: «выглядит парадоксально, что такой следователь может давать поручения и указания по уголовным делам своему непосредственному начальнику, возглавляющему орган дознания и обязанному содействовать следователю. Понятно, что эта норма процессуального закона на практике не реализуется» [Там же].

В Концепции ст. 3 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. отмечается, что суд, прокурор, следователь и орган дознания обязуются возбудить уголовное дело при обнаружении

признаков преступления, а также совершить ряд предусмотренных законом мер по определению события уголовного деяния, а также виновных лиц. В этой ситуации, к примеру, суд и дознание выполняли аналогичную роль уголовного преследования, что было, конечно, неправильно.

По модели дознания, предложенной Концепцией, за прокурором сохранятся функция процессуального руководства расследованием, в том числе право на ознакомление с материалами дознания, дача указаний органу дознания о направлении расследования и др.

Авторами Концепции предлагалось освободить уголовный процесс от административной составляющей, вывести ее из процесса. Так, предлагалось даже упразднить дознание как одну из форм предварительного расследования. Согласно модели дознания по рассматриваемой Концепции, предполагалось предоставить органам дознания «только производство неотложных следственных действий на самом раннем, ограниченном во времени этапе расследования» [Там же]. Идеи об искоренении института дознания, минимизации его функционала, на наш взгляд, звучали в Концепции в пользу осуществления перестройки системы правоохранительных органов в этой сфере.

Не был оставлен без внимания вопрос взаимоотношений следователя и органа дознания. Концепция предложила предоставить дознавателю возможность для возбуждения дела и право обеспечить выполнение неотложных следственных действий в том случае, если следователь не в состоянии сам их провести. Дознаватель должен в течение 1 дня сообщить о каждом преступлении следователю, прокурору или суду.

Данные предложения в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ законодателем восприняты не были. В то же время за дознавателями, участвующими в расследовании меньшего количества и менее опасных преступлений, прокурорский надзор сохранен, а за следователями, расследующими большую долю опасных и тяжких преступлений, такой надзор упразднен, что вызывает вопросы у многих ученых, к примеру у В.М. Быкова [Быков, 2008], А.П. Кругликова [Кругликов, 2011] и др.

В настоящее время в текст УПК РФ внесено несколько сотен изменений и дополнений, «такое их обилие превратило Кодекс в подобие лоскутного одеяла» [Ямшанов, 2010]. Досудебная часть уголовного производства УПК РФ содержит некоторые положения, присутствовавшие еще в тексте УПК РСФСР 1960 г. Поэтому есть и такое мнение, к примеру Г.Н. Королева, что «дознание необходимо понимать, как упрощенный вариант предварительного следствия либо предварительное следствие как квалифицированное дознание» [Королев, 2008].

Концепция не смогла положительным образом повлиять на принятый в конце 2001 года Уголовно-процессуальный кодекс РФ, предварительное расследование, а тем более дознание, за исключением минимальных изменений.

Поэтому, как считают А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев, «главным объектом критики традиционно остается институт дознания ввиду расплывчатости границ между ним и предварительным следствием, которые различаются по формальным признакам: по категориям уголовных дел, подследственных органам дознания и предварительного следствия; по субъектам, осуществляющим эту деятельность» [Арутюнян, Брусницын, Васильев и др., 2016]; по срокам; «по отдельным особенностям в процедуре осуществления» [Бекетов, 2008].

Так, ч. 1.1 ст. 150 УПК РФ главы 21 «Общие условия предварительного расследования», введенная Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, гласит, что «дознание производится в общем порядке либо в сокращенной форме». Далее о таком ранжировании дознания в тексте УПК РФ нет почти ни слова, только часть 1 ст. 226.2 УПК устанавливает

запрет на проведение дознания в сокращенной форме в случае, если «подозреваемый является несовершеннолетним; имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера; подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства; лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к преступлениям, указанным в п. 1 ч. 3 ст. 150 Кодекса; подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство; потерпевший возражает против производства дознания в сокращенной форме».

Пункт 1 ч. 3 ст. 150 УПК определяет ряд уголовных дел, по которым проводится дознание, эта норма у практических работников не вызывает вопросов. Однако, согласно п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК, по уголовным делам об иных преступлениях небольшой и средней тяжести дознание уже производится на основании письменного указания прокурора. Основания для такого рода действий со стороны прокурора закон не предусматривает, то есть все целиком зависит от объективной оценки сложившейся ситуации прокурором.

Оставив институт дознания в том виде, в котором оно до сих пор находится, мы получим то, что уже в принципе имеем: отделенное от оперативно-розыскной работы, громоздкое, забюрократизированное, отягощенное процедурами, формальностями, бумажной волокитой и др. Свои задачи как упрощенная форма раскрытия и расследования преступлений дознание в настоящее время не реализует.

Может поэтому некоторые ученые предлагают вести речь также о «прокурорском дознании» [Тетерюк, 2011], которое завуалировано в тексте УПК РФ, но все-таки просматривается. Здесь имеется в виду то, что прокурор фактически является «процессуальным руководителем» дознания. В правовой науке России концепция прокурорского дознания не получила своего развития, но присутствовала в германской науке начала XX века [Каджая, 2009]. Сподвижниками прокурорского дознания также предлагается вернуть прокурору право возбуждения уголовного дела по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Полвека назад звучали мнения отдельных авторов о том, чтобы отказаться от дознания как такового [Тикунов, 1965]. Как мы уже отметили ранее, такой вариант предлагался также в Концепции 1991 года. Однако, по нашему мнению, логичнее не ликвидировать дознание, выступающее как деятельность по раскрытию преступлений в упрощенном порядке (она востребована на практике), а отменить дознание, выступающее в качестве особой формы предварительного расследования. И здесь нужно сказать, что на смену последнего необходимо организовать дознание более розыскного характера, нацеленного на результативное осуществление функций. Необходимо реформирование дознания и прекращение «разрывания» и «передела» данного института на субъектов, его осуществляющих, контролирующих и т.д. Так, уже одно правило о том, что дознание производится в общем порядке либо в сокращенной форме, настораживает правоприменителя, появляются ошибки в работе органов дознания, а ведь преступление совершено, его необходимо расследовать, потерпевшему лицу не важно, кто дознается истины, найдет преступника, устранит нарушение закона.

Интересным в рамках нашего исследования также представляется следующее. Статья 151 УПК РФ регламентирует подследственность дел следователям и дознавателям. Согласно ч. 2 ст. 151 УПК РФ предварительное следствие проводят следователи по соответствующим делам. В ч. 3 ст. 151 указано, кем производится дознание и по каким делам, в п. 7 ч. 3 ст. 151 право на производство дознания предоставлено «следователям Следственного комитета Российской Федерации – по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 150 настоящего

Кодекса, совершенных лицами, указанными в подпунктах "б" и "в" п. 1 ч. 2 настоящей статьи». Как отмечает Ю.В. Францифоров, «вместе с тем п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ установлена возможность изъятия прокурором любого уголовного дела у органа дознания и передача его любому следователю (в том числе и такому, чьи полномочия не установлены ч. 3 ст. 151 УПК РФ). Порядок, при котором прокурор вправе наделять следователя полномочиями, которые противоречат ч. 3 ст. 151 УПК РФ, приводит к коллизии вышеперечисленных норм» [Францифоров, 2010]. Это еще одно противоречие в конструировании норм УПК РФ, это доказательство отсутствия четкой регламентации следствия и дознания. В этом плане прав В.М. Быков, отмечающий, что «нет логики и разумных оснований в том, чтобы на следователя, осуществляющего расследование в форме предварительного следствия, еще "навешивать" обязанности и по проведению дознания» [Быков, 2008].

Мы согласны с мнением Т.К. Рябининой, которая отмечает: «Если проанализировать сущность дознания как деятельности по раскрытию преступления, установлению лиц, совершивших преступление, обнаружению важной информации, впоследствии могущей стать доказательствами виновности этих лиц, то эта деятельность носит характер изобличающий, уличающий, обвинительный, и заниматься ею должны органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности в соответствующих сферах своей основной профессиональной деятельности (как это и предусмотрено в настоящее время действующим законодательством), оснащенные специальной техникой, обученные специальным навыкам по пресечению и раскрытию преступлений, в порядке, упрощенном настолько, насколько это позволяет, с одной стороны, не нарушать права лиц, вовлеченных в эту сферу на первоначальном этапе производства по уголовному делу, а с другой – обеспечить раскрытие преступления в кратчайшие сроки» [Рябинина, 2013].

По нашему мнению, деятельность по дознанию должна осуществляться с момента получения каким-либо способом информации о преступлении, совершенном (либо готовящемся), также не стоит забывать о принятии собственно решения о возбуждении уголовного дела до обнаружения лица, которое впоследствии может приобрести статус подозреваемого, на основании ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Далее согласно постановлению дознавателя уголовное дело могло бы передаваться в обычном порядке следователю для производства следственных действий.

Само по себе «дознание подчинено идее ускорения уголовного процесса, которое при условии соблюдения достаточных гарантий прав и законных интересов личности является объективной тенденцией новейшего развития уголовно-процессуального права во всем мире» [Головко, 2002]. В данном случае «форсирование» предварительного расследования служит цели достижения права на скорый суд – важнейшей международно-правовой норме, обеспечивающей защиту интересов личности (п. «с» ч. 3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах; п. 3 ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В то же время после принятия УПК РФ он неизменно стал «пополняться» нормами, которые в конечном итоге усложнили без того малопригодную с практической точки зрения ее реализации форму дознания. Посредством изменений (дополнений) Кодекса федеральными законами: от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ; от 04 июля 2003 г. № 92-ФЗ; от 06 июня 2007 г. № 90-ФЗ; от 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ – дознание приобрело очертания разновидности предварительного следствия, утратив первоначальные свойства.

По данным официальной статистики (после принятия в 2001 году УПК РФ), органы

внутренних дел, а точнее органы милиции выполняли до 98 % всего объема дознания в России. Милиция определялась в качестве многофункционального и комплексного самостоятельного субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Как отмечает Л.К. Айвар, «осуществление милицией основных уголовно-процессуальных функций связано с движением уголовного дела, развитием следственной ситуации, стадиями уголовного судопроизводства, принятием процессуальных решений» [Айвар, Ахтырская, Бордиловский и др., 2006]. К решениям относились рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях, принятие по ним мер итоговых процессуальных решений; осуществление дознания по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно и др.

В числе указанных процессуальных решений было и поддержание обвинения в судебном заседании по уголовным делам, по которым расследование окончено в форме дознания. Данное право дознанием так и не было реализовано, не было нормативных предпосылок для реализации, так как поддержание обвинения в суде осуществлялось и осуществляется сотрудниками прокуратуры.

Заключение

Модернизация предварительного расследования не закончена и, на наш взгляд, должна быть направлена на разъединение дознания от предварительного следствия, делегирование дознанию функции уголовного преследования (при контроле суда и надзоре прокурора).

Отмеченное нами выше прокурорское дознание должно характеризоваться сокращенными сроками, упрощенной процедурой, сочетанием процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий, осуществляться органами дознания под руководством и надзором прокурора. Хотя сам институт прокурорского дознания прорабатывался только деятелями правовой науки.

Необходимо рассмотреть вопросы, связанные с производством дознания следователями Следственного комитета. Разбирая эту коллизию, нужно обратить внимание и на условие п. 8 ст. 5 УПК РФ, когда, без точного указания ведомственной принадлежности следователя, ему дано право на производство дознания. В п. 41 ст. 5 УПК РФ и в ч. 2 ст. 151 УПК РФ установлено, что следователь ведет расследование лишь в форме предварительного следствия, что не соответствует п. 8 ст. 5 УПК РФ, регламентирующей, что в порядке дознания расследуются дела, по которым не обязательно производство предварительного следствия как дознавателем, так и следователем.

Библиография

1. Айвар Л.К., Ахтырская Н.Н., Бордиловский Э.И. и др. Уголовный процесс. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2006.
2. Арутюнян А.А., Брусницын Л.В., Васильев О.Л. и др. Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2016. 1278 с.
3. Бекетов М. Дознание: история и перспективы // Уголовное право. 2008. № 4. С. 71-74.
4. Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань: Познание, 2008. 300 с.
5. Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. М.: Юридический центр Пресс, 2002. 648 с.
6. Каджая А.А. Модель прокурорского дознания как основа реформы досудебного производства по уголовным делам // Проблемы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 163-165.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.
8. Королев Г. Реорганизация досудебного производства: проблемы и перспективы // Законность. 2008. № 1. С. 9-12.
9. Кругликов А.П. Концепция судебной реформы 1991 г. и УПК РФ // Бизнес. Образование. Право. Вестник

Волгоградского института бизнеса. 2011. № 2. С. 262-266.
10. Международный пакт «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 24.07.2007 № 214-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 31. Ст. 4011.
12. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22.
13. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
14. Рябинина Т.К. Дознание – самостоятельная форма досудебного производства // Российский следователь. 2013. № 19. С. 44-48.
15. Тетерюк А.Г. Прокурорский надзор за производством дознания: уголовно-процессуальный и организационный аспекты: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.
16. Тикунов В.С. О дальнейшем совершенствовании предварительного следствия // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 47-50.
17. Францифоров Ю.В. Актуальные проблемы производства предварительного расследования в форме дознания // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2.
18. Ямшанов Б. Кодекс раскроили в лоскуты // Российская газета. 2010. № 209.

Model of inquiry according to the Concept of judicial reform of 1991

Al'bina M. Stepyreva

Junior Scientific Assistant,
Department of criminal procedure,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
450103, 2 Muksinova st., Ufa, Russian Federation;
e-mail: stepyreva_171077@mail.ru

Abstract

The article deals with the features of the model of inquiry according to the Concept of judicial reform of 1991. This concept was supposed to impose the production of urgent investigative actions, assistance to the investigator in the investigation of crimes, execution of orders of the investigator, operational investigative support of criminal cases on the bodies of inquiry. The authors of the Concept of judicial reform believed that the inquiry as a form of preliminary investigation should be eliminated, the investigation of criminal cases should be concentrated in the investigative body, but the legislator has chosen to preserve the inquiry as a form of preliminary investigation. One of the main advantages of the inquiry is its efficiency, which should now be the effective functioning of the departmental inquiry services. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2002 provided for the investigation of criminal cases initiated against a particular person within a reduced period of time, all other crimes were to be investigated in the form of preliminary investigation, regardless of the severity of the crime committed. Further changes in the criminal procedure legislation have led to an increase in the time of investigation of crimes in the form of inquiry, giving the heads of the bodies of inquiry a certain status, which led to the blurring of the lines between the inquiry and the preliminary investigation. The author concludes that the inquiry should be characterized by reduced terms, simplified procedure, a combination of procedural and operational investigative measures, and carried out by the bodies of inquiry under the direction and

supervision of the prosecutor.

For citation

Stepyreva A.M. (20189) Model' doznaniya po Kontseptsii sudebnoi reformy 1991 goda [Model of inquiry according to the Concept of judicial reform of 1991]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 152-160.

Keywords

Concept of judicial reform, inquiry, preliminary investigation, investigative body, operational search measures.

References

1. Aivar L.K., Akhtyrskaya N.N., Bordilovskii E.I. et al. (2006) Ugolovnyi protsess [Criminal procedure], 2nd ed. Moscow: Yusticinform Publ.
2. Arutyunyan A.A., Brusnitsin L.V., Vasil'ev O.L. et al. (2016). Kurs ugolovnogo protsessa [The course of criminal procedure]. Moscow: Statut Publ.
3. Beketov M. (2008) Doznanie: istoriya i perspektivy [Inquiry: history and prospects]. Ugolovnoe pravo [Criminal law], 4, pp. 71-74.
4. Bykov V.M. (2008) Aktual'nye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva [Actual problems of criminal proceedings]. Kazan': Poznanie Publ.
5. Frantsiforov Yu.V. (2010) Aktual'nye problemy proizvodstva predvaritel'nogo rassledovaniya v forme doznaniya [Actual problems of proceeding of preliminary investigation in the form of inquiry]. Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal proceedings], 2.
6. Golovko L.V. (2002) Al'ternativy ugolovnomu presledovaniyu v sovremennom prave [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. Moscow: Yuridicheskii centr Press Publ.
7. Kadzhaya A.A. (2009) Model' prokurorskogo doznaniya kak osnova reformy dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam [The model of prosecutor's inquiry as a basis of reform of pre-trial proceedings in criminal cases]. Problemy v rossiiskom zakonodatel'stve [Problems in the Russian legislation], 3, pp. 163-165.
8. Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod: zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950 [Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms: concluded in Rome on November 04, 1950] (2001). Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (St. 163) [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 163)], 2.
9. Korolev G. (2008) Reorganizatsiya dosudebnogo proizvodstva: problemy i per-spektivy [Reorganization of pre-trial proceedings: problems and prospects]. Zakonnost' [Legality], 1, pp. 9-12.
10. Kruglikov A.P. (2011) Kontseptsiya sudebnoi reformy 1991 g. i UPK RF [The Concept of judicial reform of 1991 and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa [Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business], 2, pp. 262-266.
11. Mezhdunarodnyi pakt "O grazhdanskikh i politicheskikh pravakh" [International Covenant on civil and political rights] (1994). Byulleten' Verkhovnogo Suda RF [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 12.
12. O Kontseptsii sudebnoi reformy v RSFSR: postanovlenie Verkhovnogo soveta RSFSR ot 24.10.1991 [On the Concept of judicial reform in the RSFSR: Decree of the Supreme Soviet of the RSFSR No. 1801-1 of October 24, 1991] (1991). Vedomosti SND i VS RSFSR (St. 1435) [Bulletin of the RSFSR Council of People's Deputies and the RSFSR Supreme Council (Art. 1435)], 44.
13. O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 29.05.2002 № 58-FZ [On amendments and additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 58-FZ of May 29, 2002] (2002). Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collected legislation of the Russian Federation], 22.
14. O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Federal'nyi zakon "O prokurature Rossiiskoi Federatsii"»: feder. zakon ot 24.07.2007 № 214-FZ [On amendments to certain legal acts of the Russian Federation in connection with adoption of the Federal Law «On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation"»: Federal Law No. 214-FZ of July 24, 2007] (2007). Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (St. 4011) [Collected legislation of the Russian Federation (Art. 4011)], 31.
15. Ryabinina T.K. (2013) Doznanie – samostoyatel'naya forma dosudebnogo proizvodstva [Enquiry – an independent form of pre-trial proceedings]. Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator], 19, pp. 44-48.

16. Teteryuk A.G. (2011) Prokurorskii nadzor za proizvodstvom doznaniya: ugolovno-proeыessual'nyi i organizatsionnyi aspekty. Dokt. Diss. Abstract [Prosecutor's supervision on proceeding of inquiry: criminal-procedural and organizational aspects. Doct. Diss. Abstract]. N. Novgorod.
17. Tikunov V.S. (1965) O dal'neishem sovershenstvovanii predvaritel'nogo sledstviya [On further improvement of the preliminary investigation]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet state and law], 6, pp. 47-50.
18. Yamshanov B. (2010) Kodeks raskroili v loskuty [The code was cut to shreds]. Rossiiskaya gazeta [Russian newspaper], 209.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343

Круг субъектов теории криминалистического обеспечения реализации прав и законных интересов потерпевшего

Подоляк Дмитрий Юрьевич

Капитан полиции,
адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России,
680020, Российская Федерация, Хабаровск, пер. Казарменный, 15;
e-mail: podoliak.dm@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются проблемы, связанные с обеспечением деятельности следователя по реализации прав и законных интересов потерпевших по уголовным делам. Проведенное исследование указывает на недостаточное использование всеми субъектами возможностей криминалистики в исследуемой области во всех стадиях уголовного судопроизводства. На основании проведенного анализа выдвигается тезис о необходимости повышения эффективности деятельности правоохранительных органов в обозначенном направлении. Именно поэтому следователя, дознавателя, адвоката, юриста-представителя, прокурора, судью необходимо снабжать криминалистическими, тактическими, техническими рекомендациями, а потерпевшего – рекомендациями типа правого просвещения, т. е. кратко, доступным языком и в доброжелательной манере. Автором обосновывается, что одним из актуальных направлений дальнейших криминалистических исследований является разработка научных положений и прикладных рекомендаций по защите прав и законных интересов потерпевших по уголовным делам определенных категорий.

Для цитирования в научных исследованиях

Подоляк Д.Ю. Круг субъектов теории криминалистического обеспечения реализации прав и законных интересов потерпевшего // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 161-169.

Ключевые слова

Потерпевший, криминалистическое обеспечение, права, законные интересы, следователь.

Введение

Ежегодно, начиная с 2010 г. до настоящего времени, потерпевшими от преступлений в Российской Федерации признаются более 1,5 млн человек, что в среднем составляет более 10% от населения всей страны. Иначе говоря, по данным официальной статистики, из года в год на протяжении 7 лет, без учета латентной преступности, каждый десятый гражданин Российской Федерации признается потерпевшим по уголовному делу.

В результате преступных посягательств только в 2017 г. погибло 29,3 тыс. человек, здоровью 50,9 тыс. человек причинен тяжкий вред, а ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 408,5 млрд рублей. При этом общее количество зарегистрированных преступлений составило 2058,5 тыс., а раскрытых преступлений – 1117,8 тыс. Таким образом, практически половина от общей суммы зарегистрированных в 2017 г. преступлений осталась нераскрытой, а причиненный потерпевшим ущерб не только не возвращен, но и отсутствует возможность его возвращения даже в виде предъявления гражданского иска на компенсацию причиненного ущерба. Крайне важной причиной этого является отсутствие гражданского ответчика или в данном случае лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. При этом следует учитывать, что возможности компенсации ущерба лишены сотни тысяч потерпевших по уголовным делам, чьи права и законные интересы нарушены совершенными в отношении них преступлениями. Назвать такую работу правоохранительных органов удовлетворительной едва ли возможно.

Отметим, что при анализе вышеуказанных статистических данных не учитывалось количество отказов в возбуждении уголовных дел, где заявители не только лишены возможности предъявить требования на компенсацию причиненного ущерба, но и не имели возможности привлечь «преступника» к уголовной ответственности, т. е. фактически реализовать свое право на доступ к правосудию, гарантированное основным законом нашей страны – Конституцией Российской Федерации (ст. 52).

Однако даже в случае установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого по уголовному делу, факты предъявления ему обвинения, вынесения в отношении него обвинительного приговора суда, признания и удовлетворения заявленных потерпевшим исковых требований не являются гарантом возмещения потерпевшему причиненного преступлением ущерба.

В связи с этим позволим себе согласиться с мнением Е.И. Поповой, основанным на произведенном ей исследовании: «…потерпевший является самым незащищенным участником уголовного судопроизводства…» [Попова, 2016, 81] (о чем указали свыше 90% опрошенных респондентов).

Круг субъектов реализации прав и законных интересов потерпевшего

Необходимо заметить, что до настоящего времени не опубликовано ни одной работы монографического характера, посвященной непосредственно криминалистическому обеспечению реализации следователем (здесь и далее, употребляя термин «следователь», мы будем иметь в виду следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, орган дознания, начальника подразделения дознания) прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам как о мошенничестве, так и по иным составам преступлений. Более того, как показал анализ научной литературы, вопросы криминалистического обеспечения реализации

следователем прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам в системе научных знаний, ее понятия, предмета и содержания не исследовались вовсе.

Вместе с тем в последние годы криминалистика развивается, в том числе и в сторону расширения своего предмета. Уже сегодня существуют конкретные предложения, написано множество научных статей, даже защищаются кандидатские и докторские диссертации, к примеру, об использовании криминалистических знаний в гражданском и арбитражном (см., например, диссертацию «Теория и практика применения современной криминалистики в цивилистическом процессе» М.В. Жижиной), административном судопроизводстве (см., например, диссертацию «Использование криминалистических знаний при обнаружении и исследовании доказательств в административном процессе (на материалах России и Литвы)» Н.А. Фочетковой), об использовании криминалистики в судебном разбирательстве (см., например, диссертацию «Тактика судебного следствия» О.А. Сычевой), при поддержании государственного обвинения (см., например, диссертацию «Криминалистические основы поддержания государственного обвинения» И.Л. Кисленко) и адвокатской деятельности (см., например, диссертацию «Тактические основы деятельности адвоката – представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве России» В.В. Горского). Несмотря на такое обилие научных работ в данных областях, большой активности в криминалистическом обеспечении интересов потерпевшего мы не увидели.

Полностью согласны с мнением Р.С. Белкина, согласно которому «…криминалистика вооружает следователя, эксперта, оперативного работника, судью знанием того, как нужно поступать в будущем для познания предмета преступления (т. е. прошлого) или для того, чтобы не допустить преступления (т. е. не допустить в будущем того, что опять-таки было в прошлом)» [Белкин, 1997, т. 1, 26]. Применяя данное утверждение к указанному примеру, криминалистика могла бы (и должна) вооружить следователя инструментами для обеспечения прав и законных интересов потерпевших (безусловно, не только имущественных) по уголовным делам.

Также, по мнению Е.И. Поповой, «одним из наиболее эффективных путей в этом направлении… является создание системы тактико- и методико-криминалистических рекомендаций для следователя (дознавателя), работников прокуратуры, осуществляющих надзор за предварительным следствием (дознанием), а также поддерживающих государственное обвинение и суда по защите прав и законных интересов потерпевших (гражданских истцов)» [Попова, 2016, 81].

В данном случае речь идет о необходимости формирования в дальнейшем самостоятельной частной криминалистической теории под названием «Криминалистическое обеспечение реализации прав и законных интересов потерпевшего». Разумеется, в задачу настоящего исследования не входит сформировать данную теорию, это скорее уровень докторской диссертации, но некоторые элементы этой теории уже можно обсудить.

Так, представляется возможным определить круг субъектов этой теории, т. е. тех, для кого она предназначена. Во-первых, первоочередной адресат рекомендаций – это следователь, т. е. должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование по уголовному делу и являющееся основным участником уголовного судопроизводства, который не только постоянно взаимодействует с потерпевшим и/или его представителем, но и которому вменено в обязанности государством, в соответствии с законодательством Российской Федерации, обеспечивать реализацию прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам. Во-вторых, это сам потерпевший, так как именно его права и законные интересы нарушены совершенным преступлением. В-третьих, это адвокат-представитель или представитель (если

защищает интересы потерпевшего в гражданском иске по уголовному делу и т. п.), привлеченный потерпевшим для участия в уголовном деле с целью полной реализации своих прав и законных интересов. В-четвертых, это прокурор, причем как надзирающий прокурор (помощник прокурора), ведь именно он уполномочен в пределах компетенции, предусмотренной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, осуществлять от имени государства надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, так и работник прокуратуры, выступающий в роли государственного обвинителя как участника судебных стадий. И, в-пятых, это судья – лицо, наделенное в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющее свои обязанности на профессиональной основе.

Полагаем, будет правильным дать более развернутую характеристику названных субъектов – адресатов криминалистических рекомендаций, направленных на защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений.

1) Следователь. Согласно статистическим данным об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – ноябрь 2017 г., работниками прокуратуры РФ выявлено 1 213 470 нарушений законов при производстве предварительного следствия и дознания. Приведенные показатели свидетельствуют о многообразных следственных ошибках, допускаемых в ходе предварительной проверки и предварительного расследования следователем, которые существенным образом влияют на реализацию прав и законных интересов потерпевшего.

В своем исследовании А.Д. Назаров дает обширную классификацию следственных ошибок, в том числе тех, которые допущены следователем непреднамеренно и неосознанно:

- неполнота, односторонность, необъективность исследования обстоятельств уголовного дела;
- несоблюдение в ходе предварительного расследования конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов уголовного судопроизводства;
- существенное нарушение уголовно-процессуального закона;
- неправильное применение закона [Назаров, 2017, 55].

Разумеется, что перечисленные ошибки в значительной степени могут затрагивать, а иногда и нарушать права и законные интересы потерпевшего.

Помимо этого, А.Д. Назаровым выявлено множество разнообразных причин допущения следователем указанных ошибок, среди которых в том числе отсутствие у части следователей необходимых профессиональных познаний и навыков работы [Там же, 111].

Выявленные причины напрямую указывают на тот факт, что следователь отчаянно нуждается в помощи, в том числе в области реализации прав и законных интересов потерпевшего, которую может и должна предоставить криминалистика.

Углубляться в проблемы следователя можно долго, но не они являются предметом данного исследования. Понимая трудность следственной работы, необходимо признать следующее: судебно-следственная практика такова, что следователь не всегда защищает права и законные интересы потерпевшего должным образом, а потому нуждается в помощи в виде соответствующих рекомендаций.

2) Потерпевший. Независимо от параметров характеристики типичного потерпевшего, его права и законные интересы нарушены совершенным в отношении него преступлением и, безусловно, требуют их защиты.

Кроме того, потерпевшие от мошенничества в большей степени не обращаются к

квалифицированному юристу (адвокату) по причине нежелания дополнительных трат в виде оплаты труда юриста и убежденности, что не смогут компенсировать данные траты по окончании судебного разбирательства. У некоторых же потерпевших от мошенничества не остается денежных средств для оплаты труда юриста (адвоката).

При этом преимущественная часть потерпевших от мошенничеств не обладает юридическими познаниями в области своих прав и, соответственно, не реализует их. Поэтому полагаем, что крайне важную роль в данной области сыграют идеи Ю.П. Гармаева о правовом просвещении населения, согласно которым «до настоящего времени профессиональными участниками уголовного процесса крайне редко используются средства правового просвещения и правового информирования населения… Не используются потому, что нет соответствующей теоретической основы, концепции, а потому и средства правового просвещения практически отсутствуют. Говоря об этих средствах, речь, в частности, может идти о разнообразных печатных и электронных памятках, пособиях, лекциях, видео-роликах, плакатах, буклетах, а также об электронных приложениях, мультимедийных презентациях и т. п., в которых в краткой, наглядной и доступной для широких слоев населения форме излагались бы основные требования действующего законодательства (правовое информирование), а также вытекающие из них советы гражданам, вновь вступающим или могущим вступить в правоотношения, либо находящимся в “группе риска” совершения противоправных действий или наоборот – рискующим стать жертвами посягательств, и много подобное» [Гармаев, 2015, 30].

Таким образом, полагаем, что в целях реализации своих прав и законных интересов потерпевший нуждается в рекомендациях типа правового просвещения, которые может предложить криминалистика.

3) Адвокат или представитель потерпевшего. В ходе расследования у потерпевшего возникает множество вопросов, решение которых требует юридических познаний, а участие как адвоката-представителя, так и юриста-представителя имеет своей целью помочь потерпевшему в их решении. Для этого они могут использовать обширное количество процессуальных, криминалистических и иных средств и методов, не запрещенных законодательством Российской Федерации.

Участие адвоката и представителя потерпевшего (здесь и далее имеется в виду потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя) в уголовном судопроизводстве регламентировано ч. 1 ст. 45 УПК РФ. Если споров о возможности участия адвоката в качестве представителя потерпевшего ни в досудебной стадии уголовного судопроизводства, ни в суде не возникает, то по факту участия иных лиц (например, юриста, не имеющего статуса адвоката) они присутствуют.

Стоит отдельно отметить, что представителем потерпевшего может выступать и не юрист, а иное лицо, однако мы рассмотрим в качестве примера именно юриста как квалифицированного специалиста, обладающего юридическими знаниями.

В ходе изучения судебно-следственной практики установлено, что следователи в своем большинстве отказывают потерпевшим в ходатайстве о признании нанятых ими юристов (не обладающих статусом адвоката) в качестве представителей потерпевших по причине того, что последние не являются адвокатами. Причины данного факта могут быть различны. Это может быть двоякость толкования существующей уголовно-процессуальной нормы или ее неверная трактовка некоторыми следователями, а может быть и удобство данной трактовки для целенаправленного ограничения прав и законных интересов потерпевшего следователем. Справедливости ради, полагаем, что к таким действиям прибегают только недобросовестные

следователи, а добросовестные просто заблуждаются.

Тем не менее, в соответствии с Определением Конституционного суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 г. № 446-О, «часть первая статьи 45 УПК Российской Федерации по ее конституционно-правовому смыслу не исключает, что представителем потерпевшего и гражданского истца в уголовном процессе могут быть иные – помимо адвокатов – лица, в том числе близкие родственники, о допуске которых ходатайствует потерпевший или гражданский истец. Конституционно-правовой смысл части первой статьи 45 УПК Российской Федерации, выявленный Конституционным Судом Российской Федерации… является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике».

Позволим себе согласиться с мнением И.В. Жеребятьева о том, что «… на фоне полнейшей безграмотности населения грамотное и своевременное оказание потерпевшему помощи при осуществлении уголовного судопроизводства играет неоценимую роль в реализации потерпевшим права на доступ к правосудию и защите его прав, свобод и законных интересов» [Жеребятьев, 2004, 5].

Полагаем, что в целях полного обеспечения прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам необходимо рекомендовать следователю допускать в качестве представителей адвокатов и квалифицированных юристов.

Тем не менее в судебно-следственной практике присутствуют примеры недостатков в деятельности и адвокатов-представителей, среди которых можно выделить даже незнание закона и навыков его применения, не говоря уже о следовании криминалистическим наработкам. Еще хуже дела обстоят с юристами – представителями потерпевшего, так как, во-первых, их не допускают в качестве представителей потерпевших в досудебном судопроизводстве, а во-вторых, как нами отмечено выше, ими могут быть и чаще всего являются не только юристы. Если же мы говорим о недостаточном уровне познаний в области криминалистики для защиты прав и законных интересов потерпевших у адвокатов и квалифицированных юристов, то о каких познаниях мы можем говорить у лиц, не имеющих юридического образования и подготовки. При этом, если допустить, что представителем потерпевшего все-таки является юрист, в большинстве случаев его опыт в данной области либо минимален, либо отсутствует полностью, что снова подтверждает необходимость повышения уровня образования и квалификации указанных субъектов в исследуемой тематике. Поэтому считаем, что как адвокат, так и представитель потерпевшего нуждаются в соответствующих рекомендациях.

4) Прокурор, в частности надзирающий прокурор и государственный обвинитель. Мы разделяем мнение В.Н. Исаенко о том, что прокурорам, участвующим в уголовном судопроизводстве, необходимо совершенствовать профессиональную подготовку не только в области права, но и в криминалистике [Исаенко, 2011, 17], так как это напрямую вытекает из нормативно-правовых основ их деятельности. С ним солидарен и О.Я. Ярловой, который указывает на то, что «…криминалистическая подготовка прокурора выступает в качестве обязательного и крайне важного элемента его профессиональной компетентности в области надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования» [Ярловой, 2011, 30].

Прокурор может и должен выявлять нарушения законодательства Российской Федерации, допускаемые следователем при расследовании уголовного дела, и требовать их устранения.

Изучив проблему ошибок государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве, Д.С. Сазин среди прочих выявил и тактические ошибки, под которыми предлагает понимать

«…действия (бездействие), связанные с применением неадекватных или неприменением адекватных тактических средств, приемов, операций, комбинаций, в условиях конкретной судебной ситуации, в итоге затрудняющие доказывание обвинительного тезиса и опровержение контраргументов, выдвинутых стороной защиты» [Сазин, 2012, 8]. Также исследованием Д.С. Сазина установлены причины образования этих ошибок, среди которых отмечены недостаточный уровень специальных юридических знаний и неудовлетворительный уровень владения методикой и тактикой поддержания государственного обвинения [Там же].

В отличии от следователя, на прокуроре лежит задача доказывания не только на стадии предварительного расследования, но и на стадии судебного следствия, что требует от прокуроров умения оценить криминалистическую деятельность следователя, в том числе и по реализации прав и законных интересов потерпевших, для чего им необходимы соответствующие рекомендации.

5) Судья. Предполагаем, многие согласятся, что судьи при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу, как и другие участники уголовного процесса, не должны ограничиваться знаниями только в области уголовного права и уголовного процесса. Признаем, что проблема использования специфических знаний и навыков криминалистического характера судьями в науке остается дискуссионной. По данному поводу неоднократно высказывались видные ученые-криминалисты. К примеру, А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков утверждали, что не следует разрабатывать тактические приемы и методы судебного разбирательства, так как вполне достаточно тактических и технических приемов, разработанных для предварительного расследования [Васильев, Яблоков, 1984, 43]. Другие же ученые, такие как Р.С. Белкин, И.И. Когулич, В.И. Комиссаров, В.А. Образцов, признавали необходимость внедрения криминалистических рекомендаций в деятельность суда.

Мы же склонны согласиться с мнением Р.С. Белкина: «Исследование возможностей и пределов применения данных криминалистики судом в ряде случаев выявило необходимость разработки таких криминалистических рекомендаций, которые предназначались бы именно для суда, учитывали специфику судебного следствия и его отличия от предварительного расследования. Задача заключается в разработке тактики именно судебного следствия, и эта задача определяет в настоящее время одну из важных тенденций развития криминалистической тактики» [Белкин, 1997, т. 1, 531].

Таким образом, полагаем, что в целях исключения брака в судебной работе судьям необходимы знания в области криминалистического обеспечения реализации прав и законных интересов потерпевшего.

Заключение

Проведенное исследование указывает на недостаточное использование всеми перечисленными субъектами возможностей криминалистики в исследуемой области во всех стадиях уголовного судопроизводства. Именно поэтому следователя, дознавателя, адвоката, юриста-представителя, прокурора, судью необходимо снабжать криминалистическими, тактическими, техническими рекомендациями, а потерпевшего – рекомендациями типа правового просвещения, т. е. кратко, доступным языком и в доброжелательной манере.

Библиография

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997.
2. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. 143 с.
3. Гармаев Ю.П. Правовое просвещение и правовое информирование в оперативно-розыскной деятельности и в уголовном процессе // Оперативник (сыщик). 2015. № 3 (44). С. 28-33.
4. Жеребятьев И.В. Процессуально-правовое положение личности потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 26 с.
5. Исаенко В.Н. Криминалистические аспекты деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве // Криминалистъ. 2011. № 2 (9). С. 17-21.
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
7. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2017. 745 с.
8. Панеях Э.Л. и др. Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования. Части 1 и 2. Сокращенное изложение. СПб., 2013. 32 с.
9. Попова Е.И. О некоторых направлениях создания криминалистических рекомендаций по защите прав и законных интересов потерпевших // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 3 (11). С. 80-87.
10. Сазин Д.С. Ошибки государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2012. 24 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18.01.2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.11.2001: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.12.2001. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
12. Шклярук М.С. Правовая статистика: системный конфликт между знанием о преступности и учетом ведомственной работы. СПб., 2014. 27 с.
13. Ярловой О.А. Криминалистические аспекты деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве // Криминалистъ. 2011. № 2 (9). С. 29-32.

The subjects of the theory of forensic ensuring of the realisation of victims' rights and legitimate interests

Dmitrii Yu. Podolyak

Police Captain,
Postgraduate at the Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
680020, 15 Kazarmenny ln, Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: podoliak.dm@yandex.ru

Abstract

The article aims to examine the problems associated with the activities of an investigator aimed at the realisation of the rights and legitimate interests of victims in criminal cases. The results of the research that has been conducted by the author of the article reveal the insufficient use of forensic means in the investigated area at all stages of criminal proceedings by all the subjects including investigators, public prosecutors, victims, counsels and judges. The author uses the results of the conducted analysis to put forward the thesis that there is a need for improving the effectiveness of law enforcement agencies in this direction. That is why investigators, inquiry officers, lawyers, legal representatives, public prosecutors and judges must be provided with forensic, tactical and technical recommendations, and all victims must get a number of recommendations such as legal education,

i. e. briefly, in accessible language and in a friendly manner. Having analysed the results of the research, the author substantiates that one of the topical directions in further forensic research in the described area is the development of scientific provisions and applied recommendations with a view to the protection of the rights and legitimate interests of victims in criminal cases of certain categories.

For citation

Podolyak D.Yu. (2018) Krug sub"ektov teorii kriminalisticheskogo obespecheniya realizatsii prav i zakonnykh interesov poterpevshego [The subjects of the theory of forensic ensuring of the realisation of victims' rights and legitimate interests]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 161-169.

Keywords

Victim, forensic ensuring, rights, legitimate interests, investigator.

References

1. Belkin R.S. (1997) *Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 1. Obshchaya teoriya kriminalistiki* [A course in forensic science: in 3 vols., Vol. 1: The general theory of forensic science]. Moscow: Yurist" Publ.
2. Garmaev Yu.P. (2015) Pravovoe prosveshchenie i pravovoe informirovanie v operativno-rozysknoi deyatel'nosti i v ugolovnom protsesse [Legal instruction and legal informing in operational-search activities and in criminal proceedings]. *Operativnik (syshchik)* [Field investigator (sleuth)], 3 (44), pp. 28-33.
3. Isaenko V.N. (2011) Kriminalisticheskie aspekty deyatel'nosti prokurora v ugolovnom sudoproizvodstve [Forensic aspects of public prosecutors' activities in criminal proceedings]. *Kriminalist"* [Forensic specialist], 2 (9), pp. 17-21.
4. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993* [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ [Accessed 28/02/18].
5. Nazarov A.D. (2017) *Sledstvennye i sudebnye oshibki i ugolovno-protsessual'nyi mekhanizm ikh ustraneniya: kontseptual'nye osnovy. Doct. Diss.* [Investigative and judicial errors and the criminal procedure mechanism for their elimination: a conceptual framework. Doct. Diss.]. St. Petersburg.
6. Paneyakh E.L. et al. (2013) *Pravookhranitel'naya deyatel'nost' v Rossii: struktura, funktsionirovanie, puti reformirovaniya. Chasti 1 i 2. Sokrashchennoe izlozhenie* [Law enforcement in Russia: the structure, functioning, ways of reforming. Parts 1 and 2. A brief summary]. St. Petersburg.
7. Popova E.I. (2016) O nekotorykh napravleniyakh sozdaniya kriminalisticheskikh rekomendatsii po zashchite prav i zakonnykh interesov poterpevshikh [On some directions in the creation of forensic recommendations on the protection of the rights and legitimate interests of victims]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian criminal procedural and forensic readings], 3 (11), pp. 80-87.
8. Sazin D.S. (2012) *Oshibki gosudarstvennogo obvinitelya v ugolovnom sudoproizvodstve. Doct. Diss. Abstract* [Errors of public prosecutors in criminal proceedings]. Voronezh.
9. Shklyaruk M.S. (2014) *Pravovaya statistika: sistemnyi konflikt mezhdu znaniem o prestupnosti i uchetom vedomstvennoi raboty* [Legal statistics: a systemic conflict between knowledge of crime and departmental accounting]. St. Petersburg.
10. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 18.01.2001 № 174-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.11.2001: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.12.2001* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 174-FZ of January 18, 2001]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ [Accessed 28/02/18].
11. Vasil'ev A.N., Yablokov N.P. (1984) *Predmet, sistema i teoreticheskie osnovy kriminalistiki* [The subject, system and theoretical foundations of forensic science]. Moscow.
12. Yarlovoi O.A. (2011) Kriminalisticheskie aspekty deyatel'nosti prokurora v ugolovnom sudoproizvodstve [Forensic aspects of public prosecutors' activities in criminal proceedings]. *Kriminalist"* [Forensic specialist], 2 (9), pp. 29-32.
13. Zherebyat'ev I.V. (2004) *Protsessual'no-pravovoe polozhenie lichnosti poterpevshego v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve Rossii. Doct. Diss. Abstract* [The procedural legal status of victims in modern criminal procedure in Russia. Doct. Diss. Abstract]. Chelyabinsk.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34

Шашкова Анна Владиславовна

Проблемы регионального развития Испании

Шашкова Анна Владиславовна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права,
Московский государственный институт международных отношений
(университета) МИД России,
адвокат,
почетный консул Сент-Винсента и Гренадин,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 76;
e-mail: Anna_Shashkova@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена анализу проблемы регионального развития Испании. Автор рассматривает историческое развитие системы автономий в Испании. Дается анализ развития законодательного регулирования автономий с 1925 года. С приходом к власти в Испании генерала Франко полученная региональными автономными образованиями децентрализация превратилась в жесткую централизацию. Однако в конце своего правления Франко вернул регионам автономию. Наиболее значимому анализу в настоящей статье подвергается вопрос «национальностей и регионов» в Испании, а также различия между двумя видами регионов. Автор приходит к выводу о необходимости четкого законодательного закрепления на уровне центральной власти исключительных полномочий конкретных региональных автономных образований, а также необходимости урегулирования процедуры признания регионального референдума.

Для цитирования в научных исследованиях

Шашкова А.В. Проблемы регионального развития Испании // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. 170-176.

Ключевые слова

Испания, провинция, муниципалитет, региональное автономное образование, национальная проблема, полномочия.

Введение

Своими корнями местная власть, а вместе с ней и идея общественной значимости этого органа уходит в дороманскую эпоху [Shashkova, 2015]. Она имела значительную эволюцию на протяжении всей истории Испании.

В 1925 году было принято Уставное положение о провинциях, однако ситуация коренным образом изменилась при Франко. Долгое время законодательных актов в области местного управления не принималось, а наблюдалась централизация и унификация правления страной. В 40-50-х годах XX века был принят ряд законов, закрепляющих положение вещей на практике. По всей стране наблюдалась единообразная государственная управленческая организация, одинаковые юридические порядки, не позволяющие учесть всего многообразия существующих реалий и интересов населения различных областей. Местные органы управления строго подчинялись центру, который контролировал их деятельность при помощи национальной службы инспекции и советников.

В последние годы правления Франко предпринимались попытки изменить положение. В 1969 – 1971 годах была предпринята первая серьезная попытка реорганизации местного управления, которая стала претворяться в жизнь после смерти Франко. В 1974 году были одобрены положения об основах местного управления, а в 1975 году они уже были оформлены в виде закона. 1977 год ознаменовался коррекцией взаимоотношений местных и центральных органов власти. Однако все эти преобразования не достигли какого-либо значительного результата, поскольку диктаторский режим еще не был окончательно искоренен.

Практика развития местного управления в Испании на протяжении многих столетий в целом подтвердила наличие объективных потребностей в нем со стороны общества [Shashkova, Rakittskaya, Pavlov, 2017]. Совершенствование системы управления, наполнение его современным содержанием поставили вопрос об изменении структуры организации местного управления. Конституция 1978 года, Закон об автономном процессе 1983 года были направлены на подготовку глобальной реформы всего местного управления.

Основная часть

Национальная проблема – одна из самых острых в Испании. Наличие в Испании национальных меньшинств, сложное историческое развитие страны со времен Реконкисты (VIII – XV века), когда на территории нынешней Испании образовалось несколько государств, и географические условия предопределяли стремление отдельных областей к самостоятельности. Данный факт относится в первую очередь к регионам, населенным басками и каталонцами. Каталонцы добились местного самоуправления в 1914 году, а в 1932 году республиканскими учредительными кортесами был принят закон об автономном статусе Каталонии. На основании данного закона был избран парламент Каталонии и образовано местное правительство. Но в 1939 году после захвата области франкистами был издан специальный декрет об отмене автономии.

Не меньшее упорство в самоуправлении проявляла Страна Басков, куда входят три северные провинции – Гинускоа, Алава и Бискайя. Право на автономию впервые было ею получено в 1425 году. В период Второй Республики ее автономия была вновь восстановлена, но в 1937 году ликвидирована франкистским декретом.

В постфранкистский период движение за автономизацию приобрело широкий размах. В

условиях демократизации социально-политической жизни о своем праве на самоуправление заявили, кроме вышеупомянутых национальных областей, и другие регионы. Проблема «национальностей и регионов» приобрела большую остроту и качественно иной уровень [Шашкова, 2008]. Предметом ожесточенной борьбы стали два вопроса: требования предоставления автономного статуса каких областей являются обоснованными и какой широты должна быть автономия по отношению к национальностям (Каталония, Страна Басков, Галисия) и регионам (все другие претендующие на самоуправление области).

В настоящее время в Испании существует 17 региональных сообществ. Местный уровень администрации представлен 50 провинциями и 8000 муниципалитетами.

Автономные институты устанавливаются по следующей схеме: президент, законодательная ассамблея, правительственный совет и судебная организация с различными иерархиями. Названия принимаются в соответствии с историческими традициями: Женералитет в Каталонии, Генеральный совет в Стране Басков, Хунта в Галисии, Общее собрание представителей (*la Diputacion General)* в Арагоне и др.

При рассмотрении схемы территориальной организации Испании, значения региональных автономных образований, их функций и компетенции, функций и компетенции, находящихся в исключительном ведении государства, следует задаться вопросом о политико-юридической природе испанского государства.

В процессе классификации Испании появляются два больших направления: тех, кто считает, что Испания – региональное государство, и тех, кто предпочитает говорить об унитарном децентрализованном государстве [Шашкова, 1999].

Обе концепции в действительности совпадают в основных принципах системы: регионам предоставляется широкий режим автономий в политической и административной областях, который может привести даже к разработке своих собственных законов. Государство узко контролирует деятельность областей и в то же самое время оставляет за собой ряд исключительной компетенции. Единство государства не является предметом дискуссии, и могут быть применены исключительные меры, в случае когда этому единству что-либо угрожает.

Эксперты по праву настаивают на том, чтобы регулирование новой территориальной организации государства не могло ни каким образом поставить под вопрос национальное единство. Профессор Модесто Сеара утверждает, что самоопределение имеет законную силу для колониальных территорий, а не для национальных меньшинств, в соответствии с международным правом [Шашкова, 2017].

Существует две основные проблемы территориальной организации Испании – это компетенция региональных сообществ и их организация. Государство передает автономиям ряд компетенции. Таким образом, происходит функциональная децентрализация. Возникает единое децентрализированное государство. Вместе с проблемой компетенции областей возникает более интересная проблема: огромное различие между двумя категориями регионов.

В юридической литературе неоднократно возникал вопрос о влиянии Конституции Италии 1947 года на концепцию территориального деления сегодняшней Испании. Существует мнение, что региональная организация государства была заимствована из итальянской модели, поскольку именно в последней проводится различие между двумя категориями регионов.

В региональных автономных образованиях существует два типа статутов: общий и специальный. Следует различать территории, которым предоставлен временный автономный режим, и те, которые имели такой режим с момента вступления в силу Конституции 1978 года [Кремянская, 2017]. Для них установлены разные пути приобретения режима автономии.

Регионы с общим статутом характеризуются тем, что пределы их компетенции ограничиваются полномочиями, установленными самой Конституцией. Только через пять лет после создания они смогут расширить свою компетенцию, но ни в коем случае они не могут приобретать исключительную компетенцию государства.

Регионы со специальным статутом могут с самого начала осуществлять компетенцию, не являющуюся исключительной компетенцией государства, кроме того, они пользуются более независимой процедурой при разработке статута, а также организацией высшего ранга самоуправления и администрации (президент, законодательная ассамблея, правительственный совет, верховный суд и др.).

Критерий, которым руководствовались законодатели, следующий: специальным статутом обладают регионы, юридически признаваемые в качестве имеющих наибольшее значение и региональную независимость. Все остальные регионы имеют общий статут [Барабанов, 2012]. То есть специальный статут предоставляется так называемым «историческим регионам»: Каталонии, Стране Басков и Галисии. В прошлом данные региональные автономные образования одобряли проекты автономных статутов путем народного голосования и располагали временными режимами автономии во время промульгации Конституции.

В случае если иные регионы хотят получить автономию до истечения пятилетнего срока, им необходимо подать ходатайство о предоставлении автономии, одобренное собраниями представителей, соответствующими межостровными органами или тремя четвертыми части населения муниципалитетов каждой из заинтересованных провинций, при условии что данное ходатайство одобрено посредством референдума абсолютным большинством голосов избирателей каждой провинции. Требование такого завышенного кворума приводит к тому, что только регионы, в которых абсолютное большинство жителей стремится к региональной независимости (что позволит избежать риска воздержания от голосования) могут идти по этому второму пути к режиму специального статута.

Таким образом, в Испании существует две категориями регионов: Каталония, Страна Басков и Галисия (те, которые, обладая региональным чувством очень распространённым среди населения, могут добиться соотношения в цензе избирателей, установленного п. 1 ст. 151 Конституции Испании), регионы, которым предоставлен широкий круг компетенции и организационная структура, аналогичная государственной; и, с другой стороны, все остальные с организацией, заставляющей вспомнить сообщества (*Mancomunidades*) с более ограниченной компетенцией.

Границы региональных автономных образований совпадают с границами исторических испанских регионов. Преобладают регионы, состоящие из нескольких провинций, хотя существуют и состоящие из одной провинции (Кантабрия, Астурьяс, Мурсия, Балеарес, Ла Риоха); Мадрид находится на особом положении.

Раздел 8 Конституции Испании «О территориальном устройстве государства» посвящен определению регионального устройства государства. В нем содержатся такие подразделы, как «Общие принципы» (ст. 137 – 139 Конституции Испании), «О местной администрации» (ст. 140 – 142 Конституции Испании), «О региональных автономных образованиях» (ст. 143 – 158 Конституции Испании).

В Конституции Испании определено, что государство по территориальному признаку организуется по муниципалитетам, провинциям и региональным автономным образованиям. Все они пользуются автономией при ведении своих дел [Шашкова, 2001].

Испания является унитарным государством. Основной административно-территориальной

единицей в Испании является региональное автономное образование [*comunidad autónoma*; иногда в русских текстах употребляются такие термины как *автономная область, региональное автономное сообщество и др.]*. Все регионы Испании обладают автономией, однако Страна Басков и Каталония имеют более широкие автономии.

Образование региональных автономных образований предусмотрено Конституцией 1978 года. Ст. 152.1 Конституции Испании устанавливает институциональную основу этих автономных образований - законодательная ассамблея, избираемая всеобщим голосованием, совет правительства с исполнительными функциями и председатель регионального автономного образования, избираемый законодательной ассамблеей).

Заключение

Существующая в настоящее время регионализированная структура Испании представляет актуальный интерес на фоне проводимых в Каталонии референдумов о выходе Каталонии из состава Испании. Референдумы по данному вопросу были проведены в Каталонии в 2009 и 2010 годах, однако наибольшую известность получил референдум, проведенный властями Каталонии 1 октября 2017 года. На данном референдуме 90,18% [Каталония подвела окончательные итоги референдума о независимости…, www] проголосовавших высказались за независимость автономии. При непризнании референдума центральной властью и отказа предоставить независимость региону необходимо законодательно урегулировать возможные разногласия между региональными автономными образованиями и центральной властью во избежание скандалов, выходящих на международный уровень, по вопросу предоставления независимости региону.

На основании проведенного исследования можно прийти к выводу о о необходимости четкого законодательного закрепления на уровне центральной власти исключительных полномочий конкретных региональных автономных образований, а также необходимости урегулирования процедуры признания регионального референдума.

Библиография

1. Барабанов О.В. Тенденции развития региональной политики Италии // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1. С. 61-67.
2. Волеводз А.Г. XIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: некоторые итоги // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6 (23). С. 268-282.
3. Маклаков В.В. (ред.) Иностранное конституционное право. М.: Юристъ, 1996. 512 с.
4. Туманов В.А. (ред.) Италия. Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1988. 392 с.
5. Карпенко К.В. Конституционный совет в судебной системе Франции // Право и управление. XXI век. 2013. № 3. С. 32-41.
6. Каталония подвела окончательные итоги референдума о независимости // РИА Новости. 6 октября 2017. URL: https://news.mail.ru/politics/31246025/?frommail=1
7. Баглай М.В., Лейбо Ю.И., Энтин Л.М. (ред.) Конституционное право зарубежных стран. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2010. 832 с.
8. Кремянская Е.А. Распределение предметов ведения в современных государствах и особенности правового статуса регионов // Молчаков Н.Ю. (ред.) Актуальные проблемы сравнительного, зарубежного и российского конституционного права. М.: МГИМО-Университет, 2017.
9. Ракитская И.А., Кремянская Е.А., Кузнецова Т.О. Конституционные основы Российской Федерации. М.: МГИМО-Университет, 2014. 230 с.
10. Шашкова А.В. Конституционно-правовые основы судебной власти в Италии // Карпенко К.В. (ред.) Конституционно-правовые основы судебной власти в зарубежных странах. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 264-280.
11. Шашкова А.В. Понятие механизма государственного управления // Юрист. 1999. № 4. С. 6-12.

12. Шашкова А.В. Правительство Испании (органиационно-правовые проблемы): дисс. … канд. юрид. наук. М., 2001. 162 с.
13. Шашкова А.В. Конституционное право зарубежных стран. М.: Линкор, 2008. 187 с.
14. Kremyanskaya E.A.. Kuznetsova T.O., Rakitskaya I.A. Russian Constitutional Law. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 230 p.
15. Shashkova A.V. Russian Business Law. M.: Lincor, 2007. 483 p.
16. Shashkova A.V. Study Manual on Bases of Russian Law. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2015.
17. Shashkova A.V., Rakittskaya I.A., Pavlov E.Ya. Emergence and Activity of Legal Entities in Russia in the Pre-Revolutionary Period (comparative analysis) // Bylye Gody. 2017. Vol. 46. No. 4. P. 1333-1344.

Problems of regional development of Spain

Anna V. Shashkova

PhD in Law, Associate Professor,
Department of constitutional law,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Lawyer,
Honorary Consulate of Saint Vincent and the Grenadines,
119454, 76 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Anna_Shashkova@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of the problem of regional development of Spain. The author examines the historical development of the system of autonomy in Spain. The article contains the analysis of development of legislative regulation of autonomies since 1925. With the advent of Franco to power in Spain, decentralization received by regional autonomous entities has become a rigid centralization. However, at the end of his reign, Franco returned to the regions of autonomy. The author of this article analyzes the question of "nationalities and regions" in Spain, as well as the differences between the two types of regions. The regional structure of Spain currently existing in the country is of actual interest against the background of the Catalan referendums on the withdrawal of Catalonia from Spain. Referendums on this issue were held in Catalonia in 2009 and 2010, but the most famous was the referendum held by the authorities of Catalonia on October 1, 2017. The author comes to the conclusion that it is necessary to clearly establish the exclusive powers of specific regional autonomous entities at the level of the central government, as well as the need to settle the procedure for recognition of the regional referendum.

For citation

Shashkova A.V. (2018) Problemy regional'nogo razvitiya Ispanii [Problems of regional development of Spain]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (4A), pp. 170-176.

Keywords

Spain, province, municipality, regional autonomous entity, national problem, competence.

References

1. Baglai M.V., Leibo Yu.I., Entin L.M. (eds.) (2010) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow: NORMA-INFRA-M Publ.
2. Barabanov O.V. (2012) Tendentsii razvitiya regional'noi politiki Italii [Development tendencies of regional policy in Italy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation], 1, pp. 61-67.
3. Karpenko K.V. (2013) Konstitutsionnyi sovet v sudebnoi sisteme Frantsii [Constitutional council in the judicial system of France]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and governance. 21st century], 3, pp. 32-41.
4. Kataloniya podvela okonchatel'nye itogi referenduma o nezavisimosti [Catalonia summed up the final results of the referendum on independence] (2017). *RIA Novosti*, 6th October. Available at: https://news.mail.ru/politics/31246025/?frommail=1 [Accessed 13/04/18].
5. Kremyanskaya E.A. (2017) Raspredelenie predmetov vedeniya v sovremennykh gosudarstvakh i osobennosti pravovogo statusa regionov [Distribution of authority in the modern state and peculiarities of the legal status of regions]. In: Molchakov N.Yu. (ed.) *Aktual'nye problemy sravnitel'nogo, zarubezhnogo i rossiiskogo konstitutsionnogo prava* [Actual problems of comparative, foreign and Russian constitutional law]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
6. Kremyanskaya E.A., Kuznetsova T.O., Rakitskaya I.A. (2014) *Russian Constitutional Law*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
7. Maklakov V.V. (ed.) (1996) *Inostrannoe konstitutsionnoe pravo* [Foreign constitutional law]. Moscow: Yurist" Publ.
8. Rakitskaya I.A., Kremyanskaya E.A., Kuznetsova T.O. (2014) *Konstitutsionnye osnovy Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional basics of the Russian Federation]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
9. Shashkova A.V. (2008) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow: Linkor Publ.
10. Shashkova A.V. (2017) Konstitutsionno-pravovye osnovy sudebnoi vlasti v Italii [Constitutional and legal basis of judicial power in Italy]. In: Karpenko K.V. (ed.) *Konstitutsionno-pravovye osnovy sudebnoi vlasti v zarubezhnykh stranakh* [Constitutional and legal basis of judicial power in foreign countries.]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation , pp. 264-280.
11. Shashkova A.V. (1999) Ponyatie mekhanizma gosudarstvennogo upravleniya [Concept of the mechanism of public administration]. *Yurist* [Lawyer], 4, pp. 6-12.
12. Shashkova A.V. (2001) *Pravitel'stvo Ispanii (organiatsionno-pravovye problemy). Dokt. Diss.* [The government of Spain (organizational and legal problems). Doct. Diss.]. Moscowю
13. Shashkova A.V. (2007) *Russian Business Law*. Moscow: Lincor Publ.
14. Shashkova A.V. (2015) *Study Manual on Bases of Russian Law*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
15. Shashkova A.V., Rakittskaya I.A., Pavlov E.Ya. (2017) Emergence and Activity of Legal Entities in Russia in the Pre-Revolutionary Period (comparative analysis). *Bylye Gody*, 46 (4), pp. 1333-1344.
16. Tumanov V.A. (ed.) (1988) *Italiya. Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty* [Italy. Constitution and legislative acts]. Moscow: Progress Publ.
17. Volevodz A.G. (2015) XIII Kongress OON po preduprezhdeniyu prestupnosti i ugolovnomu pravosudiyu: nekotorye itogi [XIII UN Congress on crime prevention and criminal justice: some results]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Library of the criminalist. Scientific journal], 6 (23), pp. 268-282.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan‑translation) of Russian‑language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.